

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

МГПУ

Международное научное издание
№3/2017

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
2017 г. Том 8. № 3

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ

Главный редактор

Наталия Толстых

Ответственный секретарь

Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына,
В.А. Лабунская, А.П. Оконешникова, Н.К. Радина, Т.Г. Стефаненко,
О.Е. Хухлаев, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия), Е.И. Головаха (Украина),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Александр Донцов

Заместитель председателя

Наталия Толстых

Заместитель председателя

Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына, Т.Г. Стефаненко, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Предисловие главного редактора
Н.Н. Толстых

5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ассертивность и толерантность в межкультурном взаимодействии
Л.Г. Почебут, Д.С. Безносков

8

«Стеклянные стены» — размышления о европейском мультикультурализме
М. Бодзяны

20

Культурные ценности и гендерные роли: обзор
Н. Сиддики, М. Шафик

31

Стратегии поведения в межкультурном конфликте:
обзор зарубежных исследований

А.А. Батхина

45

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дискриминация мигрантов в социоэкономической сфере:
роль межгрупповых установок принимающего населения

Д.С. Григорьев

63

Взаимосвязь аккультурационного ожидания «интеграция»
и удовлетворенности жизнью принимающего населения:
роль генерализованного доверия

Д.И. Дубров

85

Связь психологической суверенности и социальных верований:
границы личности в контексте «большого» социума

С.К. Нартова-Бочавер

100

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Основные причины конфликтов между подростками
в поликультурном классе и их профилактика

О.В. Хухлаева

115

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Адаптация и модификация методики аккультурационных
ожиданий Джона Бери

З.Х. Лепшкова, А.Н. Татарко

125

Психологический эссенциализм: разработка и апробация шкалы
Е.Р. Агадуллина, М.А. Чумакова

147

К юбилею В.А. Лабунской

163

Светлой памяти Ф.Е. Василюка

165

CONTENTS

EDITORIAL

Foreword by the Editor <i>N.N. Tolstykh</i>	5
--	---

THEORETICAL RESEARCH

Assertiveness and tolerance in cross-cultural interaction <i>L.G. Poczobut, D.S. Beznosov</i>	8
“Glass walls” – considerations about european multiculturalism <i>M. Bodziany</i>	20
Cultural value orientation and gender equity: a review <i>N. Siddiqi, M. Shafiq</i>	31
Intercultural conflict styles: literature review <i>A.A. Batkhina</i>	45

EMPIRICAL RESEARCH

The discrimination of immigrants in the socioeconomic domain: the role of intergroup attitudes of the mainstream population <i>D.S. Grigoryev</i>	63
The relationship of acculturation expectation “integration” and life satisfaction of the host population: the role of generalized trust <i>D.I. Dubrov</i>	85
Connection between the psychological sovereignty and social beliefs: personal boundaries in the social world <i>S.K. Nartova-Bochaver</i>	100

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

The main reasons of conflicts between adolescents in the multicultural class and their prevention <i>O.V. Khuhlaeva</i>	115
---	-----

METHODOLOGICAL TOOLS

Adaptation and modification of John Berry’s measure of acculturation expectations <i>Z.Kh. Lepshokova, A.N. Tatarko</i>	125
Psychological essentialism: development and adaptation the scale <i>E.R. Agadullina, M.A. Chumakova</i>	147

On the jubilee of Vera A. Labunskaya	163
---	-----

In memory of Fedor E. Vasilyuk	165
---------------------------------------	-----

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Предисловие главного редактора Foreword by the Editor

Третий номер журнала «Социальная психология и общество» за 2017 год — тематический и посвящен едва ли не самой острой проблеме современного общества — проблеме межнациональных, межкультурных отношений. Мир стремительно глобализируется, на Земле едва ли найдешь сегодня страну с моноэтническим, монокультурным, мононациональным или монорелигиозным населением. И это положение вещей, как бы к нему ни относиться — приветствовать или отвергать, следует принять, констатируя при этом наличие огромного числа проблем, характеризующих этот status quo: от взаимного бытового непонимания друг друга людьми разных национальностей или культур, от проблем мигрантов и с мигрантами до современных форм терроризма, порождаемых, в частности, религиозным фанатизмом и нетерпимостью. Проблемы межнациональных отношений пытаются осмысливать и по мере сил оптимизировать политики, дипломаты, общественные деятели, деятели культуры, наконец, ученые. Среди последних именно социальные психологи играют едва ли не главную роль.

Несмотря на то, что в каждой стране проблемы межнациональных отношений имеют свой характер — и по степени накала, и по содержанию, ученые пытаются выделить некоторые общие закономерности, общие механизмы, которые лежат за теми или иными феноменами межнациональных отношений, вырабатывают единый язык для их описания, разрабатывают методики, которыми можно пользоваться в разных странах для того, чтобы сопоставлять имеющиеся факты и, возможно, находить общие пути для решения существующих проблем. Процесс этого поиска чрезвычайно динамичен и отражает динамику реальных процессов: те понятия и конструкты, которые еще вчера более-менее адекватно описывали происходящее, сегодня зачастую оказываются недостаточными или даже негодными. В статье Л.Г. Почебут и Д.С. Безносова «Ассертивность и толерантность в межкультурном взаимодействии», открывающей рубрику «Теоретические исследования», речь идет как раз о том, что если еще несколько лет назад идеология мультикультурализма, лежащая за понятием «толерантность», многих устраивала и могла оцениваться как удачный ключ к решению проблем межнациональных и межкультурных взаимоотношений, то на новом витке развития последних это уже не так. Авторы считают целесообразным сменить конструкт толерантности на конструкт ассертивности. «Если толерантность, — пишут они, — это проявление уважения к точке зрения другого человека при условии взаимного уважения, то ассертивность — это защита своих прав и соблюдение прав другого человека при условии, что он также соблюдает ваши права». В статье обоснована авторская позиция и подробно проанализированы составляющие ассертивности.

Продолжают рубрику размышления польского исследователя М. Бодзяны о европейском мультикультурализме, о тех невидимых, но прочных «стеклянных стенах», разделяющих живущих бок о бок людей разных культур, которые не так-то легко оказывается разрушить.

Для цитаты:

Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 5–7. doi:10.17759/sps.2017080301

В определенном смысле «стеклянные стены» разделяют в современном обществе также мужчин и женщин, причем в разных культурах толщина этих стен различна, и это различие, разное понимание положения мужчин и женщин в социуме, разное понимание их социальных ролей, можно считать одним из существенных барьеров, разделяющих рядом живущих людей разных национальностей и разных культур. Вот почему мы сочли полезным включить в этот номер журнала обзорную статью ученых из университета Джеймса Миллиа Айлама (Нью-Дели, Индия) Н. Сиддики и М. Шафик, посвященную исследованиям взаимосвязи между ценностями, существующими в различных культурах, с одной стороны, и представлениями о гендерном равенстве — с другой. На основании анализа целого ряда исследований авторы приходят к выводу о том, что позитивные изменения, связанные с преодолением гендерной дискриминации, могут служить делу улучшения взаимопонимания между людьми разных культур, делу развития взаимоотношений между ними.

Еще одна обзорная статья освещает проблематику межкультурного конфликта и стратегий поведения в нем. Автор (А.А. Батхина) рассматривает в данном случае межкультурный конфликт как конфликт межличностный (а не межгрупповой), анализирует 77 преимущественно англоязычных источников, посвященных изучению именно такого рода конфликтов, фиксируя свое внимание на следующих аспектах проблемы: модели поведения в межкультурном конфликте, предикторы выбора стратегии в таком конфликте, эффективность различных стратегий, а также кратко останавливается на используемых методах исследования стратегий поведения в межкультурном конфликте,

Рубрику «Эмпирические исследования» составили три статьи, две из которых (Д.С. Григорьева и Д.И. Дуброва) посвящены изучению позиции принимающего населения по отношению к мигрантам, а третья (С.К. Нартовой-Бочавер) — суверенности человека как важного аспекта развития и жизнедеятельности человека, аспекта, который необходимо исследовать и особо учитывать, когда речь идет о жизни в мультикультурном, сложно организованном обществе.

В центре внимания Д.С. Григорьевой — роль межгрупповых установок принимающего большинства в социэкономической дискриминации мигрантов (меньшинства). На большой российской выборке принимающего населения с применением валидных методик и серьезного математического аппарата автор исследует взаимосвязь социальных верований (вера в опасный и конкурентный мир), идеологических установок (авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, мультикультурная идеология) и готовности к межгрупповому контакту. Высоко оценивая важность выявленных в исследовании закономерностей, отмечу, что в результате, как ни странно, не нашла своего подтверждения гипотеза автора о том, что характер изучаемых взаимоотношений должен различаться в зависимости от «аккультурационного профиля» респондентов — бикультурного, альтернативно-бикультурного или ассимиляционного, что выглядит довольно неожиданно и заставляет не просто задуматься, но и, по-видимому, продолжить исследования в этом направлении.

Статья Д.И. Дуброва представляет исследование автором взаимосвязи между аккультурационным ожиданием «интеграция» и удовлетворенностью жизнью представителями принимающего населения, а также роли в этом генерализованного доверия. Оказалось, что при высоком генерализованном доверии связь между аккультурационным ожиданием «интеграция» и удовлетворенностью жизнью принимающего населения позитивная, а при низком генерализованном доверии — отрицательная. Это, по мнению автора, доказывает важную роль генерализованного доверия для переживания представителями принимающего населения удовлетворенности своей жизнью в случае предпочтения ими интеграции мигрантов.

Важность включения конструктов психологической суверенности, границ личности в анализ процессов бытия и развития человека в контексте «большого социума» в обсуждение проблематики межкультурного взаимодействия доказывается не только некоторыми общими соображениями («суверенность как феномен границ — явление межличностное, социальное, которое стимулируется или разрушается активностью других людей и даже просто их существованием рядом»;

«прочность личностных границ представляет собой важный адаптивный инструмент, регулирующий отношения человека и других людей»), но и приводимыми С.К. Нартовой-Бочавер в своей статье фактами о специфических характеристиках этих конструкторов у представительей разных народов с учетом к тому же гендера. Так, например, ссылаясь на работы К.В. Мартиросян, С.К. Нартова-Бочавер указывает на различия в характере суверенности в группах юношей и девушек разных национальностей: армянские юноши по сравнению с русскими демонстрируют более высокий уровень суверенности, чувствуя себя свободными в выборе социальных контактов, территории проживания и удовлетворении физиологических потребностей, в то время как у девушек наблюдается противоположная картина. Интересной автору представляется постановка вопроса о феноменологии суверенности в межкультурном пространстве, предпринятая С.Я. Телегиной. Изучая суверенность младших и старших подростков (русских, евреев и татар), проживающих в родной или неродной культуре, исследовательница обнаружила, что при наличии этно-сензитивных различий в изучаемой характеристике ее уровень существенно ниже у подростков, живущих в условиях иной культуры. Собственное исследование С.К. Нартовой-Бочавер, изложенное в публикуемой в настоящем номере журнала статье, посвящено изучению связи между психологической суверенностью и социальными верованиями (верой в справедливый мир, религиозностью, ожиданием вознаграждения за усилия, контролем над судьбой). Автор приходит к выводу, что умеренно суверенные люди, представляющие собой наиболее адаптированную группу, свободны от типичных верований как формы социальных стереотипов, что делает их более успешными в установлении продуктивных взаимоотношений с другими людьми.

Статья О.В. Хухлаевой «Основные причины конфликтов между подростками в поликультурном классе и их профилактика» составила содержание рубрики «Прикладные исследования и практика». Опираясь на идеи ведущих специалистов в области психологии подростка, с одной стороны, и межкультурного взаимодействия — с другой, автор анализирует причины межкультурных и межэтнических конфликтов, которые могут возникать (и реально нередко возникают) в подростковых сообществах, в частности в школьных классах, где совместно обучаются подростки, принадлежащие к разным культурам или этносам. О.В. Хухлаева предлагает и некоторые пути профилактики подобных конфликтов.

В рубрике «Методический инструментарий» — две статьи: «Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри» (авторы — З. Лешокова, А.Н. Татарко) и «Психологический эссенциализм: разработка и апробация шкалы» (авторы — Е.Р. Агадулина, М.А. Чумакова). В обеих не только представлены методики, полезные для изучения процессов межкультурного и межнационального взаимодействия, но также описан путь разработки этих методик и проверки их психометрических характеристик и валидности.

Завершает номер поздравление редакции журнала Веры Александровны Лабунской с ее юбилеем. Присоединяюсь к этому поздравлению и от себя лично желаю Вам, Вера Александровна, крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов, удачи во всех Ваших делах, а также выражаю надежду на продолжение успешного сотрудничества с нашим журналом!

Номер уже был готов к выпуску, когда пришла печальная весть — не стало Федора Ефимовича Василюка, выдающегося ученого и замечательного, редких достоинств человека. Он не был социальным психологом в обычном понимании этой профессиональной категории, но что тогда разработанная им понимающая психотерапия, предполагающая содержательное общение двух людей? Ведь, как любил говорить своим студентам М.Ю. Кондратьев: разговаривают двое — это уже социальная психология.

Н.Н. Толстых

For citation:

Tolstykh N.N. Foreword by the Editor. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 5–7. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080301

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Ассертивность и толерантность в межкультурном взаимодействии

Л.Г. ПОЧЕБУТ*,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, ludmila.pochebut@gmail.com

Д.С. БЕЗНОСОВ**,
СПбГИПСР, Санкт-Петербург, Россия, don_bizon@inbox.ru

Статья посвящена теоретическому анализу понятий «толерантность» и «ассертивность». Проблема современного межкультурного взаимодействия состоит в необходимости смены стратегии толерантности на стратегию ассертивности. Рассмотрена практика мультикультурализма и идеология толерантности. Выделены шесть барьеров межкультурного взаимодействия. Проведено сравнение идей толерантности в европейских, арабских, дальневосточных культурах и в России. Рассмотрены границы проявления толерантности. Описаны правила толерантного поведения. Предложено в научном анализе и в реальной практике межкультурного взаимодействия переходить к стратегии ассертивности. Толерантность — это проявление уважения к точке зрения другого человека при условии взаимного уважения. Ассертивность — это защита своих прав и соблюдение прав другого человека при условии, что он также соблюдает ваши права. Описаны способы ассертивного поведения: готовность к сотрудничеству, открытость поведения, распределение обязанностей, отстаивание своих прав и интересов, определение перспектив дальнейшей работы; а также тактики ассертивного по-

Для цитаты:

Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Ассертивность и толерантность в межкультурном взаимодействии // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 8–19. doi:10.17759/sps.2017080302

* *Почебут Людмила Георгиевна* — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ludmila.pochebut@gmail.com

** *Безносков Дмитрий Сергеевич* — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Санкт-Петербургский государственный институт практической психологии и социальной работы, Санкт-Петербург, Россия, don_bizon@inbox.ru

ведения: «интересы», «антидискриминация», «достижения», «нормы», «активность», «доброжелательность».

Ключевые слова: мультикультурализм, толерантность, асертивность, межкультурное взаимодействие, тактики асертивности, правила и принципы асертивности.

Изучение проблем психологии межкультурного взаимодействия становится особенно актуальным. В настоящее время из арабских стран в Европу прибыли тысячи мигрантов. Неконтролируемый поток мигрантов создает психологические проблемы и трудности, как для местного населения, так и для самих мигрантов. Взаимная аккультурация протекает очень сложно, сопровождается массовыми демонстрациями, стихийными столкновениями и террористическими актами. В Европейском Союзе официальной идеологией ранее был провозглашен мультикультурализм, направленный на взаимную аккультурацию и адаптацию различных народов, проживающих в одном государстве. Практика мультикультурализма основана на идеях толерантности и нацелена на то, чтобы прибывшие мигранты осваивали язык, нормы, законы, культуру, традиции своей новой родины. Этническое большинство, составляющее страны Европы, согласно практике мультикультурализма, должно сформировать аккультурационные ожидания и адаптироваться к мигрантам. Мультикультурализм предполагает, что этносы, исторически населяющие Европу, в какой-то степени должны перенять культуру, обычаи, религиозные традиции мигрирующих этносов. То есть должна быть осуществлена взаимная аккультурация. Перед народами Европы встал судьбоносный вопрос: готовы ли они, проживающие в странах современной Европы, принци-

пиально изменить свой образ жизни, освоить арабский язык с целью свободного общения с мигрантами, поменять стиль и нормы общения, манеру одеваться, пищевые традиции и т.д. Историческая практика межэтнических отношений свидетельствует о фактической невозможности полной взаимной аккультурации. Мультикультурализм — это дорога с двусторонним движением. Правила движения по этой дороге таковы: если должна измениться культура одной стороны (мигрантов), то в свою очередь должна меняться и культура другой стороны (аборигенного населения). Притча о Вавилонской башне, рассказанная в Библии, предупреждает народы о невозможности их полного слияния, о крахе, который их ждет в случае утраты собственной этнической идентичности. Ситуация, сложившаяся в настоящее время в некоторых странах Европы, показывает психологическую несовместимость европейских и арабских культур. Прежде всего, несовместимость проявляется на социальном и социально-психологическом уровнях, которые детерминированы специфичными барьерами межкультурного взаимодействия.

Межкультурное взаимодействие, в отличие от внутрикультурного, обладает рядом особенностей, способствующих возникновению социально-психологических барьеров, вызывающих трудности. Социально-психологические барьеры, согласно Б.Д. Парыгину, означают определенные состояния или свойства

человека, блокирующие его духовно-психические резервы и замедляющие его жизнедеятельность [8, с. 165].

При изучении проблем межкультурного взаимодействия мы выделили шесть основных социально-психологических барьеров.

Первый барьер возникает при использовании вербальных и невербальных средств коммуникации. В разговорной речи вербальные средства означают знание родного и других языков. Вербальный язык включает такие компоненты, как морфемы, фонемы, грамматику, лексику и синтаксис. Вербальные средства являются основой смысловой системы, обеспечивающей обмен между людьми, идеями, чувствами и состояниями. Невербальные средства представляют собой поведенческие и паралингвистические особенности. Вступая в межкультурное взаимодействие, общаясь с другими людьми на чужом для него языке, человек не может полностью овладеть спецификой чужого языка, понимать глубинный смысл высказываний партнера, невербальное поведение, сопровождающееся мимикой. Изучение билингвизма свидетельствует о том, что существует тесная связь между культурой и языком. В сознании носителей нескольких языков представлены специфические языковые (вербальные и невербальные) культурные системы. Когда человек говорит на одном языке, включается одна культурная система, когда он переходит на другой язык, то соответственно переключается на другую систему [6, с. 457–460].

Второй барьер обусловлен наличием etic- и emic-элементов. Изучение универсальных свойств психики людей, не зависящих от культуры, возможно при использовании анализа etic-элементов. Кросс-культурные различия и сравнение

психических особенностей людей проявляются при изучении emic-элементов. При межкультурном взаимодействии человек должен знать и учитывать не только общие правила поведения (etic-элементы), но и ситуативные особенности, связанные с emic-элементами. К примеру, в каждой культуре существует определенная социальная дистанция при общении людей (etic-элемент). Однако в различных культурах дистанция общения существенно различается. Испанцы, итальянцы, латиноамериканцы используют более близкую социальную дистанцию при общении с партнерами. Общение людей в североевропейских странах происходит на более далеком расстоянии [9, с. 16–18].

Третий барьер вызван проявлением этноцентризма, который понимается как тенденция смотреть на окружающий мир и других людей с помощью своих культурных фильтров. Эти фильтры представляют собой особые механизмы, посредством которых культура воздействует на психику человека. Культурные различия, правила, нормы, традиции могут приводить к непониманию партнеров, ошибкам в коммуникации, конфликтам. Например, острая конфликтная ситуация была спровоцирована так называемым «карикатурным джихадом». 30 сентября 2005 г. в газете «JyllandsPosten», выпускаемой в Дании, было опубликовано 12 рисунков, подписанных «Лики Мухаммеда» и содержащих карикатуры на исламского пророка [13, с. 81–82]. Возник конфликт, который был обусловлен этноцентричным взглядом на мир носителей некоторых западных христианских культур и имел символический характер. В восприятии жителей восточной исламской Азии изображение и оценка религиозных символов имеет

глубокий культурный смысл. Подобное проявление этноцентризма со стороны некоторых представителей европейских культур привело к далеко идущим последствиям. Террористические атаки на Европу отчасти обусловлены подобным проявлением этноцентризма.

Четвертый барьер на пути эффективного межкультурного взаимодействия связан со стереотипами восприятия и поведения, которые могут лежать в основе фундаментальной, мотивационной и предельной ошибок атрибуции. С целью удовлетворения собственных интересов (self-serving bias) могут возникнуть и другие атрибуции: искажение информации, защитные механизмы и пр. Атрибутивные тенденции при общении людей друг с другом имеют место во всех культурах, но в разных культурах проявляются своеобразно [11, с. 297–300].

Пятый барьер заключается в неопределенности или двусмысленности информации об основных правилах, посредством которых будет осуществляться межкультурное взаимодействие. У людей нет уверенности в том, что правила и нормы поведения, которые приняты в различных культурах, идентичны. Такая неопределенность присуща и вербальному и невербальному поведению. При проведении межкультурных переговоров участникам переговоров следует добиваться уменьшения неопределенности, устранения двусмысленности в понимании целей, задач, норм и правил поведения.

Шестой барьер — это несоответствие взаимных ожиданий, что также может привести к непониманию с обеих сторон и возникновению конфликта. При межкультурном взаимодействии существенно повышается вероятность такого несоответствия. Люди могут интерпре-

тировать это несоответствие как неприятие их морали и системы ценностей, что вызывает негативные эмоции, которые могут поколебать или даже разрушить Я-концепцию человека. Конфликты непонимания возникают не только при общении людей, они также могут быть связаны с условиями инокультурной жизни — питанием, манерой одеваться, общественным транспортом, ведением бизнеса и пр. [12, с. 361–366].

Барьеры межкультурного взаимодействия могут приводить к фрустрации, эмоциональным переживаниям, потере интереса к подобному взаимодействию из-за необходимости приложения дополнительных усилий. Барьеры способствуют возникновению стресса аккультурации или культурного шока [10, с. 86–90].

Мультикультурализм как официальная идеология Евросоюза основан на идеях толерантности. В 1995 г. в Европе ЮНЕСКО была принята Декларация толерантности, которая ориентирует личность на паритетный диалог, на познание нового, освоение чужого опыта. В философии толерантность понимается как нравственное начало, как отношение к другому человеку, принадлежащему к другой культуре или религии, как к личности, достойной уважения. Нельзя сравнивать толерантность с простой терпимостью, снисходительностью, равнодушием или вынужденным терпением неприятных людей и нетактичного их поведения. Отличие толерантности от простой терпимости состоит в защите личности, сохранении собственной автономии [9, с. 68].

Члены каждой культуры на протяжении исторического развития выработали свою систему установок на взаимодействие с людьми других культур, в понятие толерантность они вкладывали собственный смысл. Впервые офици-

ально религиозная толерантность была провозглашена во французской культуре и понималась как уважение свободы других людей, их политических и религиозных взглядов. Идеи толерантности в философской традиции развивал французский мыслитель Мишель Монтень. Он написал книгу «Об искусстве жить достойно» и утверждал, что терпимость, здравый смысл, разумное чувство меры призваны способствовать развитию гармонии личности, свободы духа. В эпоху религиозных войн, фанатизма и догматизма Монтень провозгласил принципы толерантного межконфессионального общения и взаимодействия [7, с. 176]. В XVIII в. французский философ и просветитель Ф. Вольтер боролся против религиозного фанатизма, предрассудков и суеверий. Именно Ф. Вольтеру принадлежит изречение, которое заложило основы толерантного отношения к людям и их идеям: «Я не согласен с тем, что Вы говорите, но пожертвую своей жизнью, защищая Ваше право высказать собственное мнение» [3]. В середине XIX в. Огюст Конт основал новое направление — позитивистскую философию, провозгласив толерантность и релятивизм ее основными принципами. Он отмечал, что позитивистская философия должна быть более беспристрастной и более терпимой в отношении всех иных философских течений [4, с. 57—58].

В английской культуре толерантность определяется как способность и готовность без протеста принимать личность другого человека, его поведение и идеи. Ф. Бекон в своей книге «Новый Органон» призвал людей к толерантности, к тому, чтобы враждующие религии в Великобритании примирились [2]. Дж. Локк считал, что другой человек имеет право быть иным, он дал философ-

скую интерпретацию понятию «инаковость», призвал к толерантному отношению к другим людям. В науке признано, что именно Дж. Локк, опубликовав книгу «Послание о веротерпимости», изложил основы толерантности [5].

Таким образом, идея толерантности имеет глубокие философские корни и проникла в общественное сознание европейцев. Можно утверждать, что в западно-европейском понимании толерантности основное внимание сосредоточено на когнитивных компонентах толерантных взаимоотношений. Толерантность характеризуется как «уважение—понимание—принятие», как способность и готовность вести себя в соответствии с ценностями культуры мира, как стремление к согласию и плюрализму.

В арабском мире понимание толерантности опирается не на когнитивные составляющие психики, а на эмоциональные. Толерантность связана с разнообразием чувств, таких как сострадание, мягкость, прощение, терпение, снисхождение к людям, расположение к ним, готовность к примирению с противником. Чувственный компонент межэтнических отношений выражается в сострадании, снисхождении к более слабому партнеру. Сильный партнер не рассматривается в этих культурах как объект, достойный толерантности (сострадания), а напротив, как объект интолерантности, которого необходимо подчинить своей воле.

В дальневосточных культурах (Китай, Вьетнам, Корея, Япония и др.) внимание людей сосредоточено на поведенческом компоненте. Под толерантностью понимают соблюдение правил поведения и норм морали, а также проявление великодушия в отношении других людей. Носители этих культур способны на принятие и адаптацию людей из других

культур, переосмысление и переработку их идей. Однако культурные заимствования в этих культурах осуществляются только при условии сохранения своих культурных традиций, ценностей, норм, нравственных ориентиров. В межличностном и межэтническом общении люди стремятся сохранить собственное достоинство («свое лицо») и не уронить достоинство партнера, («его лицо»).

В русской культуре понятие «толерантность» рассматривается в нескольких значениях. Прежде всего, толерантность часто связывают с феноменом терпимости, как пассивное принятие окружающего мира и происходящих в нем событий. Однако в связи с принятием Декларации принципов толерантности, это понятие уже трактуется в России не как пассивное, а как активное нравственное начало, как импульс, направленный на уважение прав и свобод другого человека, признание его права сохранять свою индивидуальность, иметь собственное мнение, отказ от философского и религиозного догматизма, обеспечение равноправного диалога при разрешении межэтнических или межгосударственных конфликтов, уважение самобытности и идентичности каждого народа, разрешение конфликтов на основе международного и государственного права. Российский исследователь Г.Л. Бардиер считает, что толерантность — это готовность человека мирно уживаться с другими людьми, учитывая свое сходство и различие с ними [1, с. 47]. Таким образом, российское понимание толерантности близко по духу европейскому пониманию, однако черты общей терпимости, заложенные в психике русского человека, сохраняются.

В межкультурном взаимодействии могут быть использованы две стратегии

поведения — толерантность и ассертивность. Эти стратегии не противоречат друг другу, поскольку ассертивность как более широкая стратегия включает в себя толерантность.

Стратегия толерантности предполагает уважение точки зрения, суждений, мнений, позиции окружающих людей, при соблюдении условия, что они также уважают вашу позицию. Уважение к точке зрения других людей проявляется при использовании трех основных тактик поведения:

1) признание возможности существования другой точки зрения, иных норм и правил поведения в другой культуре;

2) предоставление возможности высказать свою точку зрения, вести себя иным образом, если это не противоречит правовым нормам.

3) возможность сохранения и отстаивания собственного мнения в случае несогласия с точкой зрения другого человека, устойчивость к его давлению и манипуляциям.

Толерантность основана на «платиновом» правиле межкультурного взаимодействия и ориентирует человека на следующее поведение: «Делай также, как и другие люди». Это правило люди часто соблюдают, вступая в межкультурное взаимодействие и общение. «Платиновое» правило ориентирует человека на определенное поведение, когда он приезжает в другую страну и попадает в иную культуру. Оно означает, что человек в новой для него ситуации, не зная всех особенностей и правил, должен в своем поведении подражать окружающим, соблюдать их обычаи, нормы, традиции. При этом ни в коем случае он не должен навязывать свои ценности, образ жизни, религию и пр. Пословицы и поговорки практически всех стран мира сфокусированы на этом правиле.

Например, известная русская пословица гласит: «В чужой монастырь со своим уставом не ходи» [9, с. 106].

Однако толерантность не должна означать сдачу своей позиции, постоянных уступок, выхода из взаимодействия с потерями и неудовлетворенностью. В межэтническом взаимодействии важна нацеленность на защиту своих интересов, своей культуры, традиций, норм и правил поведения. Толерантность имеет границы своего проявления. Первая граница определяется по степени вреда, наносимого человеком обществу или другому человеку. Примером может служить вред, наносимый некоторыми мигрантами жителям Германии, Франции, Бельгии и других стран во время празднования Нового 2016 года. Поэтому не удивительны призывы отгородиться от мигрантов из арабских стран высоким забором. Вторым примером может служить вред, наносимый людям в случае совершения террористического акта. Этот вред, наносимый обществу и конкретным людям очевиден и огромен, поэтому толерантное отношение к терроризму недопустимо.

Границы толерантности заданы также соблюдением прав человека. Нарушение прав человека со стороны отдельных людей означает, что они не могут рассчитывать на толерантное к ним отношение. Безусловно, границы толерантности различны в зависимости от типа культуры, общества. Невозможно описать «истинную» толерантность, пригодную для любого общества. В каждом обществе люди сами должны определиться с границами толерантности. Так, например, жители Бельгии и Голландии более толерантны к гомосексуалистам, чем жители России. В свою очередь в России люди более толерантны к высказыванию различных

мнений о событиях в Крыму и на Донбасе, чем граждане Украины. Границы толерантности зависят от нравственных норм, политической ситуации, истории межэтнических отношений.

Тактики поведения, которые служат барьерами толерантности и приводят к интолерантности, можно представить следующим образом:

- нарушение прав человека со стороны государства или окружающих людей;
- сознательное искажение или сокрытие информации, необходимой человеку для принятия решения и организации своего поведения;
- скрытый или явный обман;
- манипуляция поведением, мнением, настроением людей;
- агрессивное поведение одних людей по отношению к другим;
- причинение другому человеку физического или морального вреда.

Эти тактики приводят к интолерантному отношению к человеку или группе. *Правило интолерантности*, которым также часто руководствуются люди, означает: «С другими людьми нужно поступать так, как ты не поступил бы с самим собой». Применение этого правила на практике приводит к неравенству людей, к идее превосходства одной культуры над другими.

В случае столкновения с интолерантностью человек должен уметь активно отстаивать свои права и интересы. Активная самозащита должна осуществляться на основе сложившейся в культуре морали и принятого в обществе законодательства. Манипуляции, обман, агрессия и давление на человека могут привести к тому, что он становится жертвой эгоизма и корыстных интересов других людей, утратить свои права, а порой и имущество или жизнь. В этой связи це-

лесообразно говорить о толерантности, как составной части более широкого явления ассертивности.

Стратегия ассертивности нацелена на соблюдение прав другого человека при условии, что он также соблюдает ваши права. Ассертивность можно определить как способность и умение человека защищать свои права и интересы, достигать личных целей, не унижая других людей, а уважая и не нарушая их прав, свобод, интересов и целей.

Ассертивное поведение гораздо труднее и сложнее толерантного. Толерантное поведение основано на проявлении доверия и уважении к другому человеку и ожидании обоюдного уважения и доверия. Ассертивное поведение требует не просто проявления уважения, но и умения защищаться от интолерантного поведения других людей. Если ожидания толерантности со стороны окружающих не оправдались, то необходимо обратиться к ассертивности. В отличие от толерантности, основанной на доверии к другому человеку, переход к ассертивности вызван недоверием к партнеру, поэтому взаимодействие существенно усложняется, а межкультурное взаимодействие может приобрести более конфликтную форму.

Способами ассертивного поведения являются:

1) проявление готовности к сотрудничеству, поиску общих интересов и взаимовыгодных выходов из сложившейся ситуации;

2) дружелюбное, доброжелательное, открытое и искренне поведение, которое может способствовать установлению более доверительных отношений;

3) четкое распределение обязанностей между партнерами, оформление письменных договоренностей, инструкций, соглашений;

4) настаивание на своих правах, интересах, ценностях;

5) определение перспектив дальнейшей совместной работы [12, с. 554].

Мы разработали следующие тактики ассертивного поведения.

- Тактика «интересы» проявляется в осознании, анализе своих целей и интересов, а также целей и интересов противоположной стороны.

- Тактика «антидискриминация» как недопущение дискриминационного и манипулятивного поведения других людей по отношению к субъекту, а также отсутствие подобного поведения со стороны субъекта по отношению к партнеру по взаимодействию.

- Тактика «достижения» предполагает анализ приемов и способов достижения своих целей, реализации интересов.

- Тактика «нормы» означает приверженность нормам справедливости, взаимности, законности, морали и т.д.

- Тактика «активность» направлена на активное отстаивание своих целей и интересов, своей точки зрения и позиции.

- Тактика «доброжелательность» — это проявление внимательного и доброжелательного отношения к партнеру по взаимодействию.

Принципы ассертивного поведения при межкультурном взаимодействии.

1. Конструктивное межкультурное общение возможно при взаимном понимании культурных различий. Эффективное общение осуществляется только тогда, когда взаимодействующие люди соглашаются с существованием культурных различий, понимают их сущность и учитывают в своем поведении.

2. Цель межкультурного взаимодействия заключается в отстаивании человеком первостепенной значимости своих интересов в том случае, когда взаимо-

действующие партнеры находятся в его культурной среде, стране, фирме и т.д. Признание первостепенной значимости интересов партнера должно происходить, когда собеседники находятся на территории партнера: в его культурной среде, стране, фирме. Таким образом, в межкультурном взаимодействии осуществляется специфический подход к осознанию целей и соблюдению интересов представителей различных культур. Ассертивность проявляется в защите не только своих интересов и интересов своего народа в целом, но и учет интересов представителей другого народа.

3. В процессе межкультурного взаимодействия важна ориентация на будущее, а не на прошлое. В межкультурном взаимодействии должны доминировать перспективы на будущее. Важна ориентация на потомков (как они будут жить и взаимодействовать в дальнейшем), а не на предков (какие отношения складывались между культурными группами в прошлом).

4. Межкультурное взаимодействие терпит неудачу, если:

а) люди в процессе общения отрицают систему ценностей, принятых в культуре другого человека, считают эти ценности не достойными внимания и уважения;

б) оскорбляют национальные чувства, которые отражают глубокие культурные корни исторической памяти народа;

в) унижают национальное достоинство, которое выражается в вере в собственные силы и надежде на процветание в будущем.

Признаки межкультурного ассертивного общества состоят в следующем.

5. Построение правового государства, возможность регуляции межэтнических и других конфликтов на правовой основе. Соблюдение социальных, экономиче-

ских и иных прав человека, его права разговаривать на родном языке и развивать свою культуру.

6. Создание гражданского общества, накопившего большой социальный капитал, основанный на взаимном доверии, моральных и правовых нормах, гражданской активности, защите своих прав и свобод.

7. Самодостаточность общества, проявляющаяся в высоком уровне благосостояния членов общества, отсутствии резких различий между богатыми и бедными. Только общество с высоким уровнем благосостояния способствует проявлению толерантности всех возможных видов — этнической, конфессиональной, экономической, межличностной и т.д.

8. Наличие чувства собственного достоинства у людей и сохранение их самобытной культуры позволяет им с уважением относиться к культуре и личности других людей.

9. Оптимальный уровень культурной, социальной, этнической, религиозной идентичности. Сохранение самобытной культуры людей позволяет им с уважением относиться к культуре и правам других людей.

10. Открытость общества, опыт межкультурного общения и взаимодействия, возможность туристических поездок и поездок с целью обучения и пр.

11. Профилактика интолерантности, устранение причин терроризма, приводящих к росту межэтнической, межконфессиональной напряженности [12, с. 551].

Эра ассертивности приходит на смену эры толерантности. Новая ситуация межкультурного взаимодействия требует от человека более высокого и качественно-го уровня развития коммуникативных и организаторских способностей, умения жить в новом более сложном межкультурном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бардиер Г.Л.* Социальная психология толерантности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 120 с.
2. *Бекон Ф.* Новый Органон. М., 2009. 145 с.
3. *Вольтер Ф.* «Философские письма». СПб.: «Макро-мегас», 1914. 187 с.
4. *Конт О.* Дух позитивной философии. СПб.: Изд-во СПб. философского общества, 2001. 140 с.
5. *Локк Дж.* Послание о веротерпимости: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 91–134.
6. *Мацумото Д.* Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 414 с.
7. *Монтень М.* Об искусстве жить достойно. М., «Канон+», РООИ «Реабилитация», 1973. 200 с.
8. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. СПб.: СПГУПР, 1999. 591 с.
9. *Почебут Л.Г.* Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности. СПб.: Изд-во СПбУ, 2005. 280 с.
10. *Почебут Л.Г.* Кросс-культурная и этническая психология. СПб.: Питер, 2012. 280 с.
11. *Почебут Л.Г.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2017. 400 с.
12. *Почебут Л.Г., Мейжис И.А.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. 665 с.
13. *Тен Ю.П.* Культурология и межкультурная коммуникация. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 324 с.

Assertiveness and tolerance in cross-cultural interaction

L.G. POCZOBUT*,
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
ludmila.pochebut@gmail.com

D.S. BEZNOSOV**,
St. Petersburg State Institute of applied psychology and social work,
St. Petersburg, Russia, don_bizon@inbox.ru

The article is devoted to the theoretical analysis of the concepts of tolerance and assertiveness. Problem of contemporary cross-cultural interaction is the need to shift strategy of tolerance on strategy of assertiveness. Considered the practice of multiculturalism based on the idea of tolerance. Six barriers to cross-cultural communication. Comparison of understanding tolerance in European, Arab, Eastern cultures and in Russia. Boundaries are considered manifestations of tolerance. Developed rules of tolerant behavior. Proposed in scientific analysis and in actual practice, intercultural strategy move to assertiveness. Tolerance is respect for the views of another person, provided that he respects your opinion. Assertiveness is the respect for the rights of another person, provided that it also respects your rights. Describes the ways in assertive behavior: the willingness to cooperate, the openness of conduct, allocation of responsibilities, defend their rights and interests, defining the way forward. Tactics developed in assertive behavior: "interests", "anti-discrimination", "achievement", "standards", "activity", "goodwill".

Keywords: *multiculturalism, tolerance, assertiveness, cross-cultural interaction, tactics and principles assertiveness.*

REFERENCES

1. Bardier G.L. Socialnaja psichologija tolerantnosti [Social Psychology of tolerance]. Saint-Petersburg: Publ. CPbGY, 2005. 120 p.
2. Becon F. Novy Organon [New Organon]. Moscow, 2009. 145 p.
3. Volter F. Filosofskie pisma [Philosophical letters]. Saint-Petersburg, Publ. Makromegas, 1914. 187 p.

For citation:

Poczobut L.G., Beznosov D.S. Assertiveness and tolerance in cross-cultural interaction. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 8–19. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080302

* *Poczobut Ludmila G.* — Doctor in Psychology, Professor of the Chair of Social Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ludmila.pochebut@gmail.com

** *Beznosov Dmitrii S.* — PhD in Psychology, senior lecturer of Faculty of General Psychology, St. Petersburg State Institute of applied psychology and social work, St. Petersburg, Russia, don_bizon@inbox.ru

4. Cont O. Duh pozitivnoj filosofii. Saint-Petersburg [The spirit of positive philosophy]. Publ. Saint-Petersburg filosofskogo obchestva, 2001. 140 p.
5. Lokk Dg. Poslanie o veroterpimosti: v 3 t. T. 3 [Message of religious tolerance: in 3 vol. Vol. 3]. Moscow, Publ. Mysl, 1988. pp. 91–134.
6. Mazymoto D. Chelovek, kultura, psichology. Ydivitelnue zagadki, issledovaniu i otruktiya [People, culture, psychology. Udivitelnye puzzles, researches and discoveries]. Saint-Petersburg, Publ. Praim-Evroznak, 2008. 414 p.
7. Monten M. Ob iskystvze zit dostoyno [About art to live in dignity]. Moscow, Publ. Kanon+, POOI «Reabilitaziu», 1973. 200 p.
8. Parugin B.D. Sozialnaja psichologija [Social psychology]. Saint-Petersburg, Publ. SPGYPR, 1999. 591 p.
9. Pochebut L.G. Vzaimoponimanie kyltyr. Metodologija i medody etnicheskoy i kross-kyltyrnoj psichologii. Psichologija mezhetnicheskoy tolerantnosti [Understanding cultures. Methodology and techniques of ethnic and cross-cultural psychology. Psychology of ethnic tolerance]. Saint-Petersburg, Publ. SPbY. 2005. 280 p.
10. Pochebut L.G. Etnicheskaja i kross-kyltyrnaja psichologija [Cross-cultural and ethnic psychology]. Saint-Petersburg, Publ. Piter, 2012. 335 p.
11. Pochebut L.G. Sozialnaja psichologija [Social psychology]. Saint-Petersburg, Publ. Piter, 2017. 400 p.
12. Pochebut L.G., Mejzhis I.A. Sozialnaja psichologija [Social psychology]. Saint-Petersburg, Publ. Piter, 2010. 665 p.
13. Ten U.P. Kyltorologija i mezkyltyrnye kommunicacii [Cultural studies and intercultural communication]. Rostov n/D: Publ. Feniks, 2007. 324 p.

‘Glass walls’ — considerations about European multiculturalism

M. BODZIANY*,
Military Academy of Land Forces, Wrocław, Poland,
m.bodziany@interia.pl

European culture — the product of Western civilization that grew on the pillars of multiculturalism, expansion and progress. It is a place where for centuries a melting pot of cultures has been a natural driving force of progress and development, to which Europe owes not only its wealth. Europe also owes demographic problems to this, which today constitute the most important subject of scientific debate on the future of Europe and opportunities to maintain the achievements of the past, the level of civilization built by generations. ‘Glass walls’ invoked in the title of the article are of symbolic nature, no mention is made of real barriers known in history as the Great Wall of China, the Berlin Wall, Hadrian’s Wall and others. It is about mental and invisible walls focused around attitudes such as the ethnic and cultural distance, as well as intolerance and prejudices against any otherness.

Keywords: *Europe, migration crisis, multiculturalism, a melting pot of cultures, migrations.*

We live in Europe — a place where the foundations were laid for western civilization, from where for nearly half a millennium rays of splendor and development have been reaching almost every corner of the world; we live in a place that has been building its power not only through progress and development, but also blood and suffering. We must not forget the wealth of nations, from which we draw, the achievements of science, which illuminated the darkness of medieval Europe. In gratitude let us create a world friendly for ‘foreigners’ and demolish walls erected before our eyes.

Marek Bodziany

For citation:

Bodziany M. “Glass walls” — considerations about european multiculturalism. *Sotsial’naia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 20–30. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080303

* *Bodziany Marek* — Lieutenant Colonel of the Polish Armed Forces, Doctor of Sociology, Head of the Department of Public Security at the Faculty of Security Sciences at the Military Academy of Land Forces, Chief Editor of the WSOWL Publishing House and Editor of Scientific Journals of Student Association. Faculty of Security Sciences, Military Academy of Land Forces, Wrocław, Poland, m.bodziany@interia.pl

INTRODUCTION

Whenever a question about the future of Europe arises, the subconsciousness offers the Latin phrase placed in the emblem of the United States of America – *E pluribus unum* [9], which in free translation means ‘unity in diversity’. Almost at the same time another question appears with regard to the phenomenon that emerged in colonial times, further was strengthened during the beginning of the statehood of the United States of America in the eighteenth and nineteenth century and continues to this day, despite the very bright cultural contrasts, social inequality and attitudes of racism and intolerance still deeply rooted in the society. That phenomenon provokes a profound reflection, taking the form of questions, *what factors made the American public, so ethnically diverse and built on conflicts of cultures and intolerance, able to create not only the state, but also the empire shaping the economy, politics and mass culture in the world?* This question cannot be definitely answered, however, the fact is that the state exists and will probably exist for a long time, in spite of the internal problems arising from cultural heterogeneity and ethnic differences.

On the basis of the issues under consideration, a dilemma arises relating to multiculturalism in Europe, its nature and the interpretation frameworks of classical definitions of the very notion. It has so much importance that the new reality that Europe has faced imposes a need to look at the future of its inhabitants from the perspective of changing social order, which is anchored in the migration crisis. Thus, how to define European multiculturalism: *is it to be treated as a social fact justified by multi-ethnicity and cultural mosaicism? Can it be looked at from the perspective of social relations and*

interactions between representatives of different cultures? The answer to these questions as well as many others remaining in the subconscious is very difficult, and no theory or definition provides responses to them. Let these questions be complemented by the reflection on the opportunity to create such a model of European society, which would be even minimally integrated, tolerant and respectful of cultural values of other nations. Is European ‘diversity’ able to transform into ‘unity’ in the future? It seems that neither before – in the era of lofty slogans of tolerance, integration and respect – nor now – especially when the European ‘melting pot of cultures’ not only ‘boils’, but reaches a critical value of ‘boiling point’ – creating a multi-ethnic enclave devoid of conflicts of cultures is realistic.

1. DILEMMAS OF MULTICULTURALISM

In simple terms, the thesis may be assumed that the phenomenon of multiculturalism was a constant element in the development of tribes, ethnic groups, nations and societies integrated within state structures; real but still unscientific cognition sources of the phenomena refer to the territorial expansion of the ancient nations that within the framework of territorial conquests formed a multicultural model of the contemporary world. In Antiquity and subsequent epochs, the cultural heterogeneity of Europe, the Mediterranean region as well as Asia was not only a natural and universal phenomenon, but a continuous process – the *sine qua non* of building empires, strengthening their power and creating a ‘new’ culture at the expense of other, weaker cultures. Due to the expansion the new social order was created with its ba-

sis strengthened by diffusion of components of material and immaterial culture, co-creating pillars of many contemporary cultures. While speaking about the diffusion of cultures, the reality in which it occurred cannot be ignored. The expansion itself carried behind conflicts with all their consequences, which repeatedly led to the total destruction of entire nations and their culture, material and immaterial.

Both Antiquity and the Middle Ages, as well as the subsequent eras have never been explored in terms of a scientific approach to multiculturalism. They were treated as natural facts associated with population and integration processes arising out of alliances, pacts and unions of political nature. It was not until the nineteenth century that multiculturalism became a subject of interest to the scientific world, thus inscribing itself in the turbulent history of the United States. The country became the cradle of the theory born on the grounds of intolerance and conflicts of cultures, including racial ones, called a melting pot of cultures, and two transversal schools of multiculturalism: *diffusionism*, created by Friedrich Ratzel (1844–1904) and continued by Leo Frobenius (1873–1938), associated with the geographical environment, and *parallelism*, showing multiculturalism from the perspective of the creation of independent cultures functioning side by side [1, p.85]. There have also been approaches referring to the strength of the expansion and influences from some cultures to others. One of them is based on the assertion that there is a limited number of fundamental cultures that played a significant role in shaping human culture [1, p. 85] and gave the foundation for the concept of *cultural circles*, introduced to the classification of concepts by Fritz Graebner (1877–1934) and Bernhard Ankermann (1859–1943) [8, p. 632, 633].

They are the resultant of the uniqueness of cultural characteristics of ethnic groups and entire nations, which naturally situate them in the foreign and culturally heterogeneous environment on the position of ‘the foreign’, ‘the other’, and sometimes – depending on historical events – even ‘the enemy’. Despite the variable and dynamic socio-political reality in the world, these old theories and approaches still have many universal and unchanging elements, which undoubtedly should include contacts of cultures and differences between them. These two elements seem to be permanent, since the beginning of the civilization people have had a natural tendency to move and establish contacts with representatives of new and foreign cultures.

Among numerous definitions describing multiculturalism as a fact, state, process or phenomenon, the simple in its form and yet precise Piotr Sztompka’s approach deserves attention, as he shows it as (...) *the ideological stance emphasizing the right of different communities to different ways of life, and even promoting the thesis of the equal worth of all cultures* [10, p. 255]. In the background of the definition in question the whole range of issues appears, without which multiculturalism is not entitled to rest on the pillars of equality and respect to ‘foreigners’. These include, among others: tolerance, integration and cultural assimilation as well as cultural relativism, which in the realities of the present day seem to be the theory almost entirely devoid of any practical references. Its message is clear and unambiguous – the right to coexistence with other cultures in one geographical area. *How real is the demand for cultural egalitarianism?* It seems that in the reality of the migration crisis there is no chance of success.

Talking about multiculturalism, it should be also pointed out that it does not

cover all aspects that are associated with the coexistence of different cultures in one geographical area. The first attempt to precisely define the interpretation framework for this phenomenon was made in 1915 by the American Jewish philosopher Horace Kallen [9, p. 21], who introduced the concept of *cultural pluralism* to the taxonomy of terms in the field of culture. It is worth noting that despite the passage of time, in many studies it is considered synonymously with multiculturalism, as it was underpinned by the assumption that *multiculturalism* is based on the coexistence and mutual positive relations, whereas *cultural pluralism* is nothing but apparent coexistence founded upon the attitudes of avoidance, mistrust and resentment often cultural. As for both phenomena, the similar outlook is presented by Peter Kivistö, John Rex and Leo Kuper who argue that *pluralistic societies are those where different ethnic groups live next to each other, no contact between them takes place beside broadly conceived market, in turn, multicultural societies are those that extend interactions also to other spheres* [6, p. 45]. This raises the question of *which phenomenon do we deal with in Europe: multiculturalism or cultural pluralism?* Or it may be that a new phenomenon has emerged that could be called *pragmatic* or *rational multiculturalism* related to benefiting from the existence of other cultures in the European environment, or even *forced multiculturalism*, based on the creation of the political correctness policy towards the state, which cannot be changed.

Contemporary multiculturalism, burdened with the stigma of intolerance, chauvinism, ethnocentrism and divisions into 'our' and 'foreign', imposes the need to revise the age-old theory of Charles Taylor's *politics of recognition* assuming the formation of human identity through dialogue,

interaction with the cultural and social environment. Its basis included wishful thinking contained in the following words: (...) *appropriate recognition is not only the expression of respect, which people deserve. It is a basic human need* [9, p. 24–25]. Ch. Taylor indicates that the phenomenon of multiculturalism (...) *is not based on socio-political systems and the interactions within, but is limited to meeting different, often distant from each other, ethnic or national cultures, allegedly internally homogeneous cultural structures of permanent specific characteristics of established by traditions* [5, p. 144]. This 'closeness' of cultural characteristics may not always have a positive effect, since wherever the changing ethnic composition and the increased inflow of foreign cultures violate economic security, and not just this, of indigenous people, conflicts of cultures will almost always occur. Another important variable resulting from cultural 'proximity' are usually legacy and historical grievances and prejudices arising on their ground.

Today's definition of multiculturalism requires not only taking a look at it from the perspective of new conditions, which Europe has caught up. Also caution is necessary in constructing the definitions' operators, which for many countries may prove to be incorrect, inadequate, and sometimes sensitive. While the political and ideological approach to multiculturalism created by the European Union usually has a common denominator imposing 'the collective voice' on its members, each EU member state represents its own solutions in this field and promotes its own policy towards 'foreigners'. The scale of extremes is huge and they can be included in opposing euphemisms: 'bridges' and 'walls'. On the ground of the contemporary ethnic and cultural problems of Europe, the point of creating a vision of

multiculturalism understood in terms of Ch. Tylor's *policy of recognition*, or even *cultural pluralism* Horace Kallen, should be called into doubt. It must be stated with all the firmness that the classical model of multiculturalism in Europe is more or less a fiction, which 'feeds itself' and grows in strength in effect of moral panic caused by politicians and the media.

2. THE ETIOLOGY OF MIGRATION

When in 2011 there were mass demonstrations in Arab countries; the international community once again became convinced that even the most fossilized regimes and dictatorships are not entitled to 'infinite power'. The 'domino effect' – as the wave of mass riots and revolutions in North Africa, the Middle East and Muslim countries in Asia is commonly called – proved to be a peculiar phenomenon, both political and social. On the other hand, it confirmed the rule observed by Auguste Comte after French Revolution of 1789 that social change does not always lead to improving the fate of the people, that the overthrow of power does not always guarantee better governance. This rule was further confirmed in the case of some countries affected by the revolution. To a lesser extent it describes Egypt, where the process of creating the political system on the model of democracy is still underway. The continued transformation is borne out by the fact that from 11 February 2011, after the resignation of President Husni Mubarak, three presidents successively took the office [2, p. 100]. The return of power based on the strong military influence on society and the economy became a fact, and the presidency resting in the hands of the former commander of the

Egyptian armed forces, Abd al-Fattah as-Sisi, only confirms the return to the previous political system. The third since 2011 and the second after the change of government the Constitution of Egypt is also indicative of political instability. It is worth noting that as a result of changes throughout the entire period of Hosni Mubarak's rule, in the year of 2016 about 300 thousand migrants and the so-called refugees came to Europe from Egypt. According to the EU agency Frontex, only on the migration transit route to Italy in 2015 there were recorded 7 thousand and between January and September 2016 as many as 12 thousand Egyptians [11].

In contrast to Egypt, transformations in Syria are still characterized by anarchy, open conflict and instability. The country already in 2012 was classified as fallen. Before the revolution and the civil war in Syria, about 22 million people inhabited the country and now in the light of some data, the population of the Syrians living in their own country was halved mainly due to migrations. Data from 2013 show that from the beginning of the civil war 2 million people left the country, which at that time accounted for about 10% of the population. In 2014, the number of refugees and immigrants increased to 3 million, and in 2015 by another million. Currently it is estimated that at the end of 2016 more than 5 million people emigrated from Syria, while in 2012 the number of refugees immigrating only to neighboring states was less than 218 thousand. While in Lebanon, the number of refugees in 2014 increased by 17 times [12]. According to the report by the UN, not only external emigrations constitute a problem, because up 6.5 million out of 22.3 million Syrians have been forced to abandon their homes and move around the country in search for safer

places to live. The overall rate of emigration of Syrian citizens indicates that half of the population before the outbreak of the civil war left their homes, half of whom were children. The scale of the tragedy is shown by the data of the UN claiming that approximately 5,000 people leave Syria on a daily basis [3, p. 17–18]. The balance of the civil war victims is equally important, as according to the UN, it claimed at least 191,000 people until 2014, and by mid-2015 years – nearly 300,000. At the same time close to 1 million persons were wounded. The current data from the late 2016 demonstrate that the population of all the Syrians is of 17,8 million (in the country and in neighboring countries), including nearly 51% of men and 49% women. The population deficit compared to 2011 results from migrations to Europe or the death of war victims. Other data reflect decline in the population of about 400 thousand in 2016 [7].

3. THE MIGRATION CRISIS IN EUROPE

The scale of the migration resulting from the disintegration of state systems and the demolition of social order apply not only to Syria and Egypt. There are many centers of expansion of refugees and migrants. Some of them have more than 20-year history, while others are completely new. These first arose at the turn of the 1980s and 1990s of the previous century and led from the former Soviet republics and from Asia via Poland and the Balkans to Western countries and Scandinavia. The new centers of expansion are the aftermath of the Arab Spring, and the corridors lead the flow of immigrants from North Africa and the Middle East. The map (Fig-

ure) shows the directions and scale of migrations to Europe in mid-2015.

Source: Data from Greece to 20 August 2015, from other countries to 24 August 2015, in: <http://www.newsweek.pl/swiat/uchodzcy-trzy-glowne-przyczyny-wielkiej-emigracji-z-afryki,artykuly,370503,1,1,3.html> (Accessed: 12.12.2016)

In 2015, the summary index of refugees and migrants arriving in Europe was around 2.7 million representatives of the countries of Africa and Asia, with the highest number of them recorded in Germany – about 1.7 million, while some sources indicate that even more than 2 million. In March 2016, the ratio increased by a value from 400 to 600 thousand [14].

The scale of migration to Europe leaves no doubts as to the beginning of a new era – the era of entropy of the old order and hegemony of a European in Europe in favor of the exoticism and cultural heterogeneity. In total, almost 1 million refugees and illegal economic migrants came to Europe in 2016. This state of affairs causes that the forecasts of the 1970s describing the decline of the European population became real. Bringing this idea to the ground of dynamics of changes in the macro- and mega-structures, a whole range of very complex problems of ethno-cultural nature can be encountered, which should not be considered solely from the perspectives of the state that has appeared nowadays and surprised the international community of Europe. This state of ‘awakening’ triggered by many factors embedded in historical grievances, resulting from the negligence and ignorance of European countries towards the peoples who for centuries remained under their influence, is the effect of getting out of the ‘cage’ of isolation of civilized nations, which for centuries were trapped in it. *Should it, therefore, be any surprise that*

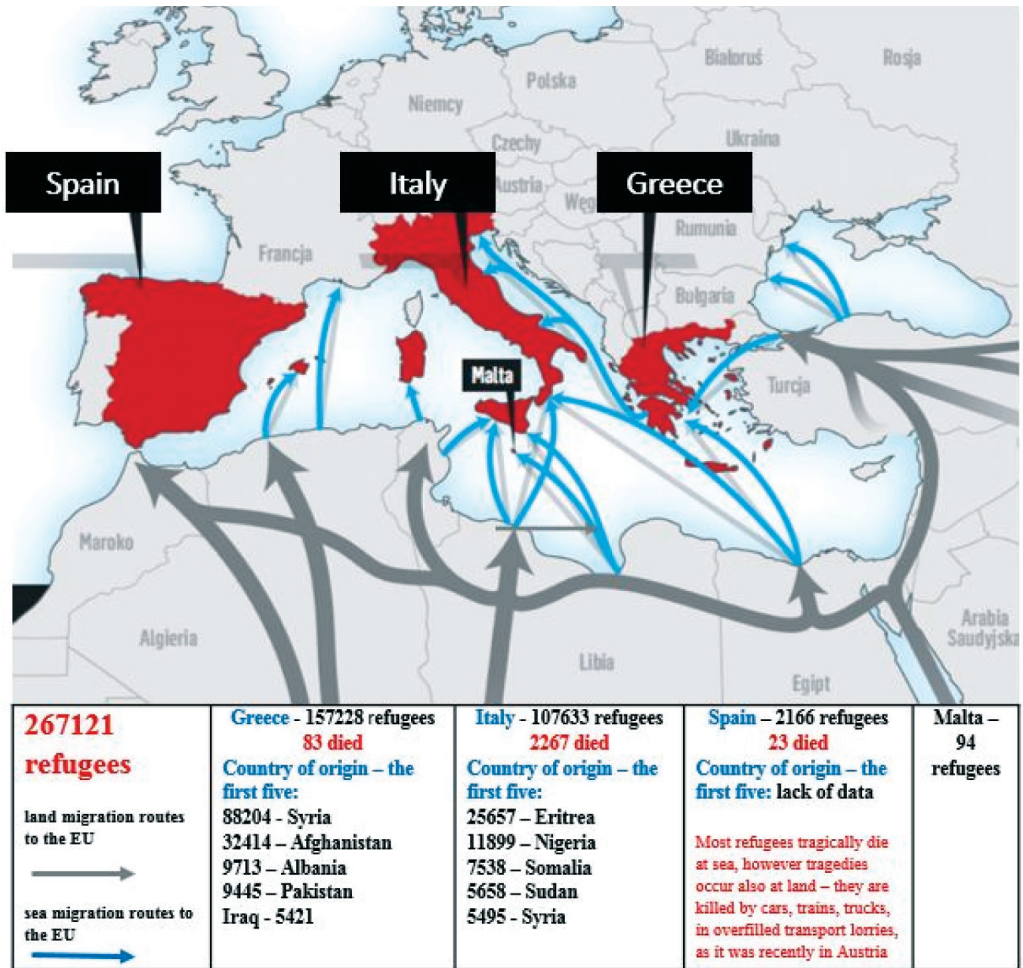

Fig. Corridors of the flow of refugees and immigrants to Europe (2015)

suddenly, under favorable conditions and the vision of opportunities for improving own lot, the expansion of immigrants and refugees from areas affected by poverty and threatened with loss of life first struck Europe? Was it anyhow possible to predict that 'the bars of that isolation' would crack sooner or later and 'foreigners' would desire prosperity enjoyed by the Europeans? Both questions are rhetorical and the peak of incurable optimism was the belief in maintaining forever the social order in Europe, at least at the

level from the period before the outbreak of the mass revolts in North Africa and the Middle East conventionally called the Arab Spring. It seems that despite the symptoms of the migration crisis that emerged after the 1989, the strength of tolerance towards cultural differences was re-evaluated, historical events were ignored, as were their effects manifested in the revival of prejudice, stereotypes and negative attitudes, such as national chauvinism, ethnocentrism, xenophobia, as well as racism. It is forgotten as

well that the cultural heterogeneity raises serious social and economic problems, and political correctness is not always in line with citizens' interests and views.

The scale of migration to Europe leaves no doubt – there is a migration crisis and it will probably remain unresolved for long. This means that conflicts of cultures and ethnic conflicts will increase in scale as well as take drastic and new, so far unknown, forms. Their specificity is that from the micro-scale they move at the breathtaking pace to the meso-scale, and vice versa. *Is, thus, there a risk that the conflict of cultures will affect the macro- and mega-scales, that it will take the form of a racial conflict, as foreseen by Ludwik Gumplowicz? Perhaps this conflict is already advanced, but courage is something that is lacking to call it by its name?* These are just proprietary author's own reflections and rhetorical questions, but they should not be ignored. They give direction to attempts at solving the dilemma contained in euphemisms raised within the topic of this text: 'glass walls', hiding the true image of contemporary Europe – closed, chauvinist and intolerant. It seems to push into the junk room the slogan – fashionable in the 1990s and later – referring to tolerance, cultural integration and living in a mutual cultural symbiosis: 'bridges instead of walls'. Let us take a view of the current situation in Europe from the perspective of etiology. Let us try to analyze the factors that contributed to the imbalance of European social order, based (in a systematic perspective) on a natural tendency to maintain functional balance – homeostasis, and to preserve the structure – morphostasis. These factors of retrospective nature undoubtedly include two related phenomena. The first of them is colonialism, while the second one – its 'imperial product – a child of globalization' called neo-colonialism, the basis of which, accord-

ing to Fr. Andrzej Zwoliński is (...) *every kind of exploitation: economic, political, cultural or religious (...) and this is continuation of colonialism in a new form* [13, p. 187–188]. For the purpose of emphasizing the scale of the phenomenon let us use a fragment of Frantz Fanon's thoughts, who pointedly shows how a great mark the expansion of the Europeans, and not only them, left on the awareness and perception of the citizens of the Arab world (...) *for centuries Europe has hampered the development of other peoples, it has subjected them to its own goals, its fame (...) it is time to understand that it is better to move away from Europe once and for all (...) Let us get rid of the obsession of catching up with Europe. (...) Let us stop imitating Europe (...) Let us try to discover a human whom Europe failed to ensure victory (...)* [See more in: 4, p. 213–216].

How, then, should we understand this paradox we are witnessing? On the one hand, we recognize reluctance to Europe and everything that is European, but on the other hand – the massive expansion of the Third World nationals to the areas of European countries. *Could it be that F. Fanon's words would be subject to auto-negation in the face of the reality that we are observing? After all, even if in the past Europe committed unforgivable 'infringements' in the policy towards the colonized countries, if European and international corporations economically expanded their markets, did not they at the same time put them on the path of social progress, did not they give education or enrich culture?* This is what must not be forgotten, but an objective assessment of gains and losses resulting from colonialism and neo-colonialism should be performed.

CONCLUSION

The undeniable fact is that the ethnic and cultural problems of Europe are largely

the result of past events. Europe still pays the price for negligence and the worst thing is that it may lead to social change, which cannot be restored to the pre-crisis state. The entropy of the social system of the 'old continent' has become a reality, even though in the past it was also noticeable but to a lesser extent due to a drastic fall being noted in fertility in most European countries, the scope of the current entropy is alarming. Interestingly, changes in the social system do not only apply to indigenous citizens of European countries, but also to the so-called 'old migrants – the settled immigrant population that came to Europe with the previous migration waves. In particular, this problem concerns the Muslim community, including representatives of the Arab world, who do not want to identify with the 'new immigrants' for fear of their safety (especially economic).

This issue is relatively new and unexplored, however it heralds the emergence of a new type of the conflict of cultures in Europe. Nonetheless, there are empirical reasons to discuss it, since the author together with Ziad Abou Saleh – scientist of Syrian origin and researcher of the Arab community in Europe – have analyzed the scale of acceptance and identification of the so-called the 'EuroArabs', i.e. the third generation of immigrants from 15 Arab states, inhabiting 9 European countries, including Poland. The research have shown that the 'EuroArabs', irrespective of the country of origin, place of residence in Europe and social position, in most cases strongly identify with European culture, show the low level

of religious orthodoxy as well as maintain tendency towards cultural integration with European citizens. At the same time they almost completely isolate themselves from the migration problems exposed in the media. It is just a harbinger of new research directions that indicate the complex context of ethno-cultural problems of Europe.

The author concludes by mentioning two words entered in the reality of modern Europe: 'walls' and 'foreigners'. It seems that in the era of the conflict of cultures, which we are witnessing, they no longer have only the symbolic character. While recently they were externalized only verbally in the media and in politics, now they have become reality. Real walls are erected, for example on the Hungarian – Serbian border, and ethnic ghettos isolated from the world with fencing and barbed wire. This means that Europe has entered a phase of not only cultural disintegration, but creates its own – very similar to the American one from the early history of the US statehood – melting pot of cultures. *What will the fate of Europe be like? Will its mosaicism become a yoke or the return to the path of tolerance and social symbiosis? Will the assumption that at the micro-level, notwithstanding the ethnic background, people are able to communicate and get rid of prejudices, restore the social order from 5 years ago?* These questions are difficult to answer today, but nonetheless solutions should be sought to exploit the potential of 'foreigners' in a rational and moral way, especially as Europe's population continues to fall.

REFERENCES

1. Bodziany M. Komunikacja międzykulturowa w wielonarodowych jednostkach wojskowych [Intercultural communication in multinational military units]. Wrocław: WSOWL Publishing House, 2012. 349 p.
2. Bodziany M. Kryzysy społeczne i bunty mas we współczesnym świecie [Social crises and mass rebellions in the modern world]. *Riadenie Bezpečnosti Zložitych Systémov [Security of Complex Systems Security]*. Liptowski Mikulasz, 2015, pp. 93–105.
3. Bodziany M. Syrian Society on The Threshold Of Freedom – The Unfulfilled Dream Of Democracy. *Journal of Science of The Military Academy Of Land Forces*, 2016. Vol. 48, no. 2 (180), pp. 5–18.
4. Fanon F. Wyklęty lud ziemi [The cursed people of the earth]. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985, pp. 213–216.
5. Możejko E. Wielka szansa, czy iluzja: wielokulturowość w dobie ponowoczesności [Great chance or illusion: multiculturalism in the era of post-modernity]. In W. Kalaga (ed.). *Dylematy wielokulturowości [Dilemmas of multiculturalism]*. Kraków: UNIWERSITAS Publishing House, 2007, pp.66–79.
6. Mucha J. Wielokulturowość etniczna i nieetniczna [Multicultural Ethnic and Non-Ethnic]. *Sprawy Narodowościowe. Seria Nowa [Ethnic Affairs. New Series]*, 1999, pp. 14–15.
7. Syrian data statistic. URL: <http://countrymeters.info/en/Syria> (Accessed: 23.12.2016).
8. Szacki J. Historia myśli socjologicznej [History of sociological thought]. Warsaw: PWN, 2005. 1076 p.
9. Szahaj A. E pluribus unum? Dylematy wielokulturowości i politycznej poprawności [In multiplicity unity? Dilemmas of multiculturalism and political correctness], Krakow: UNIVERSITAS Publishing House. 2004. 197 p.
10. Sztompka P. Socjologia. Analiza społeczeństwa [Sociology. Analysis of society]. Krakow: ZNAK Publishing House, 2007. 653 p.
11. W Egipcie wyłowiono 148 ciał migrantów [Elektronnyi resurs] [In Egypt, 148 migrant bodies were collected] URL: <http://www.pap.pl/aktualnosci/news,652798,w-egipcie-wyłowiono-148-ciał-migrantow.html> (Accessed: 23.12.2016).
12. Z Syrii uciekło 10 procent obywateli, [Elektronnyi resurs] [Syria has escaped 10 percent of its citizens] URL: http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/1,114871,14542818,Z_Syrii_ucieкло_10_proc_ludnosci___To_tak___jakby.html (Accessed: 12.03.2016)
13. Zwoliński A. Biedy Afryki [Africa's poverty]. Krakow: Petrus, 2009. 324 p.
14. 400 tys. uchodźców przybędzie do Niemiec w 2016 roku. „Der Spiegel”. [400 thousand. Refugees will arrive in Germany in 2016]. URL: <http://www.newsweek.pl/swiat/kryzys-imigracyjny-uchodzcy-imigranci-niemcy-2016-rok-,artykuly,387566,1.html> (Accessed: 23.12.2016).

**«Стеклянные стены» —
размышления о европейском мультикультурализме**

М. БОДЗЯНЫ*,
*Военная академия сухопутных войск, Вроцлав, Польша,
m.bodziany@interia.pl.*

Европейская культура — это продукт западной цивилизации, основанной на столпах мультикультурализма, расширения и прогресса. Это место, где на протяжении веков плавильный котел культур являлся естественной движущей силой прогресса и развития, которой Европа обязана не только своим богатством, но также и своими демографическими проблемами, составляющими сегодня важнейший предмет научных дискуссий о будущем Европы и возможностях сохранения достижений прошлого уровня цивилизации, построенной поколениями. Выражение «стеклянные стены», используемое в названии статьи, носит символический характер и не имеет ничего общего с реальными барьерами, известными в истории как Великая Китайская стена, Вал Адриана, Берлинская стена или любая другая преграда. Речь идет о проявляющихся в отношениях между людьми ментальных и невидимых стенах, таких как этническое и культурное недопонимание, нетерпимость и предубеждения к людям с особенностями, отличиями.

Ключевые слова: *Европа, миграционный кризис, мультикультурализм, смешение культур, миграция.*

Для цитаты:

Бодзяны М. «Стеклянные стены» — размышления о европейском мультикультурализме // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 20—30. doi:10.17759/sps.2017080303

* *Бодзяны Марек* — доктор социологических наук, подполковник Вооруженных Сил Польши, глава департамента общественной безопасности, Военная академия сухопутных войск, главный редактор издательства WSOWL и редактор научных журналов студенческой ассоциации, Вроцлав, Польша, m.bodziany@interia.pl.

Cultural value orientation and gender equity: a review

*N. SIDDIQI**,
Jamia Millia Islamia, New Delhi, India,
nasrina1991faozia@gmail.com

*M. SHAFIQ***,
Jamia Millia Islamia, New Delhi, India,
prof99mshafiq@gmail.com

In the recent past, gender issues have grabbed substantial attention from social scientists, activists and academic fraternity. Right from family to workplace to society at large, attempts have been initiated to advocate equal rights for women in different spheres of life. Despite social activists and policy makers striving hard towards gender sensitization, gender discrimination still persists in various domains of life. Therefore, there is a strong need to identify the factors that potentially determine people's attitude towards gender equity. With this very objective, the current study examines existing literature on gender discrimination and its association with Hofstede's (1980) cultural values. Following the "Gender-Organization-System Approach", the present study postulates that gender equality or inequality results from a complex interaction of individual, organizational and societal factors and that it cannot be explained in isolation from the broader socio-cultural milieu. Extensive review of literature indicates that cultural values are significant predictors of people's attitude towards gender equity and that the extent to which people conform to existing gender roles determine how much people support the idea of gender equality. The study has significant practical implications since, by means of detecting such "causal factors", more positive attitudinal changes can be brought about and gender egalitarian attitudes can be cultivated.

Keywords: *gender discrimination, gender equity, meta-analysis, cultural values, Gender-Organization-System Approach.*

For citation:

Siddiqi N., Shafiq M. Cultural value orientation and gender equity: a review. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 31–44. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080304

* *Siddiqi Nasrina* — Research scholar, Department of Psychology, Jamia Millia Islamia, New Delhi, India, nasrina1991faozia@gmail.com

** *Shafiq Mohammad* — Professor, Department of Psychology, Jamia Millia Islamia, New Delhi, India, prof99mshafiq@gmail.com

I. INTRODUCTION

When it comes to gender equality, mere policy-level amendments cannot make much difference unless a sense of gender egalitarianism is cultivated and fostered at the socio-cultural level. S. Stefanovici (n.d.) argued that *“sexual inequity is rooted within the social structure itself, through the allocation by society of segregated roles for each sex. The very existence of activities and responsibilities maintain an imbalance of power between the sexes”* [43]. Culture, therefore, is one of the most significant determinants of gender equality/inequality in a given society. Going by this premise, culture-level transformations can prove more fruitful in bringing gender parity. In an attempt to theoretically attest the aforesaid proposition, the present study analyzes available literature pertaining to Hofstede’s cultural value dimensions and their association with gender equality. Moreover, the current review also attempts to identify discrepancies, contradictions and knowledge gaps pertaining to cultural values and gender equality research.

I.1. Cultural value orientation

According to R. Williams (1970) *Cultural values represent the implicitly or explicitly shared abstract ideas about what is good, right, and desirable in a society* [52]. Further, G. Hofstede (1980) defined cultural values as *‘Broad tendencies to prefer certain states of affairs over others’* [20]. The current study adopts Hofstede’s definition and explicates cultural values in terms of the five cultural dimensions proposed by him, viz. Collectivism / Individualism, Low / High Power distance, Masculinity/Femininity, Low / High Uncertainty Avoidance and Long / Short-term orientation. These dimensions are condensed into dichotomous

categories wherein each of these dimensions has two contrasting extremities. The current literature review attempts to unveil the relationship between each of these cultural categories and gender equity or the extent to which men and women enjoy equal roles, opportunities and outcomes in a given society (Kinias & Kim, 2011) [29].

II. LITERATURE REVIEW

The current piece of work comprises a systematic and extensive review of 40 published articles which dealt with the relationship between Hofstede’s five cultural values, conformity propensity and gender equity.

II. I. Hofstede’s cultural values and gender equity

A thorough review of available literature indicates that there exists a strong association between Hofstede’s cultural value dimensions and gender equality. Each of these cultural values strongly determines how gender egalitarian a particular society is likely to be.

Individualism, for instance, has been found to be a strong predictor of gender parity. In their article on cultural values and their relationship with gender equality, I. Dohi and M.M. Fooladi (2008) argued that collectivistic values practiced by Japanese society have contributed immensely to the prevailing gender inequities [11]. They believed collectivistic values often function as barriers that cloud women’s ability to perform well outside the house, in the public domain. Collectivistic values make people view women in relation to someone else, such as someone’s wife, someone’s mother, someone’s daughter and so on (Gilligan, 1982) [14]. Individualistic values,

in contrast, make people view women as individuals and they also encourage women to fight for their individuality. This, in turn, increases gender equality. Further, H.C. Triandis (1995) bifurcated individualism and collectivism into two categories; horizontal and vertical [45]. Vertical individualism is characterized by a strong need to be independent, autonomous and different from others, while showing less concern for equality. Horizontal individualism, conversely, refers to a cultural orientation wherein being independent is important but being different is not; where commonalities and shared values are celebrated and where equality is an issue of major concern. Following this premise, I. Dohi and M.M. Fooladi (2008) further proposed that vertical individualism is closely associated with high power distance and masculine values, whereas horizontal individualism entails more feminine values and low power distance [11]. This proposition led them to believe that gender equality would be higher in horizontally individualistic cultures which promote feminine values and discard power distance.

H.C. Triandis (1995) argued that individualism emphasizes on the independence and autonomy of people, which eventually empowers them, while dependence on others and the absence of individualism makes people disempowered and weak [45]. C.P. Gilman (1898) also opined that gender based inequalities have existed ever since the pre-historic era when women initially became dependent on men for food and shelter [15]. Thus, lack of independence and the absence of a sense of individuality in women, has resulted in gender inequalities.

B. Welter (1966) contended that even in Western societies where individualistic values are deep rooted, women have never enjoyed as much individualism as men. Men,

in such societies, adopted individualism and defined it as “male” and excluded women from its freedoms. B. Welter (1966) firmly believes that women still lag behind because they are denied individualism [50]. This is undoubtedly a strong statement which emphasizes the role of individualism in developing gender equity. Similarly, J.W. Warren (1984) maintained that glass ceiling in the US is, primarily, a result of masculine identity of American individualism [49].

S. Kitayama and D. Cohen (2007) hold a similar view and believe that *“Individualistic cultures tend to have more gender equality than collectivistic cultures, because the sanctity of the person in such individualistic cultures overrides his/her ascribed status or social roles.”* [30].

Likewise, C.T. Johnson (2015) in his book, Meeting the ethical challenges of leadership: Casting light or shadow, explained why collectivistic cultures tend to stimulate gender inequalities [24]. He argues that collectivistic cultures view women as an out-group who can threaten the stability of their in-group, if offered higher status and position in organizations and/or in the society at large. Which is why collectivistic cultures express a stronger resistance to gender equity.

Similarly, J. Lane and U. Wagschal (2012) in their book, culture and politics, argued that cultures where collectivistic family systems are more common, are less likely to support the idea of gender equality [31]. Whereas, cultures with individualistic family structures have a greater likelihood of rendering support to gender equality.

Moreover, J.A. Vandello and D. Cohen (1999), in an attempt to empirically establish the association between individualism/collectivism and gender equity, developed an index of gender equality and found that it correlated negatively ($r = -0.45$) with the

index of collectivism, suggesting that collectivism and gender equity are negatively associated with each other [47]. Findings on their study clearly indicate that increase in collectivistic values leads to the decrease of gender parity and the contrary holds true for individualistic values.

Similarly, researchers studying domestic violence across cultures have found that the prevalence of domestic violence is much higher in collectivistic cultures (Archer, 2006; Vandello & Cohen, 2003) because such cultures do not believe in the equality of the two sexes (Sanderson, 2010) [2; 48; 40]. Moreover, in a cross-cultural study of aggression in romantic relationships, J. Archer (2006) noted that increase in gender inequalities and collectivism go hand in hand. He asserted, "*gender inequality and collectivism are robustly co-occurring values across countries*" [2]. Further, J. Archer (2006) also found that rates of women's victimization in romantic relationships are negatively correlated with gender equality and individualism.

With regard to the relationship between power distance and gender equity, there are differences of opinions among scholars and researchers. Some researchers argue that power distance and gender equality are negatively correlated, with high power distance corresponding with lower levels of gender equality. While others hold a contradictory view and believe that low power distance cultures are generally higher on gender inequalities.

There is substantial research evidence supporting the idea that high power distance cultures promote unequal distribution of power between the two genders, thereby, endorsing gender based inequalities. P. Glick (2006), for instance, in his cross cultural study, noted that power distance does not only reflect societal gender inequality but

also acts to legitimize it [16]. He suggested that countries which are high on power distance exhibit more ambivalent gender ideologies which, consequently, leads to greater gender inequality. Therefore, nations with high power distance and ambivalent sexism are low on actual gender equality.

I. Dohi and M.M. Fooladi (2008) also argued that in cultures with a high degree of power distance people do not question the inequities or disparities prevailing in the society [11]. Hence, gender based inequalities are neither questioned nor they are viewed as socially unacceptable which, again, gives rise to gender inequality.

Moreover, J.E. Plueddemann (2009) in his book, *Leading across cultures*, asserted that "societies with high power distance have less economic prosperity, life expectancy, social health general satisfaction and gender equality" [38].

Similarly, M. Tavanti and P.H. Werhane (2013), in their article on Ethical leadership, argue that complacency, "glass-cliff" effect and power distance lead to unfair distribution of power and influence and, thus, contribute to the perpetuation of gender based inequalities in leadership positions [44].

On the other hand, there are plenty of researches suggesting that gender differences are greater in Western nations where power distance is relatively low. Researchers who follow this framework, describe the relationship between power distance and gender equality as being mediated by the process of social comparison. Put simply, they believe that gender differences in a society depend on what kind of social comparison people are involved in. The basic assumption, here, is that egalitarian cultures or cultures with low power distance allow for inter-group social comparisons (comparisons between the two genders) which eventually produces greater gender differ-

ences. Whereas, cultures with high power distance, due to the acceptance of unequal power distribution and a hierarchical social structure, view such comparisons as illegitimate and socially unacceptable. This, in turn, reduces between gender comparisons and, thus, gender differences.

Prominent researchers who adopt this perspective include S. Guimond, et. al., (2007), who found in their investigation that power distance predicts gender equity/inequity and reported that in cultures with low power distance, between-gender comparisons are made [18]. As a result of which, gender differences are stronger in low power distance cultures.

Similarly, T. Hamamura (2012) found gender differences to be more prominent in low power distance cultures. In a study, assessing gender differences in math performance, T. Hamamura (2012) proposed that inter-group comparison is more prevalent in societies where social inequalities are opposed. These inter-group comparisons often highlight gender differences and can also lead to gender stereotyping. Therefore, he hypothesized that gender inequity is higher in low power distance cultures and found the hypothesis to be true [19].

In their investigation, M. Désert and J.P. Leyens (2006) also found that males in low power distance cultures share stronger gender stereotype than males from medium or high power distance cultures [9].

These findings are contradictory to other research evidence which suggest that the relationship between power distance and gender equity is negative rather than positive. However, it should be noted that these studies tap gender differences rather than gender equality/inequality. In order to explain why low power distance cultures, where more attempts have been made to promote gender equity, tend to score high

on gender differences, S.H. Schwartz and T. Rubel (2005) stated that gender equality does not necessarily reduce gender differences [41]. This explains why Western culture, despite endorsing gender equality, display greater gender differences as compared to non-Western cultures where gender equality is almost non-existing.

After analyzing the aforementioned studies, it could be concluded that, both, gender differences and gender equality are high in low power distance cultures where inter-group comparisons are more pronounced and where inequities are seen as illegitimate.

With reference to Hofstede's Uncertainty Avoidance and its relationship with gender equity, there are relatively fewer studies. However, most of these studies are indicative of a positive relationship between uncertainty avoidance and gender equality.

In their study titled, "Updating cross-cultural management: Exploring the relationships between cultural values and gender inequality practices" Bertsch and Soderholm (2012) found a positive correlation between uncertainty avoidance and gender equity. In their article, the authors argue that cultures with a strong tendency to avoid uncertain situations through careful planning, generally show a lesser prevalence of gender based inequalities. Bertsch and Soderholm's research findings indicate that gender egalitarianism can be enhanced by thorough planning that helps in preparing for the probable ambiguities or uncertainties that may befall in the future.

Similarly, I. Holmberg and S. Akerblom (1998) carried out an extensive meta-analysis of different studies, conducted within the GLOBE project framework, between 1994 to 1997 [22]. They reported their findings in a research article titled, "Primus inter pares: Leadership and Culture in Sweden".

In the study, Sweden was found to be high on, both, gender equality and uncertainty avoidance. It could, therefore, be concluded that cultures that are high on uncertainty avoidance are also generally high on the parameters of gender equity.

In a Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness (GLOBE) study, conducted by M.A. Keating and G.S. Martin (2007), it was found that Ireland scores average or moderate on, both, gender equality as well as uncertainty avoidance [26]. Similarly, N.B. Amin and K.J. Sogra (2014), in their study of female entrepreneurs in Bangladesh, India and Pakistan, also reported that Indian women entrepreneurs face challenges because of gender discrimination and low risk taking behavior, which is inversely related to high degree of uncertainty avoidance [1]. These findings are suggestive of the fact that changes in uncertainty avoidance and gender equity go hand in hand.

Moreover, K.G. Wheeler (2002) found that equity sensitivity or the sensitivity towards equality is positively correlated with uncertainty avoidance as well as femininity. It suggests that cultures that are characterized by feminine values and a higher level of uncertainty avoidance are more sensitive towards equity and, thus, are also more gender egalitarian [51].

In contrast, K.P. Parboteeah, M. Hoegl and J.B. Cullen (2008), in their cross-cultural investigation, found a positive relationship between traditional gender role attitudes and uncertainty avoidance. Their research findings suggest that traditional gender roles that are characterized by a strict gender-based division of labor and which disregard the idea of gender equality, are positively related with a nation's uncertainty avoidance. K.P. Parboteeah et. al.'s (2008) findings are in contradiction with

other studies that suggest that uncertainty avoidance and gender equity are positively related [36].

Such unresolved contradictions curtail our understanding of cultural values and their association with gender-related attitudes and, hence, call for more exploration and research in this domain.

The cultural value of femininity, as proposed by G. Hofstede (2003), is also crucial in determining the level of gender based equality in a given culture. G. Hofstede (2003) asserted that gender equality is a key feature of the cultural value of femininity whereas the cultural value of masculinity is characterized by strictly differentiated gender roles [21].

The idea that feminine cultures are more gender egalitarian is further supported by evidence showing a greater participation of women in the public domain in feminine cultures (Hofstede, 2003). Moreover, I. Dohi and M.M. Fooladi (2008) also asserted that masculine cultural values contribute to greater gender inequalities [11].

Following Hofstede's framework, R. Jeknić (2014) conducted a meta-analysis on gender equality in relation to Masculinity/Femininity in Croatian cultural context. His meta-analysis revealed that Croatian culture is characterized by high degree of Masculinity. With a clear-cut distinction between the emotional roles of men and women, this culture emphasizes on traditional gender roles and scores low on gender egalitarianism or equality. The study also indicates that despite being more strongly committed to gender equality than their predecessors, youngsters in Croatia are still more conservative when compared with their European counterparts. Some of the studies highlighted in Jeknić's (2014) analysis also point out that masculine cultures, such as the Croatian culture, advo-

cate and maintain gender equality but on a more “Declarative level”. It suggests that, at a general level, people are aware about gender issues but, at the same time, lack appropriate knowledge about the rights of women and men in real life situations [23].

Similarly, L.A. Samovar, R.E. Porter and E.R. McDaniel (2010) quoted data from 2011 U.S. Senate and House of Representatives elections to argue that stronger traditional gender roles in masculine cultures give rise to actual gender inequalities. The authors point out that despite United States’ emphasis on maintaining gender based equality, only 16.4% women were elected in 2011 elections, which clearly indicates a low level of women’s political representation and empowerment. Therefore, it could be argued that masculine cultures with traditional gender roles score low on actual gender equality, even if they strongly emphasize on the equal rights of the sexes [39].

Similarly, in their cross-cultural study of television advertisements depicting masculine or feminine values, L.M. Milner and J.M. Collins (2000) noted that feminine cultures exhibit less social difference, in terms of social roles, between men and women. It confirms the idea that feminine cultures are more gender egalitarian than are masculine cultures [34].

Moreover, C.G. Emrich, F.L. Denmark and D.N. Den-Hartog (2004) also suggested that cultures with more feminine values show a stronger concern for gender egalitarianism and put more efforts to reduce gender based inequalities. They further elaborated that cultures practicing traditional gender roles advocate the “Male-Female Dichotomy” with respect to emotional gender roles and, therefore, such cultures score low on gender equality [12].

In a report on the role of men and male involvement in the promotion of gender

equality, issued by Women’s Commission for Refugee Women and Children (2005), it was documented that certain social masculinities, such as male supremacy, hamper gender equality by pressurizing men to conform to traditional gender norms, which ultimately reduces men’s participation in eradicating gender discrepancies [53].

Therefore, on the basis of existing literature, one can predict that cultures with more feminine values would show lesser gender based inequality as compared to cultures with more masculine values.

Furthermore, A. Bertsch and G.W. Soderholm (2012), while discussing the relationship between long/short term orientation and gender equality, proposed that future-oriented countries promote equality between the genders by providing equal opportunities to both men and women. Therefore, gender equality is likely to be higher in cultures that are more future oriented than those with a short-term orientation [3].

The existing review of literature, therefore, indicates that cultural values, as identified by G. Hofstede (1980), are important determinants of gender equality and that the level of gender equality in a given society can be predicted by the cultural values it practices. Moreover, to summarize the relationship between Hofstede’s cultural value dimensions and gender equity, as found in mainstream literature, we can say that greater gender equality is expected in cultures with higher levels of individualistic and feminine values, less power distance and a long-term orientation. However, due to contradictory research findings, the relationship between uncertainty avoidance and gender parity cannot be ascertained.

Thus, an overview of all the reviewed studies enables us to identify the inconsistencies, contradictions and knowledge gaps pertaining to cultural values and gender equity.

II.II. Conformity and gender equity in relation to cultural values

The tendency to conform is a manifestation of human beings' need for social acceptance and desirability (Deutsch & Gerard, 1955) [10]. It further signifies the importance of society and culture in determining people's behavior. With some cultures placing greater value on conformity and others emphasizing more on uniqueness and individuality, the pressure to conform to existing societal norms varies significantly across cultures. Conforming to cultural norms and values has dual benefits, for it provides social acceptance to the individual and, at the same time, also helps maintain peace and order in the society. Nevertheless, the development of a society can get hampered if there is excessive conformity to rigid, traditional cultural norms that are neither desirable nor beneficial anymore. Traditional gender roles that are characterized by a clear-cut distinction between males and females, especially with regard to division of work, are the best example of such social stagnation.

A review of available literature on gender equality, clearly suggests that cultures with substantially higher levels of conformity and a stronger preference for traditional gender roles are low on gender equality and related concerns (Women's Commission for Refugee Women and Children, 2005). There is also substantial research evidence supporting the idea that conformity is a byproduct of certain socio-cultural factors and, therefore, the pressure to conform varies across cultures (Peabody, 1985) [37]. Thus, if mainstream research literature is to be followed, one can argue that gender equity in a given culture can be predicted by the gender role attitudes associated with a culture and the amount of preference it gives to conformity.

In their investigation, H. Markus and S. Kitayama (1991) asserted that individualistic societies do not prefer conformity tendency, as opposed to collectivistic cultures where conformity is, both, desirable as well as essential [33]. Individualistic cultures emphasize excessively on maintaining individuality and celebrate the uniqueness of each person; something that is contrary to the idea of conformity. On the other hand, conformity is a necessary requirement for collectivistic cultures that are characterized by their emphasis on common cultural norms and shared values.

Other prominent cross-cultural researchers including S. Oishi, U. Schimmack, E. Diener and E.M. Suh (1998), H.S. Kim and H.R. Markus (1999) as well as C.S. Cukur, M.R.T. De-Gusman and G. Carlo (2004) also obtained similar results and proposed that collectivistic cultures value traditions and conformity, while cultures with more individualistic values promote deviation from traditional norms or the *status quo* [35;28; 7].

Similarly, Y. Kashima, S. Yamaguchi, U. Kim, S.C. Choi, M.J. Gelfand and M. Yuki (1995) as well as S.J. Breckler, J.M. Olson and E.C. Wiggins (2006) also described cross-cultural differences in the preference given to conformity, in terms of individualism and collectivism. They proposed that Western cultures that have been found to be high on individualistic values promote the notion of individuality and encourage people to believe in their own opinions and preferences rather than succumbing to societal pressure to conform. Conformity in individualistic societies, therefore, is not a desirable tendency [25; 5].

C.K. Yang (1963) too observed that conformity gets way more acceptance and appreciation in collectivistic societies [54]. Consistent with Yang's observation,

R. Bond and P.B. Smith (1996) also found that conformity pressures are stronger in collectivistic societies than they are in individualistic ones [4]. Similarly, E. Kim (2005) too proposed that collectivistic cultures stress more on in-group loyalty and conformity than cultures with more individualistic values [27].

Moreover, while investigating the role of pathogen prevalence in predicting cross-cultural variability in individualism/collectivism, C.L. Fincher, R. Thornhill, D.R. Murray and M. Schaller (2008) treated conformity as a manifestation or behavioral expression of collectivistic values [13].

Further, G. Trommsdorff (1995), in his cross-cultural study of parent-adolescent relationship in changing societies, found that conformity was significantly higher in collectivistic societies [46].

Similarly, researchers studying the relationship between cultural values and creativity have found that creativity has a higher prevalence in individualistic cultures because such cultures promote resistance against conformity pressures and encourage novelty. Collectivistic cultures, conversely, score low on creativity because of their emphasis on conformity and unwillingness to deviate from socially established norms (Goncalo & Staw, 2006) [17].

These studies suggest that collectivistic cultural values are more strongly associated with conformity and that cultures with such values put greater emphasis on conforming to traditional cultural norms and maintaining the status quo.

With regard to the role of conformity in determining the importance of gender equity in a given culture, a number of studies have shown stronger association between individualistic, non-conformist societies and gender egalitarianism. In one such investigation, P.B. Smith and M.H. Bond

(1999) identified cultural differences in conformity tendency. They argued that the pressure to conform varies across cultures. Hence, cultures that encourage traditional gender role attitudes and exert stronger pressure to conform are expected to show greater gender disparity [42].

Further, according to the Demographic and Health Survey (2007) conducted in Democratic Republic of Congo, domestic violence is very common in the region because it has high levels of social acceptance. It clearly shows that cultures that view gender inequity as socially acceptable, have higher rates of gender-based inequalities and discriminations. People (both males as well as females) in such cultures conform to these social pressures and perceive gender inequality as something “normal” or justifiable [8].

R. Long (2011) described gender inequality in terms of contextual factors and argued that different cultures assign different gender roles to men and women. And people dwelling in a specific cultural context have a strong pressure to conform to these gender roles. This kind of conformity pressure often results in gender disparities and inequalities, primarily, in cultures where males are assigned the role of primary breadwinner and are, therefore, given more prerogatives and supremacy than females [32].

Since, Indian culture is characterized by traditional gender role attitudes, which are based on rigid gender-based division of labor (defining women as care givers and home makers and men as bread earners) and a strong male dominance (Chhokar, Brodbeck & House, 2007), we can assume that people with a stronger tendency to conform to such cultural norms would score on the higher side on gender inequality and would, hence, be less likely to practice and promote gender egalitarianism [6].

III. CONCLUSION

In totality, the current literature review revealed that cultural value orientation is a strong predictor of gender equality in a given society. It highlights the various cultural values that can trigger greater gender egalitarian attitudes and also accentuates the role of conformity as a mediator between cultural values and gender equity. Broadly, the systematic review of available literature indicates that greater gender equality can be expected in non-conformist cultures with individualistic, feminine and futuristic orientation, low power distance and high degree of uncer-

tainty avoidance. Hence, in light of these findings, we propose that policies to mitigate gender disparities should be tailored so that they encompass the cultural aspect and thereby assist in creating more gender egalitarian attitudes at the macro-level.

Furthermore, the examination of existing literature also evinces the contradictions and gaps that exist in available research findings and, thus, highlights the need for further exploration. In light of the current study, future researchers can conduct quantitative investigations to empirically test the relationship between cultural values and gender equity and the mediating role of conformity tendency.

REFERENCES

1. Amin N.B., Sogra K.J. Women entrepreneurship: A cross country comparative study (Unpublished Masters Dissertation). Dhaka University Institutional Repository, Bangladesh, 2014. 223. p.
2. Archer J. Cross-cultural differences in physical aggression partners: A social-role analysis. *Personality and Social Psychology Review*, 2006. Vol. 10, no. 2, pp. 133–153. doi:10.1207/s15327957pspr1002_3
3. Bertsch A., Söderholm G.W. Updating cross cultural management: Exploring the relationships between cultural values and gender inequality practices. Research paper presented at the Annual Meeting of the Academy of International Business (AIB), Washington, DC, USA. 2012.
4. Bond R., Smith P.B. Culture and conformity: A meta-analysis of studies using Asch's (1952, 1956) Line Judgment Task. *Psychological Bulletin*, 1996. Vol. 119, no. 2. 1, pp. 111–137.
5. Breckler S.J., Olson J.M., Wiggins E.C. *Social Psychology Alive*. Belmont, 2006. 316 p.
6. Cukur C.S., De-Gusman M.R.T., Carlo G. Religiosity, values, and horizontal and vertical individual-collectivism: A study of Turkey, the United States, and the Philippines. *Journal of Social Psychology*, 2004. Vol. 144, pp. 613–634. doi: 10.3200/SOCP.144.6.613-634
7. Culture and leadership across the world: The GLOBE book of in-depth studies of 25 societies. In Chhokar J.S., Brodbeck F.C., House, R.J. (Eds.). Mahwah, N.J., 2007. 990 p.
8. Demographic & Health Survey. Democratic Republic of the Congo. Calverton, MD, 2007. 11 p.
9. Désert M., Leyens J.P. Social comparison across cultures: Gender stereotypes in high and low power distance cultures. In S. Guimond (Ed.). *Social comparison and social*

- psychology: Understanding cognition, intergroup relations and culture*. Cambridge, 2006. 308 p.
10. Deutsch M., Gerard H.B. A study of normative and informational social influences upon individual judgment. *The journal of abnormal and social psychology*, 1955. Vol. 51, no. 3, 629 p.
 11. Dohi I., Fooladi M.M. Individualism as a solution for gender equality in Japanese society. *Forum on Public Policy: A Journal of the Oxford Round Table (Online)*, 2008. Edition, 1–12, pp. 1–12.
 12. Emrich C.G., Denmark F.L., Den-Hartog D.N. Cross-cultural differences in gender egalitarianism: Implications for societies, organizations, and leaders. In R.J. House, P.J. Hanges, M. Javidan, P.W. Dorfman, V. Gupta (Eds.). *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. CA: Sage, 2004, pp. 343–394.
 13. Fincher C.L., Thornhill R., Murray D.R., Schaller M. Pathogen prevalence predicts human cross-cultural variability in individualism/collectivism. *Proceedings of the Royal Society B*, 2008. Vol. 275, pp. 1379–1385. doi: 10.1098/rspb.2008.0094.
 14. Gilligan C. In a different voice: Psychological theory and women's development. Cambridge, M.A., 1982. 7. p.
 15. Gilman C.P. Women and economics. L., 1898. 111. p.
 16. Glick P. Ambivalent sexism, power distance and gender inequality across genders. In S. Guimond (Ed.). *Social comparison and social psychology*. N.Y., 2006, pp. 283–302.
 17. Goncalo J.A., Staw B.M. Individualism-collectivism and group creativity. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2006. Vol. 100, pp. 96–109. doi:10.1016/j.obhdp.2005.11.003
 18. Guimond S., Branscombe N.R., Brunot S., Buunk A.P., Chatard A., Désert M., Yzerbyt V. Culture, gender, and the self: Variations and impact of social comparison processes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2007. Vol. 92, pp. 1118–1134. doi: 10.1037/0022-3514.92.6.1118
 19. Hamamura T. Power distance predicts gender differences in math performance across societies. *Social Psychological and Personality Science*, 2012. Vol. 3, pp. 545–548.
 20. Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills CA, 1980. 325 p.
 21. Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. L., 2003. 597 p.
 22. Holmberg I., Akerblom S. Primus inter pares—Leadership and culture in Sweden. Stockholm School of Economics. Centre for Advanced Studies in Leadership Research Paper Series, 1, 1998. 40 p.
 23. Jeknić R. Gender equality, young women and culture in the context of the “masculinity/femininity” as a dimension in Geert Hofstede's model of “national culture”. Conference proceedings, Faculty of law, University of Split, Croatia, 2014, pp. 681–696.
 24. Johnson C.E. Meeting the ethical challenges of leadership: Casting light or shadow (5th Edn.). L.A., 2015. 385 p.
 25. Kashima Y., Yamaguchi S., Kim U., Choi S.C., Gelfand M.J., Yuki M. Culture, gender and self: A perspective from individualism-collectivism research. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995. Vol. 69, no. 5, pp. 925–937.

26. Keating M.A., Martin G.S. Societal culture and leadership in the Republic of Ireland. In J.S. Chhokar, F. Brodbeck, & R.J. House (Eds.). *Managerial cultures of the world: GLOBE in-depth studies of the cultures of 25 countries*. Mahwah, NJ, 2007, pp. 361–396.
27. Kim E. Korean American parental control: Acceptance or rejection? *Ethos*, 2005. Vol. 33, no. 3, pp. 347–366.
28. Kim H.S., Markus H.R. Deviance or uniqueness, harmony or conformity? A cultural analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999. Vol. 77, pp. 785–800.
29. Kinias Z., Kim H.S. Culture and gender inequality: Psychological consequences of perceiving gender inequality. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2011. Vol. 14, no. 1, pp. 1–16. doi: 10.1177/1368430211408940
30. Kitayama S., Cohen D. *The handbook of cultural psychology*. N.Y., 2007. 199 p.
31. Lane J., Wagschal U. *Culture and Politics*. New York, 2012. 288 p.
32. Long R. Gender Inequality [Electronic resource]. 2011. URL: <http://dmc122011.delmar.edu/socsci/rlong/problems/chap-09.htm> (Accessed 26.10.2014).
33. Markus H., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 1991. Vol. 98, pp. 224–253.
34. Milner L.M., Collins J.M. Sex-role portrayals and the gender of nation. *Journal of Advertising*, 2000. Vol. 29, no. 1, pp. 67–79.
35. Oishi S., Schimmack U., Diener E., Suh E.M. The measurement of values and individualism–collectivism. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1998. Vol. 24, pp. 1177–1189.
36. Parboteeah K.P., Hoegl M., Cullen J.B. Managers' gender role attitudes: A country institutional profile approach. *Journal of International Business Studies*, 2008. Vol. 39, pp. 795–813.
37. Peabody D. *National characteristics*. Cambridge, England, 1985.
38. Plueddemann J.E. Leading across cultures effective ministry and mission in the global church. Downers Grove, I.L., 2009, pp. 90–110.
39. Samovar L.A. Porter R.E., McDaniel E.R. *Intercultural Communication: A Reader (13th Edt.)*. Boston, 2010. 202 p.
40. Sanderson C.A. *Social Psychology*. Hoboken N.J, 2010. 405 p.
41. Schwartz S.H., Rubel T. Sex differences in value priorities: Cross-cultural and multimethod studies. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2005. Vol. 89, pp. 1010–1028. doi: 10.1037/0022-3514.89.6.1010
42. Smith P.B., Bond M.H. *Social psychology across cultures*. Massachusetts, 1999. 401 p.
43. Stefanovici S. Gender and individualism in American culture [Electronic resource]. URL: http://www.upm.ro/facultati_departamente/stiinte_litere/conferinte/situl_integrare_europeana/Lucrari3/SG/59_Stefanovici_Gender.pdf (Accessed 15.03.2015).
44. Tavanti M., Werhane P.H. On complacency, corporate cliffs and power distance: Global leadership ethics from gender and cultural studies perspectives. *Leadership and the Humanities*, 2013. Vol. 1, no. 1, pp. 22–30.
45. Triandis H.C. *Individualism & collectivism*. Colorado, 1995.
46. Trommsdorff G. Parent-adolescent relations in changing societies: A cross-cultural study. In P. Noack & M. Hofer (Eds.). *Psychological responses to social change: Human development in changing environments*. Berlin, 1995, pp. 189–218.

47. Vandello J.A., Cohen D. Patterns of individualism and collectivism across the United States. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999. Vol. 77, no. 2, pp. 279–292. doi: 10.1037/0022-3514.77.2.279
48. Vandello J.A., Cohen D. Male honor and female fidelity: Implicit cultural scripts that perpetuate domestic violence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003. Vol. 84, no. 5, pp. 997–1010. doi: 10.1037/0022-3514.84.5.997
49. Warren J.W. The American narcissus: Individualism and women in nineteenth century American fiction. New Brunswick, 1984.
50. Welter B. The cult of true womanhood: 1820–1860. *American Quarterly*, 1966. Vol. 18, no. 2, pp. 151–174. doi: 10.2307/2711179
51. Wheeler K.G. Cultural values in relation to equity sensitivity within and across cultures. *Journal of Managerial Psychology*, 2002. Vol. 17, no. 7, pp. 612–627. doi:10.1108/02683940210444067
52. Williams R.M. Jr. American society: A sociological interpretation (3rd Edn.). N.Y., 1970.
53. Women's Commission for Refugee Women and Children. Masculinities: Male Roles and Male Involvement in the Promotion of Gender Equality-A Resource Packet. N.Y., 2005. 44 p.
54. Yang C.K. Introduction. In M. Weber's, The religion of China. N.Y., 1963, pp. 13–43.

Культурные ценности и гендерные роли: обзор

Н. СИДДИКИ*,

*университет Джеймья Миллия Айламия, Нью-Дели, Индия,
nasrina1991faozia@gmail.com*

М. ШАФИК**,

*университет Джеймья Миллия Айламия, Нью-Дели, Индия,
prof99mshafiq@gmail.com*

С недавних пор значительное внимание со стороны социологов, общественных деятелей и представителей академического сообщества уделяется гендерным проблемам. Предпринимаются попытки отстаивать равные права для женщин во всех сферах жизни: от семьи до рабочего места. Несмотря на то, что общественные деятели и политики стремятся уделять все большее внимание гендерной проблематике, половая дискриминация все еще проявляется в различных областях нашей жизни. Поэтому существует настоятельная потребность в определении факторов, которые потенциально могут определять отношение людей к гендерному равенству. С этой целью в настоящем исследовании проводится обзор литературы по проблеме половой дискриминации в контексте идей социолога Г. Хофстеде о культурных ценностях. В соответствии с «гендерно-организационно-системным подходом» установлено, что гендерное равенство или неравенство есть результат сложного взаимодействия индивидуальных, организационных и социальных факторов, которые нельзя объяснить без принятия во внимание всей социокультурной среды. Показано, что культурные ценности являются значимыми предикторами отношения людей к гендерному равенству, а степень, в которой люди соответствуют существующим гендерным ролям, определяет, насколько люди поддерживают идею равенства полов. Практическая значимость исследования заключается в том, что с помощью выявления таких «причинно-следственных факторов» можно формировать позитивные изменения в отношении к равенству полов, а гендерные эгалитарные отношения могут быть культивированы.

Ключевые слова: *гендерная дискриминация, гендерное равенство, метаанализ, культурные ценности, подход, основанный на гендерной системе.*

Для цитаты:

Сиддики Н., Шафик М. Культурные ценности и гендерные роли: обзор // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 31–44. doi:10.17759/sps.2017080304

* *Сиддики Насрина*, исследователь, факультет психологии, университет Джеймья Миллия Айламия, Нью-Дели, Индия, nasrina1991faozia@gmail.com

** *Шафик Мохаммад*, профессор, факультет психологии, университет Джеймья Миллия Айламия, Нью-Дели, Индия, prof99mshafiq@gmail.com

Стратегии поведения в межкультурном конфликте: обзор зарубежных исследований

А.А. БАТХИНА *,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, batkhina.anastasia@gmail.com

В статье представлен аналитический обзор зарубежных психологических исследований поведения в межкультурном конфликте. Межкультурный конфликт понимается как межличностный конфликт между представителями различных культур. Анализируются основные модели, описывающие стратегии поведения в межкультурном конфликте: модель двойной заинтересованности, модель стилей межкультурного конфликта, модель идентичности в переговорах. Приводится краткий обзор результатов современных исследований предикторов поведения в межкультурном конфликте, особое внимание уделено анализу влияния культуры и особенностей ситуации межкультурного взаимодействия на выбор стратегии поведения. Описываются наиболее распространенные в зарубежных исследованиях методы изучения выбора стратегии поведения в конфликте. Отмечается важность оценки эффективности используемых стратегий конфликтного поведения в ситуации межкультурного взаимодействия. В заключении обозначаются нерешенные проблемы и актуальные направления в области изучения поведения в межкультурном конфликте.

Ключевые слова: межкультурный конфликт, стратегии конфликтного поведения, культура, предикторы конфликтного поведения.

В последние годы одной из наиболее актуальных исследовательских тем для современной социальной психологии является тема межкультурного взаимодействия в его самых различных формах. Не вызывает сомнений, что подобный интерес к феномену межкультурной

коммуникации, в первую очередь, связан с растущим практическим запросом. Как отмечает Стелла Тинг-Туми (Stella Ting-Toomey), «... из-за стремительных изменений в глобальной экономике, технологиях, транспорте и иммиграционной политике наш мир превращается

Для цитаты:

Батхина А.А. Стратегии поведения в межкультурном конфликте: обзор зарубежных исследований // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 45–62. doi:10.17759/sps.2017080305

* Батхина Анастасия Александровна — аспирант, стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», Москва, Россия, batkhina.anastasia@gmail.com

в маленькое, тесно взаимодействующее сообщество, и мы обнаруживаем, что все чаще вступаем в контакты с людьми из других культур» [63, с. 10]. При этом анализ зарубежных и отечественных исследований последних лет показывает, что не все аспекты межкультурного взаимодействия изучены достаточно полно [7; 17]. Большинство опубликованных работ направлено на анализ когнитивных, а не поведенческих компонентов взаимодействия, таких как стереотипы, установки и предрассудки [31]. К примеру, на данный момент существует более 500 исследований, изучающих влияние межкультурного контакта на установки [54]. При этом изучению межкультурного конфликта и аспектов поведения его участников посвящено значительно меньше публикаций, результаты которых оставляют открытыми для обсуждения множество вопросов [26; 76].

Стоит отметить, что сам термин «межкультурный конфликт» (*intercultural conflict*) понимается в литературе по-разному, в зависимости от традиций конкретной психологической школы. В отечественных исследованиях понятие «межкультурный конфликт» часто используется как синоним межэтнического конфликта, т. е. формы межгруппового взаимодействия, стороны которого представлены разными этническими группами [2]. Для зарубежных работ характерно употребление термина «межкультурный конфликт» в значении любого конфликта между представителями разных культур [65]. Подобный конфликт, как и любое межкультурное взаимодействие, имеет ряд особенностей [26].

С точки зрения С. Гинг-Туми [65], в основе межкультурного конфликта, как правило, лежит отсутствие взаимопонимания или недостаток знаний о дру-

гой культуре. Кроме того, существует ряд межкультурных конфликтов, которые представляют собой реализацию на межличностном уровне более глубокого межгруппового конфликта, существующего в течение долгих лет межэтнического антагонизма (например, конфликты на Северном Кавказе или на Ближнем Востоке). В целом, в зарубежных психологических исследованиях отмечается, что не только причины возникновения межкультурного конфликта, но и особенности поведения его участников отличают данный феномен от других видов социальных конфликтов [14; 20].

Модели поведения в межкультурном конфликте

Интерес к категоризации и описанию способов поведения в конфликте, как к важному теоретическому базису выработки эффективных решений для управления и урегулирования конфликтов, возник в США в 60-х гг. прошлого столетия. Определенные паттерны конфликтного поведения получили название конфликтных стилей (*conflict styles*) или стилей управления конфликтом (*conflict management styles*), в отечественную психологию данный термин пришел в виде «стратегий конфликтного поведения». Стил, или стратегия, поведения в конфликте большинством исследователей понимается как *шаблонный ответ на конфликт в разных ситуациях* [63].

В западной литературе существует множество таксономий, описывающих стратегии конфликтного поведения. Одной из наиболее известных в социальной психологии и наиболее подтвержденных в различных исследованиях моделей является двухмерная модель двойной за-

интересованности (dual concern model) [55]. Модель двойной заинтересованности, описанная Рубином Пруйтом в ее современном понимании, является логическим продолжением более ранних систем классификации конфликтного поведения [55]. В первую очередь, она базируется и во многих аспектах дублирует модель Томаса-Килманна (Thomas—Kilmann Conflict Mode Instrument), разработанную еще в 70-х годах прошлого столетия К. Томасом и Р. Килманном [61]. Кроме того, данная модель содержит в себе элементы сетки управления Р. Блейка (R. Blake) и Дж. Мутон (J. Mouton) [8] и измерения стилей управления конфликтом М. Рэхима (M. Rahim) [57]. В соответствии с моделью двойной заинтересованности выделено пять стратегий, которые располагаются в плоскости в зависимости от ориентации субъекта конфликта на собственные интересы (напористость) или на интересы оппонента (кооперация). Пять стратегий конфликтного поведения располагаются в данной системе координат следующим образом:

— соперничество (competing or dominating) — высокая забота о своих интересах при низкой заботе об интересах других или, другими словами, высокая напористость при низкой кооперации;

— сотрудничество (collaborating or integrating) — высокая забота о себе в сочетании с высокой заботой о других (высокая напористость и высокая кооперация);

— компромисс (compromising) — средний уровень заботы как о своих, так и о чужих интересах (средний уровень напористости и кооперации);

— уступки (accommodating, obliging) — низкий уровень заботы о себе и высокий уровень заботы о других (низкая напористость при высокой кооперации);

— уход (avoiding) — низкий уровень заботы как о себе, так и о другой стороне (низкая напористость и низкая кооперация).

В последующие годы модель двойной заинтересованности неоднократно подвергалась критике в том числе и потому, что была разработана и апробирована исключительно для западной культуры [70]. Как подчеркивает С. Тинг-Туми [64], сложность использования данной модели при анализе межкультурного конфликта может заключаться в том, что стратегии будут интерпретироваться участниками по-разному в зависимости от их культурного базиса. Например, стратегия ухода, которая согласно модели двойной заинтересованности демонстрирует низкую заботу как о своих интересах, так и об интересах другой стороны, в восточных культурах может пониматься как стремление к гармонии, т. е. выражать высокую заботу о собственном благополучии [66].

Позднее Митчелл Хаммер [20; 21] разработал культурно-ориентированную модель, классифицирующую стратегии поведения в межкультурном конфликте, и назвал ее «Контекст стиля межкультурного конфликта» (Intercultural conflict style inventory, ICSI). Стратегию конфликтного поведения М. Хаммер [20] определяет как набор действий конфликтующих сторон, который обеспечивает «интерпретационную рамку» для понимания намерений, мотивов и действий друг друга. По аналогии с моделью двойной заинтересованности, он выделяет два измерения, которые определяют выбор стратегий: первое связано с тем, как стороны решают разногласия, второе — с тем, какие эмоции они переживают. Ключевым отличием данной модели от модели двойной заинтересованности

является то, что ее измерения базируются на характеристиках культуры, а не на личной мотивации участников.

Для каждого измерения М. Хаммер [20] описывает диаметрально противоположные способы поведения в межкультурном конфликте:

1) поведение, которое отражает прямые или косвенные подходы к обсуждению существующих разногласий;

2) поведение, которое отражает более эмоциональные и более сдержанные способы выражения своих чувств участниками.

Косвенность или прямота в обсуждении разногласий во многом зависит от лингвистических стратегий, распространенных в данной культуре. В некоторых культурах принято активно использовать в языке метафоры, аналогии и намеки, в то время как в культурах, где распространена противоположная стратегия, высоко ценится точность и ясность языка [21]. Кросс-культурные исследования, направленные на изучение прямых и косвенных стилей коммуникации, как правило, рассматривают их через призму индивидуализма и коллективизма, либо низко- и высококонтекстных культур. Так, в одном исследовании [72] было показано, что в индивидуалистических культурах предпочитают прямой коммуникативный стиль, так как их представители ценят прямой разговор и возможность выразить свои потребности, в то время как члены коллективистских культур подчеркивают ценность умозрительных разговоров и осторожность в выражении мнений и чувств. Было также обнаружено, что прямота в обсуждении разногласий связана с более частым использованием такой стратегии в модели двойной заинтересованности, как доминирование, а косвенность — с сотрудничеством и компромиссом [66].

В целом, зарубежные исследования, проведенные в рамках подхода индивидуализм/коллективизм, рассматривают прямые и косвенные стили коммуникации как ключевой пункт непонимания между представителями разных культур [48; 75].

Различия в стилях поведения в межкультурном конфликте также могут быть концептуализированы через представления о высоко- и низкоконтекстных культурах. Согласно Эдварду Холлу [19], при высококонтекстной коммуникации большая часть смысла сообщения находится в физическом или социальном контексте либо интернализирована самим индивидом, тогда как при низкоконтекстной коммуникации большая часть информации находится в вербальном (эксплицитном) коде. К высококонтекстным культурам Э. Холл относит азиатские страны, а также страны Средиземноморья и Ближнего Востока, а к низкоконтекстным — США, Великобританию, Скандинавские страны [19]. Зарубежные исследования показывают, что представители высококонтекстных культур чаще используют косвенные коммуникационные стратегии, а также больше полагаются на вмешательство третьей стороны для урегулирования конфликта, тогда как в низкоконтекстных странах чаще прибегают к прямым вербальным стратегиям [3; 10; 19; 74].

Следующее измерение, которое рассматривается в концепции ICSI, — это эмоциональная сдержанность или эмоциональная выразительность. Дэвид Мацумото подчеркивает, что именно выражение эмоций является наиболее значимым показателем культурного сходства или различия [40]. Несмотря на то, что природа эмоций универсальна, они культурно специфичны в своем выражении. Таким образом, эмоциональная

экспрессия, которая в зарубежных публикациях часто называется «правилами отображения» (*display rules*), базируется на нормах конкретных культурных сообществ [41]. В контексте данного подхода культуры различаются по степени эмоциональной выраженности или сдержанности, принятой в социальном взаимодействии и конфликтах. Мета-анализ исследований, проведенных в 50 странах, показал, что наиболее эмоционально сдержанными считают себя жители Польши, Японии и Эфиопии, а наиболее эмоционально выразительными — жители Египта, Испании, Кубы, Саудовской Аравии, Венесуэлы и Филиппин [71]. Члены эмоционально экспрессивных культур склонны более открыто и наглядно демонстрировать свои чувства посредством невербальной и паравербальной коммуникации [27]. В противоположность этому члены эмоционально сдержанных сообществ стараются минимизировать внешнее проявление эмоций, в таких культурах ценится эмоциональная сдержанность во время конфликта [15]. Исследования, проводимые в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, показывают, что контроль над негативными эмоциями имеет решающее значение для эффективного урегулирования конфликтов [13; 69]. В зарубежных публикациях был описан ряд моделей, рассматривающих эмоциональную экспрессию в контексте культуры и ее ценностей [15]. Так, с точки зрения С. Гинг-Туми [66], индивидуалистические культуры склонны поощрять более открытое выражение эмоций, чтобы честно донести свои чувства до другой стороны конфликта, в то время как в коллективистских культурах принято маскировать негативные эмоции, чтобы сохранить гармонию в отноше-

ях. Д. Мацумото [41] пишет о том, что в культурах с высокой дистанцией власти и высоким уровнем коллективизма принято проявлять эмоциональную сдержанность в социальном взаимодействии.

На основании данных двух измерений М. Хаммер описал четыре стратегии поведения в межкультурном конфликте [20]. Первая стратегия — дискуссия (*discussion*) — характерна для прямой коммуникации и высокого уровня эмоциональной сдержанности. По мнению М. Хаммера [20], этот стиль подчеркивает точность в использовании языка и соответствует выражению «говори, что думаешь, и думай, что говоришь». Кроме того, сторона конфликта, использующая данную стратегию, рассматривает интенсивное выражение эмоций как потенциально опасное действие. В таком случае обсуждение разногласий должно строиться на объективных фактах. Следующая стратегия, выделяемая в модели ICSI, это обязательство (*engagement*), которое соответствует прямому коммуникационному стилю и высокой эмоциональной экспрессивности. Этот стиль стремится к разрешению конфликта через демонстрацию интенсивных вербальных и невербальных эмоциональных проявлений. Третья стратегия — уступки (*accommodation*) — представляет собой сочетание непрямого коммуникации и эмоциональной сдержанности. Участник конфликта, применяющий данный стиль, будет стремиться использовать двусмысленность и иносказательность языка, а также эмоциональное спокойствие для того, чтобы держать конфликт под контролем. И последняя стратегия — динамическая (*dynamic*) — включает в себя использование непрямого коммуникации и эмоциональной экспрессии. Такой стиль стимулирует участника

конфликта использовать следующие лингвистические приемы: гипербола, повторение, использование ассоциаций совместно с более эмоциональным фронтационным дискурсом и экспрессией. Как подчеркивает Стивен Ворчел (Stephen Worchel), модель ICSI М. Хаммера оставляет открытым для дискуссии следующий вопрос: как будут взаимодействовать представители различных культур, имеющие склонность к разным стратегиям поведения, и каким образом столкновение с другой стратегией будет влиять на поведение индивида [76].

Еще одной теоретической концепцией стратегий поведения в межкультурном конфликте является теория «лица» (идентичности) в переговорах (face negotiation theory) С. Тинг-Туми, которая содержит в себе ряд ключевых пунктов и направлена на объяснение поведения в межкультурном конфликте [63; 66]. «Лицо» в понимании С. Тинг-Туми — это чувство благоприятного социального имиджа, которое возникает у индивида в процессе взаимодействия с другими людьми. «Лицо» является объяснительным механизмом конфликтного поведения в различных культурах. Так называемое «управление лицом» (face-work) определяется как выбор паттернов коммуникативного поведения, направленных на внедрение и поддержание собственного положительного образа и поддержание либо оспаривание положительного образа другого человека. Основные положения теории заключаются в следующем [65]:

1) люди во всех культурах стараются сохранять «лицо» во всех ситуациях общения;

2) сохранение «лица» становится особенно проблематичным в ситуациях неопределенности (таких, как конфликт);

3) культурная вариативность, индивидуальные особенности и ситуационные факторы влияют на стремление участника коммуникации заботиться о собственном «лице» или «лице» партнера;

4) забота о «лице» влияет на поведение в межгрупповом и межкультурном конфликте.

Межкультурный конфликт в рамках данной концепции понимается как ситуация, требующая активного управления «лицом» двух взаимозависимых участников [51]. Забота о «лице» может иметь два локуса — быть направлена на собственный имидж и иметь в своей основе индивидуалистические ценности, а может быть направлена на образ другого и разделять коллективистские установки [62]. Таким образом, согласно данной теории, существуют две стратегии поведения в конфликте: одна направлена на поддержание уважения к себе, а другая — на поддержание уважения к другой стороне. Данные стратегии хорошо согласуются с моделью двойной заинтересованности. Исследования показали, что забота о себе связана с такой стратегией, как соперничество, забота о другом — с компромиссом, уходом и уступками, а забота одновременно и о своем «лице», и о «лице» другого — с сотрудничеством [49; 50; 77].

Предикторы выбора стратегии в межкультурном конфликте

Следует отметить, что большинство исследований последних лет направлены не на разработку новых моделей поведения в конфликте, а на изучение различных предикторов, влияющих на выбор стратегии в межкультурном конфликте. Ю. Тонг (Y. Tong) и Г.-М. Чен

(G.-M Chen) [68] выделяют три основные группы факторов, влияющие на выбор стратегии конфликтного поведения в любом межличностном конфликте:

1) личностные (пол, возраст, темперамент, личностные черты, установки, мотивация);

2) ситуационные (социальный контекст, история отношений между сторонами, социальные роли);

3) культурные (культура и транслируемые ею нормы и ценности).

Исследователи, изучающие межкультурный конфликт, такие как Э. Марселла (A. Marcella) [38; 39], М. Хаммер [21] и М. Дэвидхайзер (M. Davidheiser) [11], в своих работах уделяют особое внимание предикторам поведения участников межкультурного конфликта. Энтони Марселла [38] считает, что сама культура может провоцировать насилие и агрессивные стратегии поведения как внутри собственной группы, так и по отношению к представителям других групп. С этой точкой зрения согласны Р. Нисбетт (R. Nisbett) и Д. Коэн (D. Cohen) [47], чье исследование показало, что культура на юге Соединенных Штатов поддерживает идею использования насилия для защиты своей чести. Объясняя данный феномен, Дэниэль Бар-Таль (Daniel Bar-Tal) [5] вводит понятие «групповые убеждения», предполагая, что коллективные убеждения могут включать в себя представления об угрозах и предполагаемых врагах группы. Эти убеждения могут как повысить бдительность группы к угрозам ее существования, так и поддержать применение насилия для борьбы с этими угрозами. В своих работах Д. Бар-Таль показывает, что убеждения относительно существующих преследований (и сопровождающие их групповые эмоции страха), которые разделяют израильские

евреи, могут препятствовать прогрессу в развитии мирных отношений с палестинцами [6].

Отдельным фактором, который выделяет Э. Марселла [38], является история взаимоотношений между культурными группами, чьи представители сейчас находятся в конфликте. Это становится особенно важным, когда между этническими группами существует долгий нерешенный конфликт. История группы имеет большое значение для групповой идентичности. Однако, по утверждению С. Ворчела [76], особое значение приобретает не сама история, а ее интерпретация членами группы. Например, нападение на гражданских лиц может рассматриваться как акт терроризма одной стороной конфликта и при этом как акт свободы и справедливости — другой стороной.

Гипотеза о том, что важнейшим предиктором, влияющим на выбор стратегии в межкультурном конфликте, является культура, находит подтверждение в значительном количестве эмпирических работ [66; 68]. Взаимодействие с представителем другой культуры, согласно теории социальной идентичности, усиливает собственную групповую идентичность, актуализируя разделяемые в данной культуре нормы, ценности и паттерны поведения [62]. Понятие «культура» изучается во многих гуманитарных дисциплинах и не имеет единого определения. Э. Марселла [39], проведя анализ наиболее часто встречаемых в западных публикациях определений культуры, выделил основные ее свойства, которые являются важными с точки зрения психологии. Он определил культуру как разделяемые в социуме модели поведения и смыслы, которые передаются через различные формы деятельности с целью индивидуальной и коллективной

адаптации и регулирования. Стоит отметить, что такое определение культуры переключается с ее пониманием в культурно-историческом подходе. Как писал Л.С. Выготский, «культура и есть продукт социальной жизни и общественной деятельности человека и потому самая постановка проблемы культурного развития поведения уже вводит нас непосредственно в социальный план развития» [1, с. 145–146].

Влияние культуры на поведение традиционно рассматривается через трансляцию ценностей. В основе большинства кросс-культурных исследований конфликтного поведения лежит ценностная модель культуры, предложенная Гертом Хофстеде [42]. Изначально он выделил пять (позже шесть) культурных измерений: коллективизм/индивидуализм, дистанция власти, маскулинность/фемининность, избегание неопределенности, временная перспектива.

Наиболее изученным культурным измерением по-прежнему остается дихотомия индивидуализм/коллективизм. В связи с этим влияние индивидуализма и коллективизма на выбор определенного конфликтного стиля исследовано наиболее тщательно. Во многих работах была установлена следующая тенденция: представители индивидуалистических культур предпочитают стратегии, направленные на удовлетворение собственных интересов, такие, как доминирование и сотрудничество, тогда как представители коллективистических обществ выше ставят интересы другой стороны, поэтому либо уступают, либо уходят от конфликта [18; 25; 28; 51; 53; 65]. По мнению М. Козана (M. Kozan) [29], представители коллективистских культур в конфликте используют так называемую «модель сохранения гармо-

нии», в то время как индивидуалисты чаще прибегают к «конфронтационной модели». Данную гипотезу подтверждает исследование С. Каган (S. Kagan) и коллег [23], показавшее, что мексиканские и бразильские респонденты (коллективисты) чаще прибегают к уходу и уступкам по сравнению с европейскими респондентами (индивидуалисты).

Однако более поздние по времени зарубежные публикации демонстрируют отклонения от установленной тенденции и делают акцент на рассмотрении различных аспектов индивидуализма/коллективизма. С. Борос (S. Boros) [9] обнаружила, что голландские респонденты с высоким уровнем горизонтального коллективизма чаще прибегают к стратегии сотрудничества. Подобное исследование, проведенное в Турции, также подтверждает, что коллективизм может являться предиктором выбора стратегии сотрудничества [36]. При этом авторы отмечают, что немаловажную роль здесь играют и другие аспекты — значимость личного успеха, ценность работы в одиночку, нормы подчинения групповым интересам. В одном из исследований было также показано, что азиатские студенты (коллективисты) помимо уступок и ухода с такой же частотой выбирают сотрудничество [24]. Кроме этого, для представителей коллективистских культур выбор стратегии зависит и от того, с кем именно происходит конфликт: если это представитель другой «чужой» группы, то высока вероятность выбора «жесткой стратегии», например, доминирования [53; 59; 73]. Д. Мацумото и Х. Хванг (H. Hwang) [41] объясняют это тем, что поддержание хороших отношений с представителем другой группы не представляет для коллективиста особой ценности. Например, в своих исследованиях К. Лейнг

[32] выявил, что китайцы, в отличие от американцев, чаще вступают в споры с представителями чужой группы, чем с представителями своей собственной.

Влияние других характеристик культуры на конфликтное поведение изучено гораздо в меньшем количестве исследований. В своих работах К. Лейнг и У. Стефан [34] обнаружили следующие корреляции: члены культур с большей дистанцией власти имеют меньше конфликтных ситуаций со своими начальниками и более статусными людьми, чем члены культур с низкой дистанцией власти. Кроме того, члены культур с большей дистанцией чаще прибегают к решению конфликтов с помощью третьей стороны. Эти же исследования показали, что представители фемининной культуры предпочитают стратегии близкие к компромиссу, тогда как представители маскулинной культуры чаще прибегают к доминированию.

В зарубежных работах анализ влияния культурных ценностей на конфликтное поведение проводится не только исходя из общеуниверсальной концепции Г. Хофстеде, но и с опорой на индигенные теории культурных ценностей. Например, в рамках конфуцианской теории ценностей, распространенной в Китае, принято изучать мотивы гармонии, которые присутствует у жителей конфуцианских стран. Стремление к гармонии, в первую очередь, выражается в желании поддерживать хорошие отношения с окружающими людьми. К. Лейнг выделяет два основных мотива гармонии: избегание дезинтеграции (т. е. избегание тех действий, которые бы могли привести к ухудшению отношений) и усиление гармонии (т. е. совершение действий, которые должны привести к улучшению отношений) [33]. К. Лейнг также обна-

ружил, что эти два мотива по-разному влияют на выбор стратегии конфликтного поведения. Мотив усиления гармонии стимулирует открытый диалог двух сторон и поиск оптимального решения, поэтому он связан с такими стратегиями, как сотрудничество и компромисс [33]. В то время как избегание дезинтеграции будет подталкивать сторону уходить от конфронтации или идти на уступки.

Влияние культуры на участников межкультурного конфликта опосредует такой конструкт, как «культурная чувствительность» (*cultural sensitivity*) [68]. Поскольку чувствительные к культуре люди яснее осознают межкультурные различия, они также могут быть более сенситивны к межкультурным конфликтам, чем люди с низкой чувствительностью. В результате, люди, имеющие разные уровни межкультурной чувствительности, могут прибегать к различным стратегиям поведения в конфликте между представителями разных культур [68].

Несмотря на сильную поддержку теории культурного влияния на выбор стратегии конфликтного поведения, некоторые исследования показывают противоречащие данной теории результаты. Например, Лаура Дрейк (Laura Drake) [12] обнаружила, что когда американцы и тайваньцы вели межкультурные переговоры, они не обязательно придерживались стратегий, предсказанных их культурой. Вместо этого, на выбор ими стратегий конфликта значимо повлияли индивидуальные и ситуационные факторы. Такая позиция во многом согласуется с гипотезой К. Томаса [60], Л. Путнем (L. Putnam) и Ч. Уилсон (C. Wilson) [56], которые утверждают, что участники конфликта чаще демонстрирует ситуационно обусловленное, чем детерминированное культурой поведение. Как пишет

С. Ворчел [76], несмотря на оказываемое сильное влияние, групповые ценности и установки не всегда проявляются на индивидуальном уровне взаимодействия. Кроме того, ряд исследователей выдвигают гипотезу о том, что в процессе аккультурации и приобретения новой социальной идентичности осваиваются и новые (характерные для принимающей стороны) стратегии конфликтного поведения [21; 76].

Помимо изучения культурных предикторов внимание исследователей направлено также на рассмотрение ситуационных детерминант, характерных исключительно для межкультурного взаимодействия. Одним из наиболее важных факторов в межкультурном конфликте являются такие конструкты, как межгрупповая тревожность (*intergroup anxiety*) и беспокойство при межкультурном общении (*intercultural communication apprehension, ICA*). Термин ICA был введен Дж. Нойлипом (J. Neuliep) и Дж. МакКроски (J. McCroskey) [44], они определили данное явление как страх или тревогу, связанные с ожидаемым или реальным взаимодействием с людьми из другой этнической или культурной группы. Неопределенность в общении приводит к тревоге, тогда как неопределенность в общении с человеком из другой культуры приводит к определенной форме беспокойства — к беспокойству при межкультурном общении [44]. Подобное беспокойство проявляется как физиологически, так и эмоционально, оно может вызвать повышенную тревожность и ощущение потери контроля [45]. По мере усиления ICA люди менее склонны участвовать в межкультурном взаимодействии [35]. Это может привести к снижению толерантности и усилению презрения к людям другой культу-

ры. Если уровень ICA будет уменьшен, то желание общаться с другой культурой может возрасти [43; 45].

Нужно отметить, что в большей степени изучено влияние межгрупповой тревожности на процесс аккультурации и формирования межгрупповых установок и стереотипов, тогда как влияние тревожности на конфликтное поведение пока во многом остается теоретической гипотезой. Данную гипотезу можно охарактеризовать следующим образом: низкая тревожность по отношению к межкультурным контактам в совокупности с ощущением социальной поддержки и когнитивной гибкостью будет предрасполагать участников конфликта к открытому диалогу и совместному решению проблемы, т. е. будет стимулировать использование стилей компромисса и сотрудничества [4; 22; 37]. Существует небольшое количество исследований, эмпирически подтверждающих данную гипотезу [30; 52; 58; 67]. Кроме того, Г. Гудикунст указывает на то, что любой межкультурной коммуникации соответствует выраженное ощущение неопределенности, которое, в свою очередь, оказывает влияние на участников коммуникации [16]. Также в исследовании Дж. Нойлип и Д. Рьян (D. Ryan) [46] было обнаружено, что высокий уровень ICA негативно коррелирует как с сотрудничеством, так и с доминированием.

Таким образом, можно сделать вывод, что поведение в межкультурном конфликте является продуктом социализации, в ходе которой усваиваются разделяемые данной культурой ценности и нормы, но в каждой конкретной ситуации на выбор стратегии конфликтного поведения могут оказывать влияние еще и определенные ситуационные и личностные факторы.

Эффективность стратегий поведения в межкультурном конфликте

Многие зарубежные исследователи задаются вопросом о том, существуют ли определенные правила выбора стратегии поведения, следуя которым можно было бы успешно разрешить межкультурный конфликт. С. Тинг-Туми и Дж. Оэтцель (J. Oetzel) [63] считают, что стратегии, направленные на кооперацию, являются наиболее подходящими в межкультурном взаимодействии, поскольку позволяют конструктивно изучать проблемные вопросы и сохранять при этом взаимное уважение. Выбор кооперативных стратегий может быть более приемлемым как для индивидуалистов, так и для коллективистов, чем доминирование (так как данная стратегия нетипична для коллективистов) и уход (так как данная стратегия нетипична для индивидуалистов).

Помимо этого, в конфликтных ситуациях с членами принимающей культуры предпочтения в пользу кооперативных стилей конфликта, которые учитывают потребности обеих сторон, будут стимулировать развитие межличностных отношений. Поскольку намерение участвовать во взаимодействии с членами принимающей культуры в сотрудничающем ключе имеет решающее значение для интеграции в культуру принимающей страны, стратегии поведения в конфликте, которые отражают это намерение, также могут выступать важным пунктом адаптации к новой культуре [63]. Помимо этого, одним из наиболее важных аспектов в успешном урегулировании и предотвращении межкультурных конфликтов является расширение представлений о культурной вариатив-

ности и культурной обусловленности межличностной коммуникации.

Методы исследования выбора стратегии межкультурного конфликта

В большинстве проанализированных публикаций метод изучения поведения в конфликте был представлен опросом. Наиболее распространенной конкретной методикой является опросник М. Рэхима (Rahim's Organisational Conflict Inventory II) [57], в том числе в модификациях С. Тинг-Туми [64] и Дж. Оэтцеля [49]. Опросник содержит ряд суждений, каждое из которых соотносится с одной из пяти субшкал, соответствующих стратегиям конфликтного поведения модели двойной заинтересованности. Примеры суждений, включенных в разные субшкалы [57]:

1) *сотрудничество*: я постараюсь изучить проблему совместно с другой стороной, чтобы найти приемлемое решение для нас обоих;

2) *компромисс*: я постараюсь найти средний курс для разрешения разногласий;

3) *уступки*: я постараюсь удовлетворить пожелания другой стороны;

4) *уход*: я постараюсь избежать открытого обсуждения проблемы;

5) *доминирование*: я постараюсь быть твердым в защите своих интересов.

Испытуемых просят оценить, с какой вероятностью они бы повели себя в конфликте с представителем другой культуры каждым из предложенных способов. Каждое суждение оценивается по 7-балльной шкале от «совершенно не согласен» до «полностью согласен». В разных модификациях данного опросника изменяется количество или формулировки предлагаемых суждений.

Несмотря на распространенность метода опроса в сфере изучения поведения в межкультурном конфликте, он подвержен многочисленной критике [66; 76]. Как правило, это связано с двумя аспектами, во-первых, с возможным несоответствием ответов, которые дают испытуемые, их реальному поведению. На выбор стратегии при заполнении опросника могут влиять социальная желательность, нормы и правила, в то время как в реальном конфликте испытуемый может отходить от существующих в обществе предписаний. Данные побочные переменные, как правило, никак не контролируются в ходе исследования.

Другим проблемным вопросом остается тот факт, что модель двойной заинтересованности, которую используют в кросс-культурных исследованиях, построена для западной культуры и не всегда объективно отражает репертуар конфликтного поведения в других странах.

Однако альтернатив данному методу пока предложено не так много. Одной из таких альтернатив является анализ кейсов — реальных межкультурных конфликтов [7]. Такой подход решает проблему соответствия фактического и гипотетического поведения, но, как и любой другой ретроспективный метод, имеет ряд существенных

ограничений, затрудняющих его использование.

Заключение

Таким образом, благодаря проведенному обзорному исследованию зарубежных научных публикаций по проблеме поведения в межкультурном конфликте, была сформирована единая система представлений о существующих моделях поведения и наиболее изученных детерминантах и регуляторах данного поведения. Представленный анализ выявляет отсутствие в современной социальной психологии единого подхода к изучению данной темы и существующие методологические трудности, тем самым подчеркивая необходимость дальнейших теоретических и эмпирических исследований в этой области.

Изучение предикторов поведения сторон конфликта имеет не только высокую теоретическую, но и практическую значимость. Так, понимание данных механизмов поможет, с одной стороны, расширить представление о природе межкультурных конфликтов и отношений в целом и установить взаимосвязи между различными предикторами, а с другой стороны — понять, какие параметры стоит учитывать при урегулировании конфликтов такого рода.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3 / Академия педагогических наук СССР. М.: Педагогика, 1983. 369 с.
Vygotkiy L.S. Sbranie sochineniy: V 6 t. T. 6 [Collected works: In 6 vol. Vol. 3]. Moscow: Pedagogika, 1983. 369 p.
2. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2014. 351 с.
Stefanenko T.G. Etnopiskhologiya: uchebnik dlya vuzov [Ethnopsychology: university textbook]. Moscow: Aspekt Press, 2014. 351 p.

3. *Arifin F., Wigati F., Lestari Z.* Typical Responses in Giving Evaluation: An Analysis of High and Low Context Culture Communication // *Parole: Journal of Linguistics and Education*. 2013. Vol. 3. Iss. 1. P. 85–92.
4. *Burleson B.R., MacGeorge E.L.* Supportive communication // *Handbook of interpersonal communication* / Ed. by M.L. Knapp, J. Daly. Thousand Oaks: Sage, 2002. P. 374–424.
5. *Bar-Tal D.* Group beliefs. N.Y.: Springer-Verlag, 1990. 140 p.
6. *Bar-Tal D.* Why does fear override hope in societies engulfed by intractable conflicts, as it does in the Israeli society? // *Political Psychology*. 2001. Vol. 22. P. 601–627. doi: 10.1111/0162-895X.00255
7. *Bar-Tal D., Halperin E., Sharvit K., Zafran A.* Ethos of Conflict: The Concept and Its Measurement // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2012. Vol. 18. Iss. 1. P. 40–61. doi: 10.1037/a0026860
8. *Blake R.R., Mouton J.S.* The managerial grid. Houston: Gulf Publishing, 1964. 350 p.
9. *Boros S.* Struggles for cooperation: conflict resolution strategies in multicultural groups // *Journal of Managerial Psychology*. 2010. Vol. 25. Iss. 5. P. 539–554. doi: 10.1108/02683941011048418
10. *Croucher S.M., Bruno A., McGrath P., et al.* Conflict Styles and High-Low Context Cultures: A Cross-Cultural Extension // *Communication Research Reports*. 2012. Vol. 29. Iss. 1. P. 64–73. doi: 10.1080/08824096.2011.640093
11. *Davidheiser M.* Race, Worldviews, and Conflict Mediation: Black and White Styles of Conflict Revisited // *Peace & Change*. 2008. Vol. 33. Iss. 1. P. 60–89. doi: j.1468-0130.2007.00476.x
12. *Drake L.E.* Negotiation styles in intercultural communication // *The International Journal of Conflict Management*. 1995. Vol. 6. Iss. 1. P. 72–90. doi: 10.1108/eb022756
13. *Dsilva M.U., Whyte L.O.* Cultural differences in conflict styles: Vietnamese refugees and established residents // *Communication Abstracts*. 1998. Vol. 21. Iss. 3. P. 57–68. doi: 10.1080/106461798247113
14. *Euwema M.C., Hetty Van Emerik I.J.* Intercultural competencies and conglomerated conflict behaviors in intercultural conflict // *International Journal of Intercultural Relations*. 2007. Vol. 31. Iss. 4. P. 427–441. doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.11.001
15. *Ford B.Q., Mauss I.B.* Culture and emotion regulation // *Current Opinion in Psychology*. 2015. Vol. 3. P. 1–5. doi: 10.1016/j.copsy.2014.12.004
16. *Gudykunst W.B.* Uncertainty and anxiety // *Theories of intercultural communication* / Ed. by Y.Y. Kim, W.B. Gudykunst. Newbury Park: Sage, 1988. P. 123–156.
17. *Gudykunst W.B.* *Theorizing About Intercultural Communication*. SAGE Publications, 2004. 480 p.
18. *Gunkel M., Schlaegel C., Taras V.* Cultural values, emotional intelligence, and conflict handling styles: A global study // *Journal of World Business*. 2016. Vol. 51. Iss. 4. P. 568–585. doi: 10.1016/j.jwb.2016.02.001
19. *Hall E.* *Beyond culture*. Garden City: Anchor Press/Doubleday, 1976. 316 p.
20. *Hammer M.R.* Solving Problems and Resolving Conflict Using the Intercultural Conflict Style Model and Inventory // *Contemporary Leadership and Intercultural Competence* / Ed. by M.A. Moodian. Thousand Oaks: Sage, 2009. P. 219–232.

21. *Hammer M.R.* The Developmental paradigm for intercultural competence research // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 48. P. 12–13. doi: 10.1016/j.ijintrel.2015.03.004
22. *Hobfoll S.E., Freedy J., Lane C., Geller P.* Conservation of social resources: Social support resource theory // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1990. Vol. 7. P. 465–478. doi: 10.1177/0265407590074004
23. *Kagan S., Knight G., Martinez-Romero S.* Culture and the development of conflict resolution style // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1982. Vol. 13. P. 43–59. doi: 10.1177/0022022182131005
24. *Kim M.-S., Kitani K.* Conflict management styles of Asian- and Caucasian-Americans in romantic relationships in Hawaii // *Journal of Asian Pacific Communication*. 1998. Vol. 8. Iss. 1. P. 51–68. doi: 10.1016/j.ijintrel.2005.06.002
25. *Kim E.j., Yamaguchi A., Kim M.-S., et al.* Effects of taking conflict personally on conflict management styles across cultures // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 72. P. 143–149. doi: 10.1016/j.paid.2014.08.004
26. *Kimmel P.* Culture and Conflict // *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice* / Ed. by P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. Jossey-Bass, 2014. P. 625–649.
27. *Kochman T.* Black and white styles in conflict. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 184 p.
28. *Komarraju M., Dollinger S.J., Lovell J.L.* Individualism-collectivism in horizontal and vertical directions as predictors of conflict management styles // *International Journal of Conflict Management*. 2008. Vol. 19. Iss. 1. P. 20–35. doi: 10.1108/10444060810849164
29. *Kozan M.K.* Relationships of hierarchy and topics of conflict management styles: A comparative study // *Theory and research in conflict management* / Ed. by M.A. Rahim. N.Y.: Praeger Publishers, 1990. P. 174–187.
30. *Langeland E., Wahl A.K.* The impact of social support on mental health service users' sense of coherence: A longitudinal panel study // *International Journal of Nursing Studies*. 2009. Vol. 46. P. 830–837. doi: 10.1016/j.ijnurstu.2008.12.017
31. *Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W.* Are intercultural contacts dangerous or profitable for person and society? Intercultural relations in Russia and Latvia // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. Vol. 9. Iss. 1. P. 41–56.
32. *Leung K.* Some determinants of conflict avoidance // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1988. Vol. 19. Iss. 1. P. 125–136.
33. *Leung K.* Beliefs in Chinese culture // *The Oxford handbook of Chinese psychology*. Oxford University Press, 2010. P. 221–240.
34. *Leung K., Stephan W.G.* Social justice from a cultural perspective // *The handbook of culture and psychology* / Ed. by D. Matsumoto. Oxford University Press, 2001. P. 375–410.
35. *Lin Y., Rancer A.S., Lim S.* Ethnocentrism and intercultural willingness to communicate: A cross cultural comparison between Korean and American college students // *Journal of Intercultural Communication Research*. 2003. Vol. 32. P. 117–128.
36. *Ma Z., Erkus A., Tabak A.* Explore the impact of collectivism on conflict management styles: a Turkish study // *International Journal of Conflict Management (Emerald)*. 2010. Vol. 21. Iss. 2. P. 169–185. doi: 10.1108/10444061011037396

37. MacGeorge E.L., Feng B., Burlison B.R. Supportive communication // The Sage handbook of interpersonal communication / Ed. by M.L. Knapp, J.A. Daly. Thousand Oaks: Sage, 2013. P. 317–354.
38. Marsella A.J. Culture and conflict: Understanding, negotiating, and reconciling conflicting constructions of reality // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. P. 651–673. doi: 10.1016/j.ijintrel.2005.07.012
39. Marsella A.J. The Challenges of ethno-cultural diversity in an era of asymmetric globalization // Dynamics of Asymmetric Conflict. 2011. Vol. 4. P. 52–58. doi: 10.1080/17467586.2011.603346
40. Matsumoto D., Choi J.W., Hirayama S., et al. Culture, display rules, and emotion judgments // Psychology: the Journal of the Hellenic Psychological Society. In press.
41. Matsumoto D., Hwang H.C. The role of contempt in intercultural communication // Cross-Cultural Research. 2015. Vol. 40. Iss. 5. P. 439–460. doi: 10.1177/1069397115599542
42. Minkov M., Hofstede G. Hofstede's fifth dimension: New evidence from the World Values Survey // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2012. Vol. 43. Iss. 1. P. 3–14. doi: 10.1177/00220221110388567
43. Montes C., Rodriguez D., Serrano G. Affective choice of conflict management styles // International Journal of Conflict Management. 2012. Vol. 23. P. 6–18. doi: 10.1108/10444061211199304
44. Neuliep J.W., McCroskey. The development of intercultural and interethnic communication apprehension scales // Communication Research Reports. 1997. Vol. 14. P. 145–156. doi: 10.1080/08824099709388656
45. Neuliep J.W. The relationship among intercultural communication apprehension, ethnocentrism, uncertainty reduction, and communication satisfaction during initial intercultural interactions: An extension of anxiety and uncertainty management (AUM) theory // Journal of Intercultural Communication Research. 2012. Vol. 41. P. 1–16. doi: 10.1080/17475759.2011.623239
46. Neuliep J.W., Ryan D.J. The influence of intercultural communication apprehension and socio-communicative orientation on uncertainty reduction during initial cross-cultural interaction // Communication Quarterly. 1998. Vol. 46. P. 88–99. doi: 10.1080/01463379809370086
47. Nisbett R., Cohen D. Culture of honor: The psychology of violence in the South Denver. Westview Press, 1996. 144 p.
48. Nomura N., Barnlund D. Patterns of interpersonal criticism in Japan and the United States // International Journal of Intercultural Relations. 1983. Vol. 7. P. 1–18. doi: 10.1017/CBO9780511615238
49. Oetzel J.G., Myers K., Meares M., Estefana L. Interpersonal conflict in organizations: Exploring conflict styles via face-negotiation theory // Communication Research Reports. 2003. Vol. 20. Iss. 2. P. 106–115.
50. Oetzel J.G., Ting-Toomey S. Face concerns and facework during conflict: A test of the face-negotiation theory // Communication Research. 2003. Vol. 30. P. 599–624. doi: 10.1177/0093650203257841
51. Oetzel J.G. Intercultural competence in organizations // The Sage Encyclopedia of Intercultural Competence / Ed. by J.M. Bennett. Sage Publications. 2015. Vol. 2. P. 489–492.

52. *Oommen D.* The relationship between mental distress, assessed in terms of anxiety and depression, and conflict management in the context of cultural adaptation // *Journal of Intercultural Communication Research*. 2013. Vol. 42. P. 91–111. doi: 10.1080/17475759.2012.744341
53. *Pearson V.M., Stephan W.G.* Preferences for styles of negotiation: A comparison of Brazil and the US // *International Journal of Intercultural Relations*. 1998. Vol. 22. Iss. 1. P. 67–83. doi: 10.1016/S0147-1767(97)00036-9
54. *Pettigrew T.F., Tropp L.* A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90. Iss. 5. P. 751–783. doi: 10.1037/0022-3514.90.5.751
55. *Pruitt D.G., Rubin J., Kim S.H.* Social conflict: Escalation, stalemate, and settlement. N.Y.: McGraw-Hill Education, 2003. 316 p.
56. *Putnam L., Wilson C.* Communication strategies in organizational conflicts: Reliability and validity of a measurement // *Communication yearbook* Vol. 6. / Ed. by M. Burgoon. Beverly Hills: Sage, 1982. P. 629–652.
57. *Rahim M.A.* Rahim organizational conflict inventories: Professional manual. N.Y.: Consulting Psychologists Press, 1983. 171 p.
58. *Symister P., Friend R.* The influence of social support and problematic support on optimism and depression in chronic illness: A prospective study evaluating self-esteem as a mediator // *Health Psychology*. 2003. Vol. 22. P. 123–129. doi: 10.1037/0278-6133.22.2.123
59. *Tashchian A., Forrester W.R., Kalamas M.* The Effects of Extroversion on Conflict Resolution in Student Teams: A Cross-Cultural Comparison // *Journal of International Education Research*. 2014. Vol. 10. Iss. 1. P. 29–36. doi: 10.19030/jier.v10i1.8348
60. *Thomas K.W.* Toward multi-dimensional values in teaching: The example of conflict behaviors // *Academy of Management Review*. 1977. Vol. 2. P. 484–490.
61. *Thomas K.W., Kilmann R.H.* Developing a forced-choice measure of conflict-handling behavior: The “mode” instrument // *Educational and Psychological Measurement*. 1977. Vol. 37. Iss. 2. P. 309–325.
62. *Ting-Toomey S., Kurogi A.* Facework competence in intercultural conflict: An updated face negotiation theory // *International Journal of Intercultural Relations*. 1998. Vol. 22. P. 187–225. doi: 10.1016/S0147-1767(98)00004-2
63. *Ting-Toomey S., Oetzel J.G.* *Managing Intercultural Conflict Effectively*. SAGE Publications, 2001. 248 p.
64. *Ting-Toomey S., Yee-Jung K.K., Shapiro R.B., et al.* Ethnic/cultural identity salience and conflict styles in four US ethnic groups // *International Journal of Intercultural Relations*. 2000. Vol. 24. P. 47–81. doi: 10.1016/S0147-1767(99)00023-1
65. *Ting-Toomey S.* Applying Dimensional Values in Understanding Intercultural Communication // *Communication Monographs*. 2010. Vol. 77. Iss. 2. P. 169–180. doi: 10.1080/03637751003790428
66. *Ting-Toomey S.* *Conflict Facework Theory* // *The Sage Encyclopedia of Intercultural Competence* / Ed. by J.M. Benett. 1st Ed. SAGE Publications, 2015. P. 325–330.
67. *Torres J.B., Solberg S.V.* Role of self-efficacy, stress, social integration, and family support in Latino college student persistence and health // *Journal of Vocational Behavior*. 2001. Vol. 59. P. 53–63. doi: 10.1006/jvbe.2000.1785

68. *Tong Y., Chen G.-M.* Intercultural Sensitivity and Conflict Management Styles in Cross-Cultural Organizational // *Intercultural Communication Studies*. 2008. Vol. 17. Iss. 2. P. 149–161.
69. *Triandis H.C., Marin G., Lisansky J. et al.* Simpatia as a cultural script for Hispanics // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol. 47. P. 1363–1375. doi: 10.1037/0022-3514.47.6.1363
70. *Trippe B., Baumöel D.* Beyond the Thomas-Kilmann model: Into extreme conflict // *Negotiation Journal*. 2015. Vol. 31. Iss. 2. P. 89-103. doi: 10.1111/nej.12084
71. *Trompenaars F., Hampden-Turner C.* Riding the waves of culture. N.Y.: McGraw-Hill Education, 2012. 400 p.
72. *Trubisky P., Ting-Toomey S., Lin S.-L.* The influence of individualism-collectivism and self-monitoring on conflict styles // *International Journal of Intercultural Relations*. 1991. Vol. 15. P. 65–84. doi: 10.1016/0147-1767(91)90074-Q
73. *Tsai J.-S., Chi J.-S.* Influences of Chinese Cultural Orientations and Conflict Management Styles on Construction Dispute Resolving Strategies // *Journal of Construction Engineering and Management*. 2009. Vol. 135. Iss. 10. P. 955–964. doi: 10.1061/(ASCE)0733-9364(2009)135:10(955)
74. *Ward A.-K., Ravlin E.C., Klaas B.S. et al.* When do high-context communications speak up? Exploring contextual communication orientation and employee voice // *Journal of Applied Psychology*. 2016. Vol. 101. Iss. 10. P. 1498–1511. doi: 10.1037/apl0000144
75. *Wolfson K., Norden M.* Measuring responses to filmed interpersonal conflict: A rules approach // *Methods for intercultural research* / Ed. by W.B. Gudykunst, Y.Y. Kim. Beverly Hills: Sage, 1984. P. 155–166.
76. *Worchel S.* Culture's role in conflict and conflict management: Some suggestions, many questions // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. P. 739–757. doi: 10.1016/j.ijintrel.2005.08.011
77. *Zhang Q., Ting-Toomey S., Oetzel J.G. et al.* The emotional side of forgiveness: A cross cultural investigation of the role of anger and compassion and face threat in interpersonal forgiveness and reconciliation // *Journal of International and Intercultural Communication*. 2015. Vol. 8. Iss. 4. P. 311–329. doi: 10.1080/17513057.2015.1087094

Intercultural conflict styles: literature review

A.A. BATKHINA*

*National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia,
batkhina.anastasia@gmail.com*

Analytical review of foreign psychological research on the international conflict styles is presented in this article. Intercultural conflict is understood as an interpersonal conflict between representatives of different cultures. The main models describing the intercultural conflict styles are analyzed: the dual concern model, the intercultural conflict styles inventory model, the face negotiation model. The publication provides a brief review of modern studies' results of behavior predictors in the intercultural conflict; special attention is paid to the analysis of the influence of culture and intercultural communication apprehension on the choice of conflict styles. The importance of assessing the conflict styles effectiveness used in the situation of intercultural interaction is noted. In conclusion, unresolved problems and actual trends in the study of behavior in the intercultural conflict are designated.

Keywords: *intercultural conflict, conflict styles, culture, predictors of conflict behavior.*

For citation:

Batkhina A.A. Intercultural conflict styles: literature review. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 45–62. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080305

* *Batkhina Anastasia A.* — PhD student, trainee researcher, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia, batkhina.anastasia@gmail.com

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Дискриминация мигрантов в социоэкономической сфере: роль межгрупповых установок принимающего населения

Д.С. ГРИГОРЬЕВ*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, dgrigoryev@hse.ru

Статья посвящена проблеме дискриминации мигрантов в социоэкономической сфере, которую можно считать основным препятствием со стороны принимающего населения для социоэкономической адаптации мигрантов. Объединяя распространённые подходы к изучению предубеждений и дискриминации, а также осуществив поиск групп россиян со сходными аккультурационными характеристиками (аккультурационные профили), на выборке из 576 россиян была рассмотрена взаимосвязь социальных верований (вера в опасный и конкурентный мир), идеологических установок (авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, мультикультурная идеология) и готовности к межгрупповому контакту. Гипотеза модерации аккультурационным профилем (бикультурным, альтернативно-бикультурным или ассимиляционным) рассматриваемых взаимосвязей не была поддержана, предложенная концептуальная модель была универсальна для всех групп. В целом результаты показали, что представление людей о социальном мире как об опасном и конкурентном месте, которое формируется индивидуальным опытом социализации, а также воздействием существующей социальной среды, может быть связано с поддержкой мультикультурной идеологии и готовностью к межгрупповому контакту, которые, в свою очередь, в некоторой степени определяют поддержку дискриминации мигрантов в социоэкономической сфере.

Ключевые слова: *готовность к межгрупповому контакту, мультикультурная идеология, авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, социальные верования, поддержка дискриминации мигрантов, аккультурационные ожидания.*

Для цитаты:

Григорьев Д.С. Дискриминация мигрантов в социоэкономической сфере: роль межгрупповых установок принимающего населения // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 63–84. doi:10.17759/sps.2017080306

* Григорьев Дмитрий Сергеевич — научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, dgrigoryev@hse.ru

Введение

Успешная социокультурная, психологическая и социоэкономическая адаптация мигрантов в значительной мере зависит от готовности к этому принимающего общества. Так, например, установки по отношению к культурному многообразию могут иметь прямые последствия для доступных мигрантам аккультурационных стратегий [77], а этнические группы, имеющие высокую социальную дистанцию относительно представителей принимающего населения, рискуют быть воспринятыми ими в качестве конкурентов [12]. Конкуренция же между этническими группами, как правило, способствует отношению к мигрантам как к культурной или экономической угрозе [58], что ограничивает путем повышения уровня дискриминации их перспективы экономического обустройства и мобильности в принимающей стране [55]. Несмотря на то что дискриминация является главным препятствием на пути к полной интеграции мигрантов на рынке труда и в общество в целом, ее фактическую распространенность трудно оценить [47]. Исследования, основанные на личностном восприятии, указывают, что дискриминация сопровождает мигрантов на всех этапах цикла занятости (прием на работу, для которой они являются сверхквалифицированными, дискриминация непосредственно на рабочем месте, высокий риск более низкой оплаты труда, отсутствие перспектив карьерного роста и т. п.) [19; 42]. Существуют также свидетельства дискриминации на рынке жилья и в системе образования [47]. Дискриминация в социоэкономической сфере достаточно тесно связана с другими формами дискриминации и неравенства, поэтому является одним из самых

сложных и разрушительных видов неравенства в обществе [47], вот почему дискриминацию мигрантов в социоэкономической сфере можно по праву считать основным препятствием со стороны принимающего населения для социоэкономической адаптации мигрантов.

Со времени выпуска знаковой книги Г. Олпорта [2] психологи проявили колоссальный интерес к пониманию предубеждений и дискриминации, а также значительно расширили подходы для их объяснения [20]. В этом исследовании мы пытаемся объединить распространенные подходы для объяснения предубеждений и дискриминации по отношению к мигрантам, которые существуют в рамках исследований политической психологии, психологии аккультурации и классической социальной психологии. В этой работе мы обращаемся к двухкомпонентной модели Дж. Даккита [21; 23], модели установок принимающего населения к культурному многообразию [10; 46; 66] и модели готовности к межгрупповому контакту [52; 60; 78] соответственно. Таким образом, сравнивая, т. е. примиряя или противопоставляя эти подходы в нашем исследовании, мы можем расширить наше знание о психологических механизмах поддержки предубеждений и дискриминации и, возможно, о мерах по их уменьшению.

Преимущество использования аккультурационных профилей, по мнению многих исследователей [11; 14; 24; 31; 32; 43; 59; 64; 67], заключается в том, что это позволяет к оценке аккультурации применять подход, ориентированный на человека (person-oriented) [см. 7], а не на переменные (variable-oriented), что обеспечивает лучшее понимание паттернов аккультурации. С этих позиций использование методов группировки,

таких как кластерный анализ или анализ латентных классов, можно рассматривать как наиболее подходящий способ изучения аккультурации, так как если принимающее население неоднородно в плане своих аккультурационных ожиданий по отношению к мигрантам, то подобные методы группировки позволяют это статистически достоверно выявить [см., напр., 31; 43]. В этом исследовании мы также применили ориентированный на человека подход к аккультурации, используя анализ латентных профилей, расширенную эксплораторную статистическую процедуру, позволяющую идентифицировать группы принимающего населения, имеющие сходные аккультурационные характеристики, и сравнили полученные профили по переменным, указанным выше.

Наконец, как нами было отмечено ранее, различные аккультурационные ожидания могут в значительной мере отражать то, как люди воспринимают существующие межгрупповые отношения и какие стратегии нахождения в этой культурно многообразной среде они для себя видят адаптивными. Поэтому мы также проверили, модерируют ли различные аккультурационные профили связи между рассматриваемыми нами переменными.

Двухкомпонентная модель

Дж. Даккита

Согласно Дж. Даккиту [21], двухкомпонентная модель содержит два относительно независимых мотивационных измерения, отражающих установки на поддержание: 1) социальной сплоченности, порядка, стабильности и коллективной безопасности («авторитаризм

правого толка», АПТ); 2) группового доминирования и превосходства («ориентация на социальное доминирование», ОСД). Поддержание этих мотивационных целей, по мнению автора, зависит от представлений о социальном мире как об: 1) опасном и угрожающем («вера в опасный мир») и 2) конкурентном и ожесточенном («вера в конкурентный мир»), которые формируются в индивидуальном опыте социализации, а также под воздействием определенной социальной среды [21; 23; 50; 68]. Сами эти представления можно рассматривать как согласованные социальные верования, содержащие относительно устойчивые интерпретации или представления о социальном мире и людях в нем [62]. Согласно метаанализу 46 исследований [см. 50], вера в опасный мир надежно предсказывает АПТ, а вера в конкурентный мир — ОСД, данный вид отношений носит причинно-следственный характер [65]. Другими словами, вера в то, что мир полон опасности и ценности и образ жизни порядочных людей находится под угрозой, является причиной АПТ, а вера в то, что мир — это «конкурентные джунгли», место борьбы за власть и ресурсы, где «человек человеку волк», является причиной ОСД. В свою очередь, многочисленные исследования в течение последних нескольких десятилетий показали, что АПТ и ОСД являются мощными предикторами обобщенных предубеждений и этноцентризма [23; 68]. Также предполагается, что ОСД прежде всего связана с экономическими аспектами консерватизма, а АПТ — с социальными [49]. Двухкомпонентная модель хорошо объясняет межгрупповую угрозу, неравенство и конкуренцию, лежащую в основе межгрупповых предубеждений [22].

Авторитаризм правого толка

Изначально исследователи считали, что рассматриваемые социально-политические установки имеют одномерную структуру (F-шкала, разработанная Т. Адорно и его коллегами в рамках теории авторитарной личности [1]), однако последующие эмпирические исследования показали, что они имеют как минимум два относительно самостоятельных компонента [22]. Данные компоненты в разное время носили различные названия, тем не менее первый отражал авторитарность, традиционализм или социальный консерватизм на одном полюсе и открытость, автономию, либерализм или личную свободу — на другом. Второй же компонент отражал экономический консерватизм, власть, иерархию и неравенство — на одном и эгалитаризм, гуманизм, социальное обеспечение и заботу — на другом. Так, в дальнейшем Б. Алтемейером [см. 3] была составлена шкала АПТ, которая содержала три из девяти оригинальных кластеров F-шкалы: авторитарное подчинение (некритическое подчинение и принятие установленной внутригрупповой власти), авторитарную агрессию (общая агрессивность, направленная на инакомыслящих, нарушителей социальных норм, а также аутистичности) и конвенционализм (строгое соблюдение традиций, устоявшихся ценностей и норм) [29].

Ориентация на социальное доминирование

Ф. Пратто и ее коллегами [56] в рамках теории социального доминирования была предложена шкала ОСД, охватывающая еще три кластера F-шкалы:

деструктивность и цинизм, власть и доминантность, антиинтропекцию [22]. С момента своего появления два десятилетия назад данный конструкт оказался одним из самых универсальных и полезных для понимания социально-политических идеологий, психологии предрасположений и межгруппового поведения [28], а теория социального доминирования выделяется в качестве основной альтернативы теории социальной идентичности и как средство для объяснения наблюдаемых закономерностей в межгрупповом поведении и верованиях, связанных с иерархическими структурами в разных культурах [30]. Однако, хотя сильная прогностическая валидность ОСД и была доказана, тем не менее этот конструкт не в состоянии охватить все аспекты общественной жизни и полностью не заменяет объяснительный потенциал других конструктов, например индивидуальных ценностей, социальных аксиом и верований [37]. Также существуют некоторые вопросы и споры касательно ОСД — скажем, одномерный это или двухмерный конструкт (доминирование и антиэгалитаризм), актуален ли он для современных межгрупповых отношений, направлен ли он на групповую иерархию вообще или же лишь на предпочтение доминирования только ингруппы (тогда чем это отличается от ингруппового фаворитизма?) [см. 28а].

Мультикультурная идеология

Мультикультурализм является идеологией, поддерживающей культурное многообразие, равенство и положительную оценку различных культурных групп в рамках одного общества, которая была разработана в 1970-е гг. в западных

странах, чтобы справиться с растущим культурным и этническим многообразием и как альтернатива политике ассимиляции и сегрегации, которая была распространена ранее [13].

Мультикультурализм (мультикультурная идеология) как психологическое понятие представляет собой установку на содействие политической идеологии принятия и поддержки культурно-гетерогенного состава общества [10]. Поддержка мультикультурной идеологии часто рассматривается в качестве предпосылки для установления гармоничных межгрупповых отношений в культурно многообразных обществах [77]. Мультикультурализм тесно связан с гораздо более старыми и часто изучаемыми понятиями, такими как этноцентризм и авторитаризм, однако в отличие от них предполагает особый контекст — культурную неоднородность и фактический или возможный межкультурный контакт [66].

Готовность к межгрупповому контакту

Существует множество свидетельств, указывающих на потенциал межгрупповых контактов для снижения предубеждений и межгрупповой напряженности [см., напр., 54], но он может быть реализован, только когда представители групп готовы участвовать в межгрупповом контакте [60; 78]. Важно создавать условия, повышающие готовность людей участвовать в межгрупповых контактах, при этом эти контакты должны быть настроены так, что они не будут усиливать устоявшиеся предубеждения [78]. Отсутствие готовности к межгрупповым отношениям связано с границей между ин- и аутгруппой, а следовательно, и социальной дистанцией [34]. Социальная дистанция отражает чув-

ство готовности общаться с членом аутгруппы [81], также указывая на принятие и желательность присутствия различных этнических групп в обществе [44]. Часто социальная дистанция вызвана чувством дискомфорта при контакте с членами аутгруппы [35]. Ощущаемая конкуренция за политические, социальные, экономические или культурные ресурсы обычно упоминается как одна из важных причин негативных установок и высокой социальной дистанции [см., напр., 71], связанной, в свою очередь, с воспринимаемой угрозой, которая, по мнению многих исследователей, является самым надежным предиктором негативных установок в области межгрупповых отношений [73]. Воспринимаемая угроза, прежде всего выраженная в восприятии аутгруппы как препятствующей достижению внутригрупповых и/или индивидуальных целей, впоследствии может увеличить социальную дистанцию или даже привести к актам насилия против членов аутгруппы [51].

Настоящее исследование

В настоящем исследовании мы протестировали концептуальную модель, которую разработали на основе эмпирических данных предыдущих исследований, дополненных теоретическими соображениями о связях, когда необходимых эмпирических доказательств не было. Предложенная концептуальная модель со всеми взаимосвязями показана на рис.

Люди с высоким АПТ, как ожидается, будут особенно негативно относиться к аутгруппам, поскольку последние угрожают социальному порядку, в то время как люди с высоким ОСД будут негативно относиться к конкурентным и низкостатусным группам [22]. Этноцентрическая

тенденция воспринимать культурные нормы и практики мигрантов как неправильные или угрожающие устоявшемуся социальному порядку характерна для лиц с высоким АПТ [48], также для них характерно восприятие мигрантов как угрозы коллективной безопасности или как субъектов, отклоняющихся от установленного общественного порядка и от существующих ценностей, которые обеспечивают единообразное функционирование общества [18]. Согласно теории социального доминирования, обеспечение морального и интеллектуального оправдания дискриминации в обществе осуществляется посредством личной и нормативной поддержки легитимационных мифов двух различных функциональных типов: усиливающих иерархию (способствует социальному неравенству) и ослабляющих иерархию (способствует социальному равенству) [39; 70]; мультикультурная идеология является идеологией иерархически-ослабляющего типа [33; 39]. В контексте миграции и культурного плюрализма низкая ОСД и позитивное отношение к разнообразию являются ключевыми компонентами мультикультурализма [79]. Отрицательная связь между ОСД и мультикультурной идеологией была обнаружена в нескольких ранних исследованиях [см., напр., 39]. Также можно предположить, что мультикультурная идеология представляет собой противоположный полюс для социальных верований об опасном и конкурентном мире [см. 21], поэтому вера в опасный и вера конкурентный мир должны быть отрицательно связаны с мультикультурной идеологией. Кроме того, мультикультурная идеология воспринимается как угроза культурным традициям и ценностям людей с высоким АПТ [33]. Само этническое разнообразие представляет угрозу для лиц с высоким

АПТ, поскольку это указывает на несоответствие групповым нормам и угрозу групповому соответствию [6; 76]. В одном из исследований была показана отрицательная связь универсально-разнообразной ориентации (включающей интерес к культурному разнообразию, его ценность для себя, высокую оценку комфортности жизни в разнообразной культурной среде) с АПТ и ОСД [61]. Поэтому мы предполагаем, что АПТ и ОСД имеют положительную связь с поддержкой дискриминации мигрантов в социоэкономической сфере и негативную связь с мультикультурной идеологией.

Поддержка мультикультурной идеологии может уменьшить социальную дистанцию, поскольку такая поддержка влечет за собой позитивные стереотипы об этнических группах [74]: например, среди этнических меньшинств в Нидерландах поддержка мультикультурной идеологии была связана с меньшей социальной дистанцией по отношению ко всем этническим группам [27]. Высокая ценность культурного разнообразия у людей связана с повышенным интересом к межгрупповому контакту [75]. Поэтому готовность к межгрупповому контакту должна быть положительно связана с мультикультурной идеологией.

АПТ является барьером для позитивного межгруппового контакта, главным образом, путем ограничения желания участвовать в таких контактах [52; 53; см. также 15]. Люди с высоким уровнем АПТ менее склонны проживать в районах, где проживают представители аутгруппы [60]. Кроме того, вера в опасный мир, в котором большинство людей представляет угрозу, должна снизить готовность к межгрупповому контакту [см. также 69]. Ранее была обнаружена отрицательная связь между готовностью к межгруп-

повому контакту и АПТ и ОСД [61]. Поэтому можно ожидать, что АПТ и ОСД, а также вера в опасный и конкурентный мир будут негативно связаны с готовностью к межгрупповому контакту.

Подводя итог, мы считаем, что в проверяемой теоретической модели вера в опасный и вера в конкурентный мир будут стимулировать АПТ и ОСД, а также снижать готовность к межгрупповым контактам и поддержку идеи принятия культурного многообразия. Поддержание мотивационных целей, отражающихся в АПТ и ОСД, будет препятствовать поддержке мультикультурной идеологии и уменьшать готовность к межгруп-

повым контактам; с другой стороны, будет наблюдаться положительный эффект мультикультурной идеологии и готовности к межгрупповым контактам для уменьшения поддержки дискриминации мигрантов в социоэкономической сфере. Обнаруженные нами аккультурационные профили могут модерировать (ослаблять/усиливать) эти взаимосвязи.

Метод

Выборка

Общий объем выборки составил 576 человек. С учетом пропущенных

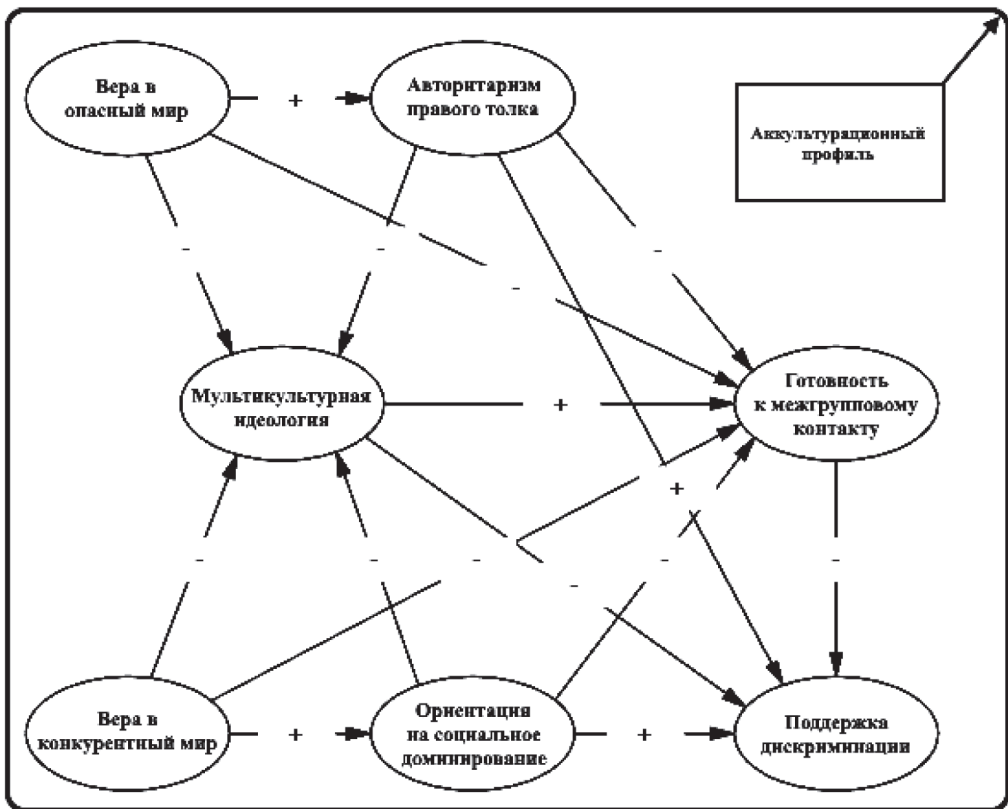

Рис. Предложенная концептуальная модель

ответов на вопросы социодемографического блока анкеты (40 наблюдений имели пропущенные значения), выборка включала 212 женщин (39,6% — здесь и далее указан действительный процент) и 324 мужчины (60,4%) в возрасте от 15 до 79 лет ($M = 35,1$, $SD = 13,4$); 115 участников (21,5%) были студентами. Социодемографические характеристики выборки более подробно представлены в табл. 1¹.

Процедура

Данные были собраны через социальные сети в интернете. Участникам опроса была предоставлена анкета, содержащая инструкции для заполнения, а также информацию об основных обсуждаемых в исследовании темах, политике конфиденциальности и способах связи с исследователями, контролирующими проект.

Инструменты

Анкета содержала адаптированный к русскому языку инструментарий [25], в который входили следующие шкалы.

Социальные верования

Шкала, содержащая 6 пунктов для веры в опасный мир и 6 пунктов для веры в конкурентный мир [21]; примеры пунктов: «В нашем обществе есть много опасных людей, которые нападают на окружающих без всякой причины» и «Большинство людей хотят вас обмануть, лучше при всяком удобном случае сделать это первым».

Авторитаризм правого толка

Шкала АПТ, содержащая 6 пунктов [4]; примеры пунктов: «Самые мерзкие

люди в нашей стране — это те, кто не уважает наших политиков, наш флаг и традиции» и «В наше сложное время нужно устанавливать строгие законы, особенно в отношении тех, кто выступает против сложившегося порядка и власти».

Ориентация на социальное доминирование

Шкала ОСД, содержащая 6 пунктов [28]; примеры пунктов: «Это, вероятно, хорошо, когда одни социальные группы занимают высокое положение в обществе, а другие — низкое» и «Это несправедливо — стремиться сделать все группы равными».

Мультикультурная идеология

Шкала мультикультурной идеологии, содержащая 6 пунктов [10]; примеры пунктов: «Общество, в котором существуют разнообразные этнические и культурные группы, более способно к решению новых, постоянно возникающих проблем» и «Нам следует признать, что культурное и расовое многообразие — фундаментальная характеристика российского общества».

Готовность к межгрупповому контакту

Шкала социальной дистанции, содержащая 4 пункта [26]; примеры пунктов: «Для меня приемлемо жить в одном районе с трудовым мигрантом» и «Я готов пригласить трудового мигранта на какое-либо публичное событие (свадьба, вечеринка и т. п.) к себе домой».

¹ Эта и все последующие таблицы доступны в дополнительных материалах к статье по ссылке: doi:10.17759/sps.2017080306a

Поддержка дискриминации мигрантов в социоэкономической сфере

Мы использовали специально разработанную шкалу, содержащую 6 пунктов [25], требующих оценки уровня одобрения поведения, отражающего дискриминацию мигрантов на рабочем месте, на рынке труда, в сфере аренды жилья и в других областях, соответствующих социально-экономической области, согласно литературе [см. 19; 42; 47]. Примеры пунктов: «Выплата мигрантам меньшей заработной платы, чем местным жителям, при условии равенства квалификации и уровня образования» и «Отсутствие перспектив карьерного роста для мигрантов».

Аккультурационные установки

Шкала, содержащая пункты из методики Relative Acculturation Extended Model [46]. Мы измеряли аккультурационные ожидания по отношению к мигрантам, включая два аспекта аккультурации (принятие мигрантами культуры доминирующей группы и сохранение своей собственной культуры) как в публичной (например, работа, социальные отношения и дружба, использование языка), так и в частной сфере (скажем, потребительские привычки, семейные отношения, религиозные верования и обычаи, ценности и принципы).

Анализ данных

Используя R [57], мы провели скрининг данных, включающий проверку выбросов и пропусков. Мы использовали пакет *lavaan* [63] для построения измерительной модели с восемью латентными факторами и проверили соответствие этой модели данным, применяя конфирматорный факторный анализ (CFA). Оценка измерительной модели, а также всех последующих мо-

делей проводилась с использованием робастной статистики хи-квадрат (поправка Саторры – Бентлера – MLM estimator). Мы применяли общепринятые глобальные критерии соответствия модели данным: $CFI > 0,90$; $RMSEA < 0,05$; $SRMR < 0,08$ [36]. Для установления измерительной и структурной инвариантности и последующего тестирования нашей концептуальной модели на группах с разным аккультурационным профилем мы использовали общепринятые критерии для общего размера выборки > 300 при установлении измерительной инвариантности: $\Delta CFI \leq 0,010$; $\Delta RMSEA \leq 0,015$; $\Delta SRMR \leq 0,030$ (метрическая инвариантность) и $\Delta SRMR \leq 0,010$ (скалярная инвариантность) [17] и классический тест различий по хи-квадрат для структурной инвариантности.

Mplus 7.1 [45] был использован для проведения анализа латентных профилей (LPA), который определяет таксономию, или классы людей, на основе общих характеристик и группирует участников по аккультурационным профилям, используя ответы на пункты шкалы аккультурационных ожиданий в публичной и частной сфере.

Чтобы проверить различие между профилями, мы также использовали множественный ковариационный анализ (MANCOVA) с социодемографическими переменными (пол, возраст, уровень образования, доход, принадлежность к религии (нет/да), статус студента (нет/да), статус занятости (безработный/занятый)) в качестве ковариатов.

И наконец, мы проверяли нашу концептуальную модель, используя моделирование структурными уравнениями (SEM) все так же с помощью пакета *lavaan*.

Результаты

Предварительный анализ

Данные содержали 40 наблюдений с пропущенными значениями (частично заполненная анкета), которые не могли быть заполнены с помощью какой-либо статистической процедуры, поэтому мы сохранили настройки по умолчанию (исключение всех пунктов с пропусками) для пропусков в последующем анализе.

Измерительная модель

CFA

Оцененная измерительная модель имела факторные нагрузки от 0,465 до 0,872 со средним показателем 0,703 и показала приемлемую глобальную подгонку к данным: $\chi^2(1237, N = 541) = 2360,99$, $p < 0,001$; CFI = 0,910; RMSEA [90% CI] = 0,041 [0,039, 0,043]; SRMR = 0,058.

Надежность

Все шкалы имели хорошие показатели надежности, дескриптивная статистика и показатель внутренней согласованности доступны в табл. 2.

LPA

К данным были применены модели латентных профилей, содержащие шесть классов решений. Индексы соответствия модели для каждого LPA представлены в табл. 3. Принимая во внимание значения LRT (Likelihood Ratio Test) и VLMR (Vuong-Lo-Mendell-Rubin Ratio Test), которые показали, что четырехклассовая модель (размеры классов = 34/118/145/245), значительно лучше, чем трехклассовая модель (размеры классов = 42/153/347), а также учитывая размеры самих классов, мы посчитали четырехклассовую модель оптимальной. Мы исключили класс из 34 участников,

поскольку он содержал неинформативные ответы (средний ответ по всем пунктам шкалы) и был слишком мал для последующего сравнительного анализа.

MANCOVA

Содержание аккультурационных профилей представлено в табл. 4. Множественный эффект аккультурационных профилей был значимым, $\Lambda = 0,136$, $F(28, 956) = 58,3$, $p < 0,001$, $\eta^2_p = 0,63$. Результаты показали, что мы можем определить три аккультурационных профиля: бикультурный ($n = 115$), альтернативно-бикультурный ($n = 242$) и ассимиляционный ($n = 145$), которые в основном отличаются по степени желательности сохранения мигрантами их собственной культуры и принятия ими культуры большинства, но только в частной сфере. Бикультурный профиль содержал людей с сильными ожиданиями в отношении сохранения мигрантами их собственной культуры и принятия ими культуры большинства как в публичной, так и в частной сфере. Альтернативно-бикультурный профиль содержал людей, которые главным образом были ориентированы на принятие мигрантами культуры большинства в публичной сфере в сочетании с менее выраженной ориентацией на частную жизнь мигрантов (предпочтения близки к середине по шкале ответов). Ассимиляционный профиль ожиданий содержал людей с сильным предпочтением отказа сохранения мигрантами их собственной культуры и принятия ими культуры большинства в обеих сферах. Интересно, что размеры эффектов были больше для частной сферы аккультурации, это может указывать, что различия в профилях в основном касались взглядов на аккультурацию в частной сфере.

Различия между аккультурационными профилями в отношении межгрупповых установок представлены в табл. 5. Множественный эффект аккультурационных профилей был значимым, $\Lambda = 0,156$, $F(18, 966) = 82,2$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,61$. Бикультурный профиль в основном содержал людей с более высоким желанием сохранения мигрантами их собственной культуры. Альтернативно-бикультурный профиль состоял из людей, которые меньше акцентировали внимание на принятии мигрантами культуры большинства и имели более низкий АПТ. Ассимиляционный профиль содержал людей с более высокой верой в опасный мир и поддержкой дискриминации, а также более низкой поддержкой мультикультурной идеологии, готовностью к межгрупповому контакту и желанием сохранения мигрантами их собственной культуры. Значимых различий между профилями в отношении веры в конкурентный мир и ОСД обнаружено не было.

Мультигрупповой анализ

Измерительная инвариантность

Оцененная модель конфигуральной инвариантности для групп, отражающих три аккультурационных профиля, показала приемлемую глобальную подгонку к данным: CFI = 0,919; RMSEA [90% CI] = 0,047 [0,045, 0,050]; SRMR = 0,067, метрическая инвариантность: $\Delta CFI = 0,009$; $\Delta RMSEA = 0,001$; $\Delta SRMR = 0,008$ и скалярная инвариантность: $\Delta CFI = 0,009$; $\Delta RMSEA = 0,002$; $\Delta SRMR = 0,002$. Таким образом, можно сделать вывод об измерительной инвариантности — количество факторов, факторные нагрузки и интерсепты не различаются для трех групп.

Структурная инвариантность

Модель с приравненными путевыми коэффициентами имела приемлемую глобальную подгонку к данным: CFI = 0,909; RMSEA [90% CI] = 0,047 [0,043, 0,051]; SRMR = 0,070, а тест различий хи-квадрат показал, что она не отличается от мультигрупповой модели со свободно оцениваемыми путевыми коэффициентами ($\Delta\chi^2(15, N = 502) = 19,07$, $p = 0,210$). Таким образом, можно сделать вывод о структурной инвариантности — путевые коэффициенты не различаются для трех групп.

Структурная модель

Так как на предыдущем этапе мы оценили нашу модель на трех группах, отражающих аккультурационные профили, и обнаружили, что наша гипотеза о модерации не была поддержана — наша концептуальная модель одинакова для этих трех профилей, т. е. не зависит от принадлежности к аккультурационному профилю, также по характеру связей она ничем не отличается от общей модели, проверенной на полной выборке без деления по профилям. Добавление социодемографических ковариатов (указаны выше) также не меняло характера связей. Поэтому далее мы приводим оценки коэффициентов только для модели, оцененной на полной выборке ($N = 541$), эти оценки доступны в табл. 6. Общая структурная модель имела хорошую глобальную подгонку к данным: $\chi^2(780, N = 541) = 10\,484,73$, $p < 0,001$; CFI = 0,923; RMSEA [90% CI] = 0,044 [0,041, 0,047]; SRMR = 0,055. Все ожидаемые связи были подтверждены — за некоторым исключением: АПТ и мультикультурная идеология (Std. = 0,007,

$p = 0,890$), ОСД и мультикультурная идеология ($\text{Std.} = -0,042, p = 0,431$), ОСД и готовность к межгрупповому контакту ($\text{Std.} = -0,042, p = 0,354$) и ОСД и поддержка дискриминации ($\text{Std.} = 0,021, p = 0,516$). Доля объясненной дисперсии варьировалась от 5 до 83%. Сравнение размеров эффектов показало, что готовность к межгрупповому контакту имеет более сильный вклад в объяснение поддержки дискриминации, чем мультикультурная идеология и АПТ; авторитаризм в форме АПТ в модели имеет наименьший вклад в объяснение поддержки дискриминации.

Обсуждение

В этом исследовании мы проверили теоретическую модель поддержки дискриминации мигрантов в социоэкономической сфере, которая интегрировала компоненты модели Дж. Даккита, установки к культурному разнообразию и готовность к межгрупповому контакту. Проверка на российской выборке подтвердила наиболее ожидаемые связи. Отсутствие готовности к межгрупповым контактам и низкий уровень поддержки мультикультурной идеологии объяснили одобрение дискриминации мигрантов лучше, чем АПТ и ОСД. Существуют сходные результаты, сравнение размеров эффекта показало, что готовность к межгрупповому контакту (социальная дистанция к мусульманам) имела наибольший эффект (и в том числе больше, чем авторитаризм и восприятие мигрантов как угрозы) для объяснения голосования за радикальные правые партии [39a]. Учитывая богатые теоретические предпосылки для связи между авторитаризмом и предубеждениями,

мы также полагаем, что это может быть доказательством того, что АПТ и ОСД, вероятно, являются более дистальными факторами, а их влияние на предубеждения и дискриминацию может быть обусловлено прежде всего более проксимальными факторами. В отличие от АПТ и ОСД готовность к межгрупповым контактам и мультикультурная идеология являются такими проксимальными факторами для последствий межэтнических отношений (в нашем случае — поддержки дискриминации мигрантов со стороны россиян).

Также в этом исследовании с использованием подхода, ориентированного на человека, мы обратились к аккультурационным профилям принимающего населения в России и исследовали отношения между этими профилями и межгрупповыми установками. Мы определили три профиля: бикультурный, альтернативно-бикультурный и ассимиляционный. Результаты показали, что эмпирическая классификация LPA может дать более адекватную информацию, чем подход, ориентированный на переменные, который основан на теоретической таксономии, как, например, модель Дж. Берри [9], которая включает четыре аккультурационных ожидания (мультикультурализм, плавильный котел, сегрегация и исключение). Таким образом, особенно в культурно гетерогенных популяциях, LPA позволяет идентифицировать подгруппы с уникальными наборами аккультурационных характеристик.

Наконец, так как наша гипотеза о модерации не была поддержана, можно предположить, что рассмотренный нами в модели психологический механизм является в какой-то части универсальным.

Двухкомпонентная модель

Дж. Даккита

Ключевые связи между основными компонентами модели Дж. Даккита были подтверждены, за исключением связи между АПТ и ОСД. Отсутствие значимой корреляции между АПТ и ОСД несколько расходится со значением около 0,30, обнаруженным в метаанализе [см. 50], что может быть связано с содержанием пунктов, включенных в шкалу (в разных исследованиях использовались разные пункты, что ставит под сомнение сравнимость результатов исследований, этот вопрос также обсуждался в этом метаанализе). Тем не менее эти результаты могут быть специфичными для современной России, лица с высоким АПТ склонны поддерживать только те нормы и ценности, которые считаются консервативными в их культуре. Однако социальные нормы, регулирующие иерархические отношения, справедливость, социальную сплоченность или распределение власти, могут быть разными в разных странах и могут быть весьма специфичными для России, например, такая норма справедливости, как принцип равенства в распределении ресурсов, была положительно связана с АПТ среди россиян и отрицательно — среди американцев [40]. Для объяснения этой положительной связи можно обратиться к советскому прошлому; советская идеология формально провозглашала всеобщее равенство и поддерживала интернационализм. Предыдущие исследования показали некоторое влияние советского наследия на АПТ [см. 40; 41].

Мультикультурная идеология

Поддержка мультикультурной идеологии была связана только с социальными верованиями, но не с АПТ и ОСД, что противоречит некоторым предыдущим

исследованиям [напр., 33; 39]. В соответствии с аргументацией предыдущего параграфа мы считаем, что отсутствие связи с АПТ и ОСД связано с культурной специфичностью этих конструкторов в российском контексте. Утверждение, что основной предпосылкой авторитаризма является склонность людей к установкам и поведению, направленным на минимизацию разнообразия [72], не было поддержано нашими результатами.

Готовность к межгрупповому контакту

В соответствии с предыдущими исследованиями [см., напр., 27] мы обнаружили, что мультикультурная идеология является сильным положительным предиктором готовности к межгрупповому контакту. Кроме того, вера в опасный мир и АПТ снижают готовность к межгрупповым контактам как прямо, так и косвенно, по-видимому, вследствие воспринимаемой угрозы со стороны группы мигрантов. Напротив, наши ожидания относительно роли веры в конкурентный мир и ОСД не были поддержаны. Отрицательная связь между верой в конкурентный мир и готовностью к межгрупповому контакту была найдена, но связь была слабой и проходила через мультикультурную идеологию, более проксимальную переменную. Можно предположить, что амбивалентный эффект веры в конкурентный мир можно объяснить двумя составляющими этой установки. С одной стороны, конкурировать с мигрантами обычно проще, когда доминирующая группа имеет преимущества; с другой — данный эффект может отличаться в контексте культурного эгалитаризма (о последнем свидетельствовало отрицательное косвенное воздействие веры в конкурентный мир через мультикультурную идеологию).

Аккультурационные профили

Бикультурный и ассимиляционный профили являются противоположными в плане предпочтений для аккультурации мигрантов в России, при этом альтернативно-бикультурный профиль единственный показал специфику в публичной и частной сфере. В соответствии с выводами, основанными на подходе, ориентированном на переменные [5], в подходе, ориентированном на человека, мы обнаружили, что специфика в публичной и частной сфере аккультурации заключается в большей терпимости к сохранению этнической культуры в частной сфере. Люди с бикультурным профилем, ожидающие сохранения мигрантами собственной культуры, а также принятия культуры принимающего общества в обеих сферах, могут быть классифицированы как поддерживающие идею мультикультурного общества [см. 8]. Люди с ассимиляционным профилем могут отрицательно относиться к культурному разнообразию, потому что воспринимают угрозу своей безопасности [38], о чем также свидетельствуют наши результаты — высокая вера в опасный мир, поддержка дискриминации и низкая готовность к межгрупповому контакту. Кроме того, среди некоторых россиян есть распространенные опасения, что этническое русское население уменьшается, а количество мигрантов и этнических меньшинств увеличивается и что эти демографические изменения в будущем позволят мигрантам навязать свою культуру и порядок этническим русским; таким образом, ожидание от мигрантов ассимиляции подразумевает возвращение ощущения культурной безопасности. Это может быть хорошо понято в контексте гипотезы идеологической асимметрии, предложенной теорией социального доминирования, согласно которой мультикультурализм более выгоден для мигрантов, чем для группы принимающего

населения, поскольку мультикультурализм позволяет мигрантам сохранять свою собственную культуру и получить более высокий социальный статус в обществе, в то время как принимающее население может воспринимать мигрантов и их желание сохранить свою культуру как угрозу своей идентичности и статусу [66]. Не было никаких различий между публичной и частной сферой в ожиданиях людей с ассимиляционным профилем, вероятно, они могут воспринимать поведение мигрантов в публичной сфере как следствие поддержания этнической культуры в частной сфере, поскольку обычаи, ценности и убеждения могут определять поведенческий репертуар в повседневной жизни. Несмотря на то что во многих культурах не проводится различия между публичной и частной сферой жизни, в России могут быть особенно сильны эти позиции из-за советского прошлого с его коллективистскими чертами и склонностью влиять на идеи и убеждения в частной сфере [16, см. также 80]. Напротив, люди с альтернативно-бикультурным профилем скорее различают публичную и частную сферу жизни, что косвенно подтверждается низким АПТ [см. 23], и, вероятно, они больше внимания уделяют публичной сфере, где межгрупповой контакт, собственно, и может происходить.

Ограничения исследования

В нашем исследовании связи имели как универсальный, так и культурно-специфический характер, что требует дальнейшего изучения, например, исследование, рассматривающее взаимодействие индивидуальных и социокультурных факторов, показало, что АПТ был особенно сильным предиктором антииммигрантских настроений в странах, где мигранты воспринимались как лица, увеличивающие уровень преступ-

ности и не являющиеся выгодными для экономики (например, Германия и Италия); а ОСД была таковой в странах с более высоким относительным уровнем безработицы среди мигрантов (например, Бельгия и Швеция) [18]. Необходимо рассматривать такие модераторы, специфичные для каждой страны, в зависимости от межгруппового контакта и его предшествующих событий. Развитие нашей модели можно рассматривать как многообещающий шаг для объяснения позитивных и негативных установок к этническим меньшинствам и различным аспектам миграции в целом.

Также не были рассмотрены факторы, обеспечивающие позитивное отношение к культурному многообразию, поскольку только сам по себе низкий АПТ или низкая ОСД не способствуют позитивному отношению к миграции и мигрантам. Было бы также полезно учитывать специфику каждой конкретной группы мигрантов и их конкретный опыт адаптации, а не рассматривать как аутгруппу «абстрактных» мигрантов, поскольку степень, в которой АПТ и ОСД связаны с отношением к иммигрантским группам, вероятно, будет отличаться в зависимости от конкретной изучаемой группы и изучение отношения к мигрантам в целом может скрыть некоторые важные детали [65]. Это же является основным ограничением и для рассмотрения аккультурационных профилей. В России есть несколько групп мигрантов (укра-

инцы, узбеки, таджики, азербайджанцы, молдаване, казахи, армяне, белорусы, китайцы и др.), которые имеют различную культурную дистанцию по отношению к россиянам. Более того, россияне скорее классифицируют иммигрантов из Закавказья и Центральной Азии в общую внешнюю группу с внутренними мигрантами из российских регионов Северного Кавказа, чем с иммигрантами из Украины или Белоруссии. Поэтому очевидно, что рассмотрение таких групп в отдельности может обеспечить более богатую информацию об особенностях специфики в публичной и частной сфере для аккультурационных ожиданий и межгрупповых установок россиян. Этот факт полезно учитывать в любых будущих исследованиях аккультурации в России.

Наша модель имела дело с индивидуальными различиями и не описывала влияние ситуационных факторов, которые могут также иметь значение. У обоих подходов есть своя собственная цель: модели индивидуальных различий могут объяснить, почему некоторые люди более склонны проявлять предубеждения и дискриминацию, тогда как модели ситуационных факторов могут объяснить, почему некоторые контексты вызывают массовые и относительно однородные изменения поведения [29]. Будущие исследования могли бы получить дополнительную объяснительную силу модели путем объединения индивидуальной и ситуационной вариации.

Дополнительные материалы

Все таблицы доступны в дополнительных материалах к статье по ссылке: [doi:10.17759/sps.2017080306a](https://doi.org/10.17759/sps.2017080306a)

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00029).

Благодарности

Автор благодарит профессора Фонса ван де Вайвера (Университет Тилбурга, Нидерланды) за его ценный вклад в работу над исследовательским проектом в целом.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. *Adorno T.W., Frenkel-Brunswick, E., Levinson, D.J., Sanford, R.N.* The Authoritarian Personality. New York, NY: Harper-Row. 1950. 990 p.
2. *Allport G.W.* The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley. 1954. 537 p.
3. *Altemeyer B.* Right-wing authoritarianism. Winnipeg, Canada: University of Manitoba Press. 1981. 352 p.
4. *Altemeyer B.* The authoritarian specter. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1996. 374 p.
5. *Arends-Tóth J., van de Vijver F.J.R.* Multiculturalism and acculturation: views of Dutch and Turkish-Dutch // *European Journal of Social Psychology*. 2003. Vol. 33. P. 249–266. doi:10.1002/ejsp.143
6. *Asbrock F., Kauff M.* Authoritarian disbeliefs in diversity // *The Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 155. P. 553–558. doi:10.1080/00224545.2015.1038497
7. *Bergman L.R., Trost K.* The Person-Oriented Versus the Variable-Oriented Approach: Are They Complementary, Opposites, or Exploring Different Worlds? // *Merrill-Palmer Quarterly*. 2006. Vol. 52. P. 601–632. doi:10.1353/mpq.2006.0023
8. *Benet-Martínez V., Hong Y.-y.* (Ed.). The Oxford handbook of multicultural identity. New York, NY: Oxford Univ. Press. 2015. 560 p.
9. *Berry J.W.* Immigration, acculturation, and adaptation // *Applied Psychology*. 1997. Vol. 46. pp. 5–34. doi:10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
10. *Berry J.W., Kalin R.* Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 National Survey // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 1995. Vol. 27. P. 301–320. doi:10.1037/0008-400X.27.3.301
11. *Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P.* Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation // *Applied Psychology*. 2006. Vol. 55. P. 303–332. doi:10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x
12. *Bobo L., Hutchings V.L.* Perceptions of racial group competition: Extending Blumer's theory of group position to a multiracial social context // *American Sociological Review*. 1996. Vol. 61. P. 951–972.
13. *Breugelmans S.M., van de Vijver F.J.R.* Antecedents and components of majority attitudes toward multiculturalism in the Netherlands // *Applied Psychology*. 2004. Vol. 53. P. 400–422. doi:10.1111/j.1464-0597.2004.00177.x
14. *Brown C.M., Gibbons J.L., Hughes H.M.* Acculturation clusters and life satisfaction // *Acta de Investigación Psicológica*. 2013. Vol. 3. P. 1108–1121. doi:10.1016/S2007-4719(13)70955-4
15. *Brune A., Asbrock F., Sibley C.G.* Meet your neighbours. Authoritarians engage in intergroup contact when they have the opportunity: Authoritarianism and intergroup contact // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2016. Vol. 26. P. 567–580. doi:10.1002/casp.2289
16. *Chatterjee C., Ransel D.L., Cavender M., Petrone K.* (Eds.). Everyday life in Russia past and present. Bloomington, IN: Indiana Univ. Press. 2015. 448 p.
17. *Chen F.F.* Sensitivity of Goodness of Fit Indexes to Lack of Measurement Invariance // *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. 2007. Vol. 14. P. 464–504. doi:10.1080/10705510701301834

18. *Cohrs J.C., Stelzl M.* How Ideological Attitudes Predict Host Society Members' Attitudes toward Immigrants: Exploring Cross-National Differences // *Journal of Social Issues*. 2010. Vol. 66. P. 673–694. doi:10.1111/j.1540-4560.2010.01670.x
19. *Dancygier R.M., Laitin D.D.* Immigration into Europe: Economic discrimination, violence, and public policy // *Annual Review of Political Science*. 2014. Vol. 17. P. 43–64. doi:10.1146/annurev-polisci-082012-115925
20. *Dovidio J.F., Hewstone M., Glick P., Esses V.M.* Prejudice, stereotyping, and discrimination: Theoretical and empirical overview. In J.F. Dovidio, M. Hewstone, P. Glick, V.M. Esses (Eds.), *SAGE handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination* (pp. 3–28). London, United Kingdom: Sage. 2010. P. 672
21. *Duckitt J.* A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2001. Vol. 33. P. 41–113.
22. *Duckitt J., Sibley C.G.* Personality, ideology, prejudice, and politics: A dual-process motivational model // *Journal of Personality*. 2010. Vol. 78. P. 1861–1894. doi:10.1111/j.1467-6494.2010.00672.x
23. *Duckitt J., Sibley C.G.* The dual process motivational model of prejudice. In C.G. Sibley & F.K. Barlow (Eds.), *The Cambridge handbook of the psychology of prejudice*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press. 2017. 671 p.
24. *Grigoryev D., van de Vijver F.* Acculturation profiles of Russian-speaking immigrants in Belgium and their socio-economic adaptation // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. P doi:10.1080/01434632.2016.1268145
25. *Grigoryev D., van de Vijver F.* Acculturation Expectation Profiles of Russian Non-Immigrants and Their Intergroup Attitudes // *International Journal of Intercultural Relations*. (на рецензии).
26. *Halperin E., Canetti-Nisim D., Pedahzur A.* Threatened by the uncontrollable: Psychological and socio-economic antecedents of social distance towards labor migrants in Israel // *International Journal of Intercultural Relations*. 2007. Vol. 31. P. 459–478. doi:10.1016/j.ijintrel.2007.01.003
27. *Hindriks P., Verkuyten M., Coenders M.* Interminority attitudes: The roles of ethnic and national identification, contact, and multiculturalism // *Social Psychology Quarterly*. 2014. Vol.77. P. 54–74. doi:10.1177/0190272513511469
28. *Ho A.K., Sidanius J., Pratto F., Levin S., Thomsen L., Kteily N., Sheehy-Skeffington J.* Social dominance orientation: Revisiting the structure and function of a variable predicting social and political attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012. Vol. 38. P. 583–606. doi:10.1177/0146167211432765
- 28a. *Ho A.K., Sidanius J., Kteily N., Sheehy-Skeffington J., Pratto F., Henkel K.E., ... Stewart A.L.* The nature of social dominance orientation: Theorizing and measuring preferences for intergroup inequality using the new SDO₇ scale // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. Vol. 109. P. 1003–1028. doi:10.1037/pspi0000033
29. *Hodson G., Dhont K.* The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity // *European Review of Social Psychology*. 2015. Vol. 26. P. 1–42. doi:10.1080/10463283.2015.1070018
30. *Huddy L.* Contrasting theoretical approaches to intergroup relations // *Political Psychology*. 2004. Vol. 25. P. 947–967. doi:10.1111/j.1467-9221.2004.00404.x

31. *Inguglia C., Musso P.* Intercultural Profiles and Adaptation Among Immigrant and Autochthonous Adolescents // *Europe's Journal of Psychology*. 2015. Vol. 11. P. 79–99. doi:10.5964/ejop.v11i1.872
32. *Jang Y., Park N.S., Chiriboga D.A., Kim M.T.* Latent Profiles of Acculturation and Their Implications for Health: A Study With Asian Americans in Central Texas // *Asian American Journal of Psychology*. 2017. P. doi:10.1037/aap0000080
33. *Kauff M., Asbrock F., Thorner S., Wagner U.* Side effects of multiculturalism: The interaction effect of a multicultural ideology and authoritarianism on prejudice and diversity beliefs // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2013. Vol. 39. P. 305–320. doi:10.1177/0146167212473160
34. *Kim H.J., Yoo H.Y., Chung Y.K.* Social distance towards the North Korean refugees in South Korean society // *Korea Observer*. 2015. Vol. 46. P. 295–320.
35. *Kleinpenning G., Hagendoorn L.* Forms of racism and the cumulative dimension of ethnic attitudes // *Social Psychology Quarterly*. 1993. Vol. 56. P. 21–36. doi:10.2307/2786643
36. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling. (4th edition). New York, NY: The Guilford Press. 2015. 534 p.
37. *Kuşdil M.E., Akoğlu S.Ç.* Relationships among social dominance orientation, social axioms, and values // *Social Behavior and Personality: An International Journal*. 2014. Vol. 42. P. 1395–1407. doi:10.2224/sbp.2014.42.8.1395
38. *Lebedeva, N., Tatarko, A., Berry, J.W.* Social and psychological basis of multiculturalism: Testing of intercultural interaction hypotheses in the Russian context // *Psikhologicheskii Zhurnal*. 2016. Vol. 37. P. 92–104.
39. *Levin S., Matthews M., Guimond S., Sidanius J., Pratto F., Kteily N., ... Dover T.* Assimilation, multiculturalism, and colorblindness: Mediated and moderated relationships between social dominance orientation and prejudice // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48. P. 207–212. doi:10.1016/j.jesp.2011.06.019
- 39a. *Lubbers M., Coenders M.* Nationalistic attitudes and voting for the radical right in Europe // *European Union Politics*. 2017. P. doi:10.1177/1465116516678932
40. *McFarland S.G., Ageyev V.S., Abalakina-Paap M.A.* Authoritarianism in the former Soviet Union // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 63. P. 1004–1010. doi:10.1037/0022-3514.63.6.1004
41. *McFarland S.G., Ageyev V.S., Djintcharadze N.* Russian authoritarianism two years after communism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol. 22. P. 210–217. doi:10.1177/0146167296222010
42. *Mallender J., Gutheil M., Heetman A., Griffiths D., Carlberg M., Marangozov R.* (2014). Discrimination of migrant workers at the workplace. Luxembourg, Luxembourg: Publications Office. 64 p.
43. *Mancini T. Navas M., Lopez-Rodríguez L., Bottura B.* Variants of biculturalism in migrant and host adolescents living in Italy and Spain. Testing the importance of life domains through the Relative Acculturation Extended Model (RAEM) // *International Journal of Psychology*. 2017. P. doi:10.1002/ijop.12432
44. *Marger M.N.* (1994). Race and ethnic relations: American and global perspectives (3rd ed.). Belmont, CA: Wadsworth. 607 p.

45. *Muthén L.K., Muthén B.O.* (2012). Mplus user's guide (7th ed.). Los Angeles, CA: Muthén & Muthén. 856 p.
46. *Navas M., García M.C., Sánchez J., Rojas A.J., Pumares P., Fernández J.S.* Relative Acculturation Extended Model (RAEM): New contributions with regard to the study of acculturation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. P. 21–37. doi:10.1016/j.ijintrel.2005.04.001
47. *OECD*. International migration outlook 2013. Paris, France: OECD Publishing. 2013. 420 p.
48. *Oyamot C.M., Fisher E.L., Deason G., Borgida E.* Attitudes toward immigrants: The interactive role of the authoritarian predisposition, social norms, and humanitarian values // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48. P. 97–105. doi:10.1016/j.jesp.2011.08.003
49. *Perry R., Sibley C.G.* A dual-process motivational model of social and economic policy attitudes: Dual process model of political attitudes // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2013. Vol. 13. P. 262–285. doi:10.1111/asap.12019
50. *Perry R., Sibley C.G., Duckitt J.* Dangerous and competitive worldviews: A meta-analysis of their associations with Social Dominance Orientation and Right-Wing Authoritarianism // *Journal of Research in Personality*. 2013. Vol. 47. P. 116–127. doi:10.1016/j.jrp.2012.10.004
51. *Pettigrew T.F.* Peoples under threat: Americans, Arabs, and Israelis // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2003. Vol. 9. P. 69–90. doi:10.1207/S15327949PAC0901_03
52. *Pettigrew T.F.* In pursuit of three theories: Authoritarianism, relative deprivation, and intergroup contact // *Annual Review of Psychology*. 2016. Vol. 67. P. 1–21. doi:10.1146/annurev-psych-122414-033327
53. *Pettigrew T.F., Hewstone M.* The single factor fallacy: Implications of missing critical variables from an analysis of intergroup contact theory // *Social Issues and Policy Review*. 2017. Vol. 11. P. 8–37. doi:10.1111/sipr.12026
54. *Pettigrew T.F., Tropp L.R.* A meta-analytic test of intergroup contact theory // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90. P. 751–783. doi:10.1037/0022-3514.90.5.751
55. *Portes A., Rumbaut R.G.* Immigrant America: A Portrait. (3rd ed). Berkeley, CA: University of California Press. 2006. 460 p.
56. *Pratto F., Sidanius J., Stallworth L.M., Malle B.F.* Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 67. P. 741–763. doi:10.1037/0022-3514.67.4.741
57. *R Core Team.* R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. 2017. URL: <https://www.R-project.org/> (дата обращения: 27.05.2017).
58. *Raijman R., Semyonov M.* Perceived threat and exclusionary attitudes towards foreign workers in Israel // *Ethnic and Racial Studies*. 2004. Vol. 27. P. 780–799.
59. *Rojas A.J., Navas M., Sayans-Jiménez P., Cuadrado I.* Acculturation Preference Profiles of Spaniards and Romanian Immigrants: The Role of Prejudice and Public and Private Acculturation Areas // *The Journal of Social Psychology*. 2014. Vol. 154. P. 339–351. doi:10.1080/00224545.2014.903223

60. Ron Y., Solomon J., Halperin E., Saguy T. Willingness to engage in intergroup contact: A multilevel approach // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2017. P. doi:10.1037/pac0000204
61. Rosenthal L., Levy S.R. The relation between polyculturalism and intergroup attitudes among racially and ethnically diverse adults // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2012. Vol. 18. P. 1–16. doi:10.1037/a0026490
62. Ross M.H. *The culture of conflict: Interpretations and interests in comparative perspective*. New Haven, CT: Yale University Press. 1993. 240 p.
63. Rosseel Y. lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*. 2012. Vol. 48. P. doi:10.18637/jss.v048.i02
64. Rudmin F.W. Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration, and marginalization // *Review of General Psychology*. 2003. Vol. 7. P. 3–37. doi:10.1037/1089-2680.7.1.3
65. Satherley N., Sibley C.G. A Dual Process Model of attitudes toward immigration: Predicting intergroup and international relations with China // *International Journal of Intercultural Relations*. 2016. Vol. 53. P. 72–82. doi:10.1016/j.ijintrel.2016.05.008
66. Schalk-Soekar S.R. G., van de Vijver F.J.R. The concept of multiculturalism: A study among Dutch majority members // *Journal of Applied Social Psychology*. 2008. Vol. 38. P. 2152–2178. doi:10.1111/j.1559-1816.2008.00385.x
67. Schwartz S.J., Zamboanga B.L. Testing Berry's model of acculturation: A confirmatory latent class approach // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2008. Vol. 14. P. 275–285. doi:10.1037/a0012818
68. Sibley C.G., Duckitt J. The dual process model of ideology and prejudice: a longitudinal test during a global recession // *The Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 153. P. 448–466. doi:10.1080/00224545.2012.757544
69. Sibley C.G., Duckitt J., Bergh R., Osborne D., Perry R., Asbrock F., ... Barlow F.K. A dual process model of attitudes towards immigration: Person × residential area effects in a national sample // *Political Psychology*. 2013. Vol. 34. P. 553–572. doi:10.1111/pops.12009
70. Sidanius J., Pratto F. *Social dominance: an intergroup theory of social hierarchy and oppression*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press. 2001. 403 p.
71. Sniderman P.M., Hagendoorn L., Prior M. Predisposing factors and situational triggers: Exclusionary reactions to immigrant minorities // *American Political Science Review*. 2004. Vol. 98. P. 35–49. doi:10.1017/S000305540400098X
72. Stenner K. *The authoritarian dynamic*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press. 2005. 370 p.
73. Stephan W.G., Stephan C.W. *Improving intergroup relations*. Dubuque, IA: Brown & Benchmark. 2001. 360 p.
74. Stupar S., van de Vijver F.J.R., Te Lindert A., Fontaine J.R.J. Multicultural attitudes mediate the relation between personality and perceived ethnic outgroup distance in the Netherlands // *International Journal of Intercultural Relations*. 2014. Vol. 38. P. 24–35. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.05.002
75. Tropp L.R., Bianchi R.A. Valuing diversity and interest in intergroup contact // *Journal of Social Issues*. 2006. Vol. 62. P. 533–551. doi:10.1111/j.1540-4560.2006.00472.x

76. *van Assche J., Roets A., Dhont K., Van Hiel A.* Diversity and out-group attitudes in the Netherlands: The Role of authoritarianism and social threat in the neighbourhood // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2014. Vol. 40. P. 1414–1430. doi:10.1080/1369183X.2013.876895
77. *van de Vijver F.J.R., Breugelmans S.M., Schalk-Soekar S.R.G.* Multiculturalism: Construct validity and stability // *International Journal of Intercultural Relations*. 2008. Vol. 32. P. 93–104. doi:10.1016/j.ijintrel.2007.11.001
78. *Wang C.S., Kenneth T., Ku G., Galinsky A.D.* Perspective-taking increases willingness to engage in intergroup contact // *PLoS ONE*. 2014. P. doi:10.1371/journal.pone.0085681
79. *Ward C., Masgoret A.-M.* An integrative model of attitudes toward immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2006. Vol. 30. P. 671–682. doi:10.1016/j.ijintrel.2006.06.002
80. *Weintraub J., Kumar K.* (Eds.). *Public and private in thought and practice: perspectives on a grand dichotomy*. Chicago London: University of Chicago Press. 1997. 380 p.
81. *Williams R.M., Jr.* *Strangers next door: Ethnic relations in American communities*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. 1964. 434 p.

The discrimination of immigrants in the socioeconomic domain: the role of intergroup attitudes of the mainstream population

D.S. GRIGORYEV*,

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
dgrigoryev@hse.ru*

The article is devoted to the problem of discrimination of immigrants in the socio-economic domain, which can be considered the main obstacle by the host society for the socio-economic adaptation of immigrants. Contrasting three reputed approaches to the study of prejudice and discrimination, and exploring for groups of mainstream population with similar acculturation characteristics (acculturation profiles), using the sample of 576 Russians non-immigrants, the relationship between social worldview (dangerous worldview and competitive worldview), ideological attitudes (right-wing authoritarianism, social dominance orientation, multicultural ideology) and willingness for intergroup contact was examined. The hypothesis of moderation by the acculturation profile (bicultural, alternate-bicultural, and assimilated) to the considered relationships was not supported, the proposed conceptual model across all groups was same. In general, the results showed that representations of individuals about the social world as a dangerous and competitive place, which is formed by individual differences originating from the personal experience of socialization and impact of the existing social environment, may also be associated with the support of multicultural ideology and willingness for intergroup contact that in turn to some extent influence the endorsement of discrimination of immigrants in the socioeconomic domain.

Keywords: *willingness for intergroup contact, multicultural ideology, right-wing authoritarianism, social dominance orientation, social worldview, support of discrimination of immigrants, acculturation expectations.*

Attachments

All tables to the article are accessible by the link: doi:10.17759/sps.2017080306a

Funding

This work was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 15-18-00029).

Acknowledgements

The author thanks Professor Fons van de Vijver (Tilburg University, the Netherlands) for his valuable contribution to the work on the research project as a whole.

For citation:

Grigoryev D.S. The discrimination of immigrants in the socioeconomic domain: the role of intergroup attitudes of the mainstream population. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 63–84. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080306

* *Grigoryev Dmitry S.* — Research Fellow, International Laboratory for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, dgrigoryev@hse.ru

Взаимосвязь аккультурационного ожидания «интеграция» и удовлетворенности жизнью принимающего населения: роль генерализованного доверия

**Д.И. ДУБРОВ*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, ddubrov@hse.ru**

Данная статья посвящена изучению взаимосвязи аккультурационного ожидания «интеграция» и удовлетворенности жизнью принимающего населения. В ранних исследованиях наблюдались противоречивые результаты относительно данной взаимосвязи. Причиной данных противоречий является контекстуальные условия, в рамках которых протекают межкультурные взаимоотношения. Генерализованное доверие является одним из подобных условий. Проведенное исследование (n = 198) в Москве показало, что доверие является модератором взаимосвязи аккультурационного ожидания «интеграция» и удовлетворенности жизнью принимающего населения. Это означает, что характер взаимосвязи между двумя данными переменными меняется в зависимости от уровня генерализованного доверия: при высоком генерализованном доверии связь между аккультурационным ожиданием «интеграция» и удовлетворенностью жизнью принимающего населения позитивная, а при низком генерализованном доверии связь между аккультурационным ожиданием «интеграция» и удовлетворенностью жизнью принимающего населения отрицательная. Следовательно, генерализованное доверие играет важную роль для удовлетворенности жизнью принимающего населения в случае предпочтения им интеграции мигрантов.

Ключевые слова: *удовлетворенность жизнью, аккультурационные ожидания, интеграция, генерализованное доверие, социальный капитал.*

Введение

В настоящее время мир становится все более культурно разнообразным.

В результате таких глобальных процессов как миграция и глобализация население во многих странах становится этнически и культурно неоднородным

Для цитаты:

Дубров Д.И. Взаимосвязь аккультурационного ожидания «интеграция» и удовлетворенности жизнью принимающего населения: роль генерализованного доверия // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 85–99. doi:10.17759/sps.2017080307

* Дубров Дмитрий Игоревич — младший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ddubrov@hse.ru

[23; 35; 41]. В России одним из самых поликультурных субъектов является Москва. Согласно официальной статистике, в Москве проживают представители практически всех этнических групп, населяющих Россию, а также представители ближнего и дальнего зарубежья. При этом титульным населением столицы остаются русские (85%) [4; 93]. В такой мультикультурной среде на удовлетворенность жизнью и характер межкультурных взаимоотношений жителей может влиять их отношение к культурному плюрализму в обществе [8]. Данное отношение может быть разным в зависимости от того, насколько жители поддерживают мультикультурную идеологию и межкультурные отношения, что, в свою очередь, может повлиять на их психические и поведенческие реакции по отношению к мигрантам (например, толерантность) [23]. Наше исследование посвящено изучению аккультурационного ожидания «интеграция», поскольку оно предполагает, что представители принимающего населения включают мигрантов в жизнь общества и при этом допускают сохранение мигрантами своей культуры [10]. В основе данного ожидания лежит позитивное восприятие межкультурных отношений, желание взаимодействовать с представителями других культур, толерантность, что приводит к тому, что индивиды принимают культурное многообразие и, следовательно, поддерживают интеграцию мигрантов в общество [4; 11; 32]. Кроме того, установлено, что одним из основных факторов принятия мигрантов и адаптации к ним является воспринимаемая безопасность, т. е. отсутствие воспринимаемой угрозы и тревожности по отношению к мигрантам [39; 40].

Это подразумевает, что если индивид, проживая в поликультурном обществе,

чувствует себя в безопасности и не испытывает тревожности к представителям других культур, то он будет терпимее относиться к мигрантам, принятию их в общество с сохранением их культурных особенностей. Соответственно, отсутствие этого чувства будет препятствовать толерантности и принятию мигрантов в общество [4].

Как видим, данное аккультурационное ожидание является наиболее конструктивным для консолидации общества и адаптивным для мигрантов, поскольку способствует достижению ими большего успеха в жизни, высокому субъективному благополучию и удовлетворенности жизнью [4]. Однако остается неясным, будет ли предпочтение интеграции способствовать удовлетворенности жизнью принимающего населения. В исследованиях, проведенных в России, связь между аккультурационным ожиданием «интеграция», предполагающим принятие мигрантов в общество с сохранением их культуры, и удовлетворенностью жизнью оказалась слабой. Например, в исследовании, проведенном в Кабардино-Балкарии, связь между двумя данными переменными в выборке кабардинцев и балкарцев, которые составляют титульное население в этом регионе, положительная, но статистически незначимая [28]. В другом исследовании — в выборке русских, проживающих в Москве, — данная связь статистически значимая и положительная, но объясняет малый процент дисперсии [27]. Причиной подобных результатов исследований могут быть контекстуальные условия, в которых складываются межкультурные отношения [26]. Одним из таких условий может явиться генерализованное доверие, которое также является основой для интеграции мигрантов [22; 24; 37].

Роль генерализованного доверия в межкультурном взаимодействии

Генерализованное доверие является важной составляющей положительных отношений между людьми и жизни общества в целом. В обществах, где люди доверяют окружающим, формируются определенные нормы и правила, которые способствуют положительному межличностному и межгрупповому взаимодействию внутри страны [16; 17]. Данный вид доверия следует отличать от специфического (частного) доверия, направленного на конкретные группы и конкретных индивидов, с которыми имеется личный опыт взаимодействия. Генерализованное доверие распространяется на все группы и всех индивидов вне зависимости от их какой-либо принадлежности, опыта взаимодействия с ними. Не случайно его называют еще базовым, общечеловеческим [2; 439]. Таким образом, генерализованное доверие подразумевает веру индивида в то, что большинству людей можно доверять [42]. Именно данный вид доверия связан с толерантностью и субъективным благополучием [3].

Данный вид доверия важен для функционирования любого общества, поскольку является одним из его консолидирующих элементов [9; 33; 34]. Если люди считают, что большинство других людей заслуживает доверия, то они, как правило, более толерантны к представителям аутгрупп [38]. Поэтому в контексте межкультурного взаимодействия генерализованное доверие будет способствовать установлению контактов между представителями принимающего населения и мигрантами [15; 38], что, в свою очередь, способствует их интеграции в жизнь принимающего общества.

Кроме того, установлено, что люди с высоким уровнем генерализованного доверия более удовлетворены своей жизнью [14; 18; 19; 21; 29; 36]. Данный вид доверия формирует базовое позитивное отношение к миру и другим людям, в том числе к мигрантам [16; 17], поэтому у людей с разным уровнем доверия при взаимодействии с представителями иных групп и удовлетворенность жизнью может отличаться. Недостаток доверия может негативно влиять на связь между аккультурационным ожиданием «интеграция» и удовлетворенностью жизнью у принимающего населения. Мы полагаем, что в основе данного механизма может лежать теория структурного баланса Ф. Хайдера [13]. Суть данного механизма заключается в том, что индивид стремится к упорядоченности в понимании отношений с окружающими и создает схемы оценки, которые позволяют сформировать непротиворечивую картину окружающего мира [1]. Если объекты, попадающие в данные схемы, непротиворечивы и находятся в балансе между собой, то индивиду не приходится тратить когнитивные и эмоциональные усилия для восстановления баланса, что сопровождается ощущением дискомфорта и даже стресса. В качестве примера можно привести модель триады, одним из элементов которой является индивид, выражающий свое отношение к двум другим элементам. Одним из таких элементов может быть другой индивид или группа. Отношение выражается в виде оценок, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. Баланс предполагает наличие трех положительных или же одной положительной и двух отрицательных оценок. При дисбалансе все три оценки отрицательные или же одна отрицательная и две положительные [13].

В нашем случае субъектом отношения в данной модели может быть индивид, проживающий в поликультурной среде. Соответственно, двумя другими элементами могут явиться мигранты и генерализованное доверие. То есть если индивид поддерживает интеграцию только вследствие определенных причин (например, этого требует окружение, общество, политкорректность), но базовое доверие (которое ведет к интеграции) у него низкое (отрицательное), то это будет нарушать когнитивный баланс, который, как уже отмечалось, вызывает ощущение дискомфорта и напряжения при оценке своей жизни. Как следствие, при условии низкого уровня генерализованного доверия интеграция будет вести к снижению субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью, а не к повышению, как в случае высокого уровня генерализованного доверия.

Таким образом, при низком доверии, даже если индивид ориентируется на интеграцию мигрантов, уровень его удовлетворенности жизнью будет низким. Следовательно, высокое генерализованное доверие будет предсказывать положительное отношение к мигрантам [22; 24; 37].

Гипотезы исследования

Общая гипотеза: Генерализованное доверие модулирует связь между аккультурационным ожиданием «интеграция» и удовлетворенностью жизнью принимающего населения.

Частная гипотеза 1: При высоком уровне генерализованного доверия связь между аккультурационным ожиданием «интегра-

ция» и удовлетворенностью жизнью принимающего населения будет позитивной;

Частная гипотеза 2: При низком уровне генерализованного доверия связь между аккультурационным ожиданием «интеграция» и удовлетворенностью жизнью принимающего населения будет отрицательной.

Методика исследования

Участники исследования. Для того чтобы проверить выдвинутую нами гипотезу, мы опросили жителей Москвы ($n = 198$), которые родились или прожили в Москве более 10 лет. Средний возраст респондентов составил 24 года. В гендерном соотношении преобладали респонденты женского пола (30% мужчин и 70% женщин). Опрос проводился в сети интернет на базе платформы 1ka (www.1ka.si). Ссылки на опросник размещались на различных интернет-форумах и в социальных сетях.

Инструментарий исследования. Участникам предлагался опросник, состоящий из следующих измерительных шкал.

Для измерения уровня доверия использовалась шкала *генерализованного доверия*. Участникам исследования предлагалось оценить степень согласия по 6-балльной шкале (1 — абсолютно не согласен, 6 — абсолютно согласен) с 12 утверждениями. Например, «Большинству людей можно доверять». Надежность-согласованность шкалы в опроснике: $\alpha = 0,81$ [42].

Для измерения *аккультурационных ожиданий* принимающего населения нами использовалась модифицированная шкала Джона Берри [30]¹. Вопро-

¹ Используемый вариант данной методики представлен подробно в этом же номере журнала в статье З.Х. Лепшковой, А.Н. Татарко «Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри», стр. 125–146.

сы представляли собой утверждения, и участникам исследования предлагалось оценить свою степень согласия с ними по 5-балльной шкале (1 — абсолютно не согласен, 5 — абсолютно согласен). Например, «Я считаю, что мигранты должны как сохранять свои культурные традиции, так и осваивать русские». Надежность-согласованность шкалы «интеграция» в опроснике: $\alpha = 0,80$.

Для определения уровня удовлетворенности жизнью мы использовали адаптированную шкалу Э. Динера [6]. Участникам исследования предлагалось оценить их степень согласия с 5 утверждениями по 6-балльной шкале (1 — абсолютно не согласен, 5 — абсолютно согласен). Например, «В целом моя жизнь близка к идеалу». Надежность-согласованность шкалы в опроснике: $\alpha = 0,82$.

Для проверки непрямого эффекта между аккультурационным ожиданием «интеграция» и удовлетворенностью

жизнью мы использовали регрессионный анализ с дополнительным анализом модерации (SPSS 21, Process).

Результаты исследования

Опрос москвичей выявил высокий уровень принятия интеграции мигрантов ($M = 3,98$; $SD = 0,63$) и средний уровень удовлетворенности жизнью ($M = 3,88$; $SD = 0,87$) и генерализованного доверия ($M = 3,24$; $SD = 0,58$). Таким образом, в целом жители Москвы принимают интеграцию мигрантов, но при этом не совсем удовлетворены своей жизнью и доверяют окружающим.

Проведя анализ модерационного эффекта генерализованного доверия на связь между аккультурационным ожиданием «интеграция» и удовлетворенностью жизнью, мы получили следующие результаты (рис. 1).

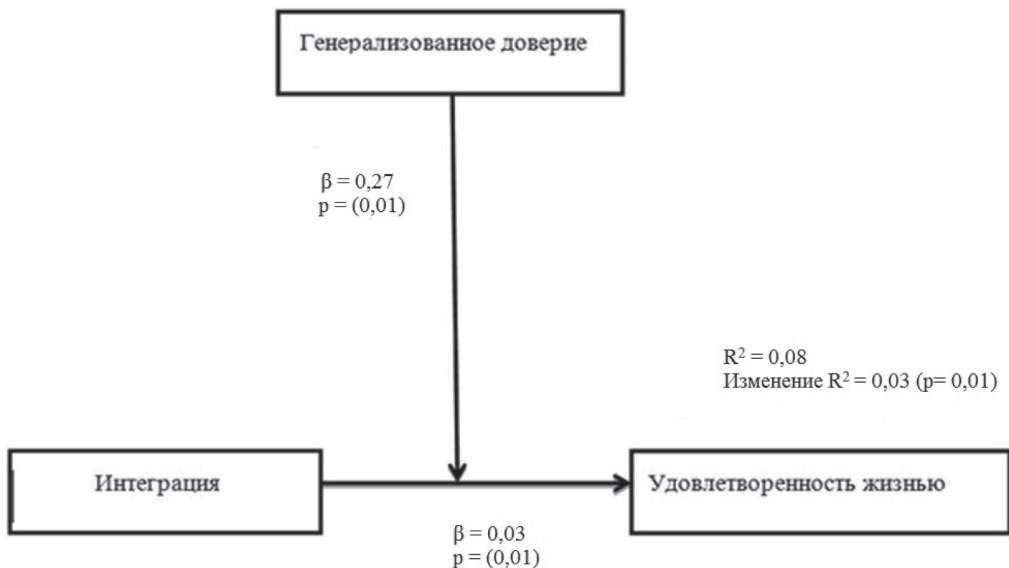

Рис. 1. Доверие как модератор связи аккультурационного ожидания «интеграция» и удовлетворенностью жизнью

Модель, представленная на рис. 1, показывает, что при учете и предиктора, и модератора объясняется 11% дисперсии удовлетворенности жизнью.

Полученные нами данные указывают на то, что генерализованное доверие принимающего населения как модератор взаимосвязи между стратегией интеграции и удовлетворенностью жизнью делает ее более значимой и объясняет больший процент дисперсии. Более наглядно данная модерация представлена на рис. 2.

Как видим, чем ниже уровень доверия, тем ниже уровень удовлетворенности жизнью в случае предпочтения аккультурационного ожидания «интеграция». И наоборот, чем выше уровень генерализованного доверия, тем выше уровень удовлетворенности жизнью в

случае предпочтения аккультурационного ожидания «интеграция». Таким образом, частные гипотезы 1 и 2 полностью подтвердились.

Кроме того, разделив участников исследования по уровню доверия, мы обнаружили, что с увеличением уровня генерализованного доверия меняется направление связи между аккультурационным ожиданием «интеграция» и удовлетворенностью жизнью. Более наглядно это представлено в табл.

Таким образом, полученные данные на уровне тенденции указывают на то, что генерализованное доверие оказывает влияние на связь между аккультурационным ожиданием принимающего населения «интеграция» и удовлетворенностью жизнью. Следовательно, общая

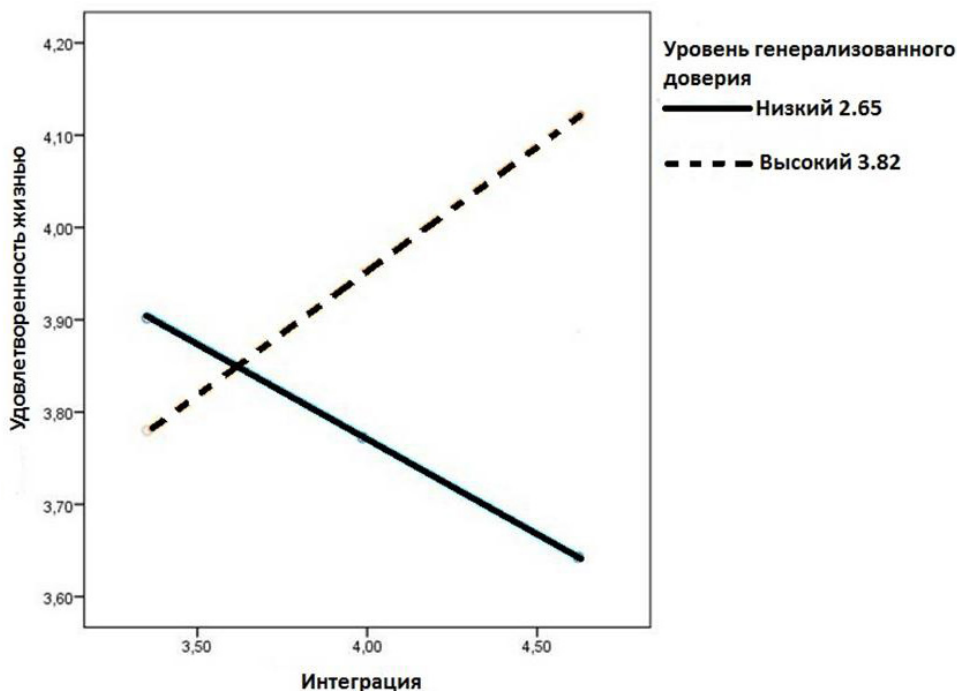

Рис. 2. Интеракция между уровнем доверия и аккультурационным ожиданием «интеграция» при предсказании удовлетворенности жизнью

Т а б л и ц а
**Связь между аккультурационным
 ожиданием «интеграция»
 и субъективным благополучием
 в зависимости от уровня доверия**

Доверие	β	se	t	p
2,65	-0,20	0,122	-1,67	0,09+
3,23	0,03	0,108	0,30	0,77
3,82	0,27	0,164	1,63	0,10+

Примечание. + – $p \leq 0,10$ (связь на уровне тенденции)

гипотеза о том, что генерализованное доверие является модератором связи между аккультурационным ожиданием «интеграция» и удовлетворенности жизнью, полностью подтвердилась.

Обсуждение результатов исследования

Таким образом, выдвинутые нами гипотезы подтвердились. Как мы и предполагали, генерализованное доверие явилось модератором связи аккультурационного ожидания «интеграция» и удовлетворенности жизнью. Это означает, что при высоком уровне генерализованного доверия в случае предпочтении аккультурационного ожидания «интеграция» индивид будет более удовлетворен своей жизнью, чем при низком доверии и предпочтении данного аккультурационного ожидания. Возникает вопрос, почему интеграция мигрантов имеет значение для удовлетворенности жизнью принимающего населения? Дело в том, что в поликультурной среде (какой и является Москва) представители большинства контактируют с представителями других этнических групп в различных сферах жизни и частота межэтнических контактов

высока. Следовательно, те индивиды, которые ориентированы на интеграцию, будут лучше находить общий язык с окружением в полиэтнической среде. Такие индивиды более открыты к новому, они принимают культурное разнообразие и, как следствие, ощущают себя вполне комфортно в условиях полиэтничности. У подобных индивидов ниже межгрупповая тревожность, выше воспринимаемая безопасность, и, как следствие, они в целом более удовлетворены жизнью и счастливы. Они будут более открыты не только к представителям иноэтнических групп, но и к другим людям вообще, следовательно, им будет легче адаптироваться в социуме, находить общий язык с окружающими, располагать других к себе и, как следствие, они будут более счастливы. Но для поддержания позитивных межкультурных отношений важно, чтобы индивиды доверяли друг другу. Доверие, в свою очередь, является основой социально-психологического капитала личности, который понимается как «системно организованный и сбалансированный ресурс социально-психологических отношений личности к обществу в целом и к своему непосредственному окружению, основанный на доверии и способствующий повышению субъективного благополучия и адаптированности личности в обществе» [7; 10]. Он способствует кооперации, сотрудничеству между индивидами, что позволяет им достигать больших успехов в своей жизни с меньшими затратами. Таким образом, благодаря этому возникающие межличностные и межгрупповые отношения составляют ресурс — социальный капитал, необходимый для более эффективного решения повседневных задач группами и индивидами [34]. Неслучайно в 83 ис-

следованиях на группах мигрантов бiculturalism (интеграция) позитивно связан с субъективным благополучием и удовлетворенностью жизнью, поскольку мигранты, располагая ресурсами своей группы, могут использовать ресурсы доминирующей группы, что ведет к их скорейшей адаптации и удовлетворенности жизнью [5; 31]. В связи с этим можно предположить, что если члены принимающего общества будут так же активно взаимодействовать с иноэтническими группами, то смогут рассчитывать на ресурсы этих групп, что может способствовать их субъективному благополучию и удовлетворенности жизнью.

Однако аккультурационное ожидание «интеграция» не будет способствовать удовлетворенности жизнью принимающего населения в той среде, где наблюдается низкий уровень социального капитала и его основы — генерализованного доверия, а также там, где количество межэтнических контактов низкое, поскольку нет высокого влияния иноэтнических групп на жизнь представителей принимающего общества. Соответственно, в такой среде интеграция мигрантов не будет иметь значения для удовлетворенности жизнью принимающего общества.

Для лучшего понимания того, почему это так важно для межкультурных отношений, необходимо отметить, что одной из функций доверия является функция интеграции, выступающая условием консолидации любого общества [9; 33; 34]. То есть благодаря доверию люди готовы к расширению контактов, сотрудничеству, оказанию помощи и поддержки окружающим, в том числе представителям других этнических групп. А это, в свою очередь, способствует

тому, что снижаются предрассудки, предубеждения, тревожность по отношению к мигрантам, что облегчает процесс межкультурного взаимодействия [25]. Таким образом, доверие выступает ресурсом в построении поликультурного общества [7; 35].

Заключение

В данном исследовании показано, что генерализованное доверие является важным контекстуальным условием интеграции в поликультурном обществе, а также удовлетворенности жизнью принимающего населения. Согласно результатам исследования, генерализованное доверие является модератором связи ориентации на аккультурационное ожидание «интеграция» у представителей принимающего населения и их удовлетворенности жизнью. Если индивид ожидает от мигрантов интеграции в принимающее общество и при этом он в целом доверяет окружающим, то уровень его удовлетворенности жизнью будет высоким. Напротив, если индивид согласен с тем, что мигранты должны интегрироваться в принимающее общество, но при этом он в целом мало доверяет окружающим, то уровень его удовлетворенности жизнью будет низким. Мы также описали психологический механизм данной модерации, в основе которого, согласно нашим представлениям, лежит сохранение или нарушение баланса между установками индивида.

Как известно, генерализованное доверие — ядро социального капитала [34; 35], соответственно мы можем предположить, что социальный капитал общества является наиважнейшим условием интеграции мигрантов. Если в обществе

с низким уровнем социального капитала проводить политику интеграции, это может снизить удовлетворенность жизнью принимающего населения, субъективное благополучие его членов и, напротив, — повысить воспринимаемую угрозу, поскольку такая политика не будет согласовываться с базовыми установками представителей общества, в основе которых лежит недоверие.

Из всего вышесказанного следует, что если в поликультурном обществе наблюдается высокий уровень доверия, социального капитала, то аккультурационное ожидание «интеграция» будет способствовать субъективному благополучию, а следовательно, принимающее население будет отдавать большее предпочтение данному аккультурационному ожиданию.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-36-01058 «Взаимосвязь социально-психологического капитала личности с отношением к этническому разнообразию и аккультурационными установками»).

Благодарности

Автор благодарит за помощь в математико-статистическом анализе данных научного руководителя проекта Татарко А.Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы. М.: Аспект Пресс, 2002. 174 с.
2. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Под ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
4. Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Дж.У. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 92–104.
5. Лепшкова З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа): Монография. М.: Грифон, 2012. 192 с.
6. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия [Электронный ресурс] // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (дата обращения: 30.05.2016)
7. Татарко А.Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Институт психологии РАН, 2014. 384 с.
8. Akay A., Constant A., Giulietti C., Guzi M. Ethnic diversity and well-being // Journal of Population Economics. 2017. Vol. 30. No. 1. P. 265–306. doi: 10.1007/s00148-016-0618-8
9. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes in Five Western Democracies. NJ: Princeton University Press, 1963. 574 p. doi: 10.1515/9781400874569

10. *Berry J.W.* Attitudes towards immigrants and ethnocultural groups in Canada // *International Journal of Intercultural Relations*, 2006. Vol. 30. P. 719–734. doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.06.004
11. *Berry J.W.* Integration and Multiculturalism: Ways towards social Solidarity // *Papers on Social Representations*. 2011. Vol. 20. No. 1. P. 1–20.
12. *Berry J.W.* Comparative analysis of Canadian multiculturalism policy and the multiculturalism policies of other countries // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. Vol. 9. No. 1. P. 4–23. doi: 10.11621/pir.2016.0101
13. *Cartwright D., Harary F.* Structural balance: a generalization of Heider's theory // *Psychological Review*. 1956. Vol. 63. P. 277–293.
14. *Chang W.C.* Social capital and subjective happiness in Taiwan. // *International Journal of Social Economics*. 2009. Vol. 36(8). P. 844–868. doi: 10.1108/03068290910967118
15. *Dinesen P.T., Hooghe M.* When in Rome, Do as the Romans Do: The Acculturation of Generalized Trust among Immigrants in Western Europe // *The International Migration Review*. 2010. Vol. 44. No. 3. P. 697–727. doi: 10.1111/j.1747-7379.2010.00822.x
16. *Ferrin D.L., Bligh M.C., Kohles J.C.* Can I Trust You to Trust Me?: A Theory of Trust, Monitoring, and Cooperation in Interpersonal and Intergroup Relationships // *Group & Organization Management*. 2007. Vol. 32. No. 4. P. 465–499. doi: 10.1177/1059601106293960
17. *Guenzi P., Georges L.* Interpersonal trust in commercial relationships: Antecedents and consequences of customer trust in the salesperson // *European Journ. of Marketing*. 2010. Vol. 44 (1/2). P. 114–138. doi: 10.1108/03090561011008637
18. *Helliwell J.F.* How's life? Combining individual and national variables to explain subjective well-being // *Economic Modelling*. 2003. Vol. 20. No. 2. P. 331–360. doi: 10.1016/S0264-9993(02)00057-3
19. *Helliwell J.F., Putnam R.D.* The Social Context of Well-Being // *Philosophical Transactions: Biological Sciences*. 2004. Vol. 359. No. 1449. P. 1435–1446. doi: 10.1098/rstb.2004.1522
20. *Helliwell J.F., Huang H.F., Wang S.* Social Capital and Well-Being in Times of Crisis // *Journal of Happiness Studies*. 2014. Vol. 15. No. 1. P. 145–162. doi: 10.1007/s10902-013-9441-z
21. *Helliwell J.F., Wang, S.* Trust and well-being // *NBER Working Papers*. 2010. 44 p.
22. *Herreros F., Criado H.* Social Trust, Social Capital and Perceptions of Immigration // *Political studies*. 2009. Vol. 57. P. 337–355. doi: 10.1111/j.1467-9248.2008.00738.x
23. *Hui H. B.P., Chen S.X., Leung C.M., Berry J.W.* Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and non-dominant groups // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 45. P. 70–84. doi: 10.1016/j.ijintrel.2015.01.002
24. *Husfeldt V.* Extreme Negative Attitudes Towards Immigrants: An Analysis of Factors in Five Countries // *Prospects*. 2006. Vol. 36. No. 3. P. 355–374. doi: 10.1007/s11125-006-0011-6
25. *Koopmans R., Veit S.* Ethnic diversity, trust, and the mediating role of positive and negative interethnic contact: A priming experiment // *Social Science Research*. 2014. Vol. 47. P. 91–107. doi: 10.1016/j.ssresearch.2014.03.014
26. *Kus-Harbord L., Ward C.* Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes // *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2015. Vol. 4. No. 1. P. 66–81. doi: 10.1037/ipp0000025

27. *Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W.* Are intercultural contacts dangerous or profitable for person and society? Intercultural relations in Russia and Latvia // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9. No. 1. P. 41–56.
28. *Lepshokova Z., Tatarko A.* Intercultural relations in Kabardino-Balkaria: Does integration always lead to subjective well-being // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9. No. 1. P. 57–73.
29. *Lindstrom M., Mohseni M.* Social capital, political trust and self-reported psychological health: A population-based study // Social Science & Medicine. 2009. Vol. 68. No. 3. P. 436–443. doi: 10.1016/j.socscimed.2008.11.004
30. MIRIPS Questionnaires & Presentations [Электронный ресурс] // Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS). URL: <http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips/mirips-questionnaires-and-presentations> (дата обращения: 23.05.2016)
31. *Nguyen A., Benet-Martinez V.* Biculturalism and Adjustment A Meta-Analysis // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2013. Vol. 44(2). P. 122–159. doi: 10.1177/0022022111435097
32. *Pfafferott I., Brown R.* Acculturation preferences of majority and minority adolescents in Germany in the context of society and family // International Journal of Intercultural Relations. 2006. Vol. 30. P. 703–717. doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.03.005
33. *Putnam R.* Making democracy work: Civic Traditions in Modern Italy, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. 280 p.
34. *Putnam R.D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. NY: Simon & Schuster, 2000. 544 p. doi: 10.1145/358916.361990
35. *Putnam R.D.* E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-first Century. The 2006 Johan Skytte Prize Lecture // Scandinavian Political Studies. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 137 – 174. doi: 10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x
36. *Rostila M.* Social capital and health in European welfare regimes: a multilevel approach // Journal of European Social Policy. 2007. Vol. 17. No. 3. P. 223–239. doi: 10.1177/0958928707078366
37. *Rustenbach E.* Sources of Negative Attitudes toward Immigrants in Europe: A Multi-Level Analysis // The International Migration Review. 2010. Vol. 44. No. 1. P. 53–77. doi: 10.1111/j.1747-7379.2009.00798.x
38. *Rydgren J., Sofi D., Hällsten M.* Interethnic Friendship, Trust, and Tolerance: Findings from Two North Iraqi Cities // The American Journal of Sociology. 2013. Vol. 118. No. 6. P. 1650–1695. doi: 10.1086/669854
39. *Stephan W.G., Stephan C.W.* An integrated Threat Theory of Prejudice // Reducing prejudice and discrimination / In S. Oscamp (ed). Lawrence Erlbaum associates, Mahwah, New Jersey, 2000. P. 23–44.
40. *Stephan W.G.* Intergroup Anxiety: Theory, Research, and Practice // Personality and Social Psychology Review. 2014. Vol. 18. No. 3. P. 239–255. doi: 10.1177/1088868314530518
41. *Wang Y.* Globalization Enhances Cultural Identity // Intercultural Communication Studies. 2007. Vol. 16. No. 1. P. 83–86.
42. *Yamagishi T.* Trust as a form of social intelligence // Trust in society / In K.S. Cook (eds.). New York: RussellSageFoundation. 2001. P. 121–147.

The relationship of acculturation expectation “integration” and life satisfaction of the host population: the role of generalized trust

D.I. DUBROV*,

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
ddubrov@hse.ru*

This article explores the relations between acculturation expectation “integration” and life satisfaction of the host population. Early studies demonstrated contradicting results regarding this relationship. The reason for these contradictions is the contextual conditions in which intercultural relationships take place. Generalized trust is one of these conditions. The study (n = 198) in Moscow showed that trust is a moderator of the relationship of acculturation expectation “integration” and life satisfaction of the host population. This means that the nature of the relationship between these two variables changes depending on the level of generalized trust: in case of high generalized trust the relationship between acculturation expectation “integration” and life satisfaction of the host population is positive, and in case of low generalized trust the relationship between acculturation expectation “integration” and life satisfaction of the host population is negative. Consequently, generalized trust plays an important role for life satisfaction of the host population in case of their preference integration of migrants.

Keywords: *life satisfaction, acculturation expectations, integration, generalized trust, social capital.*

Funding

This work was supported by grant RFH № 16-36-01058.

Acknowledgements

The author is grateful for assistance in statistical data analysis Tatarko A.N.

REFERENCES

1. Andreeva G.M., Bogomolova N.N., Petrovskaya L.A. Zarubezhnaya sotsialnaya psikhologiya XX stoletiya. Teoreticheskie podhodyi [Foreign social psychology of the twentieth century. The theoretical approaches]. Moscow: Aspekt Press, 2002. 174 p.
2. Doveriye i nedoveriye v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva [Trust and distrust in terms of civil society development]. In A. Kupreychenko, I. Mersyanova (ed.). Moscow: Izdatelskiy dom NIU VShE, 2013. 564 p.

For citation:

Dubrov D.I. The relationship of acculturation expectation “integration” and life satisfaction of the host population: the role of generalized trust. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 85–99. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080307

* *Dubrov Dmitrii I.* – Junior Researcher, International Laboratory for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ddubrov@hse.ru

3. Inglehart R., Veltsel K. Modernizatsiya, kulturnyye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development]. Moscow: Novoye izdatel'stvo, 2011. 464 p.
4. Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berry J.U. Sotsialno-psihologicheskie osnovy multikulturalizma: proverka gipotez o mezhkulturnom vzaimodeystvii v rossiyskom kontekste [Socio-psychological foundations of multiculturalism: the testing of hypotheses on cross-cultural interaction in the Russian context] *Psihologicheskiiy zhurnal [Psychological journal]*, 2016. Vol. 37, no. 2, pp. 92–104.
5. Lepshokova Z.H. Strategii adaptatsii migrantov i ih psihologicheskoe blagopoluchie (na primere Moskvy i Severnogo Kavkaza) [Adaptation strategies of migrants and their psychological well-being (on the example of Moscow and the North Caucasus)]. Moscow: Grifon, 2012. 192 p.
6. Osin E.N., Leontev D.A. Aprobatsiya russkoyazyichnykh versiy dvuh shkal ekspress-otsenki sub'ektivnogo blagopoluchiya [Elektronnyy resurs] [Approbation of Russian versions of two scales, the rapid assessment of subjective well-being] *Materialy III Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa. Institut sotsiologii RAN, Rossiyskoe obshchestvo sotsiologov*, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (Accessed: 30.05.2016)
7. Tatarko A.N. Sotsialno-psihologicheskiiy kapital lichnosti v polikulturnom obshchestve [Socio-psychological capital in a multicultural society]. Moscow: Institut psihologii RAN, 2014. 384 p.
8. Akay A., Constant A., Giulletti C., Guzi M. Ethnic diversity and well-being // *Journal of Population Economics*. 2017. Vol. 30, no. 1, pp. 265–306. doi: 10.1007/s00148-016-0618-8
9. Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes in Five Western Democracies*. NJ: Princeton University Press, 1963. 574 p. doi: 10.1515/9781400874569
10. Berry J.W. Attitudes towards immigrants and ethnocultural groups in Canada // *International Journal of Intercultural Relations*, 2006. Vol. 30, pp. 719–734. doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.06.004
11. Berry J.W. Integration and Multiculturalism: Ways towards social Solidarity // *Papers on Social Representations*. 2011. Vol. 20, no. 1, pp. 1–20.
12. Berry J.W. Comparative analysis of Canadian multiculturalism policy and the multiculturalism policies of other countries. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9, no. 1, pp. 4–23. doi: 10.11621/pir.2016.0101
13. Cartwright D., Harary F. Structural balance: a generalization of Heider's theory. *Psychological Review*, 1956. Vol. 63, pp. 277–293.
14. Chang W.C. Social capital and subjective happiness in Taiwan. // *International Journal of Social Economics*, 2009. Vol. 36(8), pp. 844–868. doi: 10.1108/03068290910967118
15. Dinesen P.T., Hooghe M. When in Rome, Do as the Romans Do: The Acculturation of Generalized Trust among Immigrants in Western Europe // *The International Migration Review*, 2010. Vol. 44, no. 3, pp. 697–727. doi: 10.1111/j.1747-7379.2010.00822.x
16. Ferrin D.L., Blish M.C., Kohles J.C. Can I Trust You to Trust Me?: A Theory of Trust, Monitoring, and Cooperation in Interpersonal and Intergroup Relationships.

- Group & Organization Management*, 2007. Vol. 32, no. 4, pp. 465–499. doi: 10.1177/1059601106293960
17. Guenzi P., Georges L. Interpersonal trust in commercial relationships: Antecedents and consequences of customer trust in the . *European Journ. of Marketing*, 2010. Vol. 44 (1/2), pp. 114–138. doi: 10.1108/03090561011008637
18. Helliwell J.F. How's life? Combining individual and national variables to explain subjective well-being. *Economic Modelling*, 2003. Vol. 20, no. 2, pp. 331–360. doi: 10.1016/S0264-9993(02)00057-3
19. Helliwell J.F., Putnam R.D. The Social Context of Well-Being. *Philosophical Transactions: Biological Sciences*, 2004. Vol. 359, no. 1449, pp. 1435–1446. doi: 10.1098/rstb.2004.1522
20. Helliwell J.F., Huang H.F., Wang S. Social Capital and Well-Being in Times of Crisis. *Journal of Happiness Studies*, 2014. Vol. 15, no. 1, pp. 145–162. doi: 10.1007/s10902-013-9441-z
21. Helliwell J. F., Wang, S. Trust and well-being. *NBER Working Papers*, 2010. 44 p.
22. Herreros F., Criado H. Social Trust, Social Capital and Perceptions of Immigration. *Political studies*, 2009. Vol. 57, pp. 337–355. doi: 10.1111/j.1467-9248.2008.00738.x
23. Hui H.B.P., Chen S.X., Leung C.M., Berry J.W. Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 2015. Vol. 45, pp. 70–84. doi: 10.1016/j.ijintrel.2015.01.002
24. Husfeldt V. Extreme Negative Attitudes Towards Immigrants: An Analysis of Factors in Five Countries. *Prospects*, 2006. Vol. 36, no. 3, pp. 355–374. doi: 10.1007/s11125-006-0011-6
25. Koopmans R., Veit S. Ethnic diversity, trust, and the mediating role of positive and negative interethnic contact: A priming experiment. *Social Science Research*, 2014. Vol. 47, pp. 91–107. doi: 10.1016/j.ssresearch.2014.03.014
26. Kus-Harbord L., Ward C. Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*, 2015. Vol. 4, no. 1, pp. 66–81. doi: 10.1037/ipp0000025
27. Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W. Are intercultural contacts dangerous or profitable for person and society? Intercultural relations in Russia and Latvia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9, no. 1, pp. 41–56.
28. Lepshokova Z., Tatarko A. Intercultural relations in Kabardino-Balkaria: Does integration always lead to subjective well-being. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9, no. 1, pp. 57–73.
29. Lindstrom M., Mohseni M. Social capital, political trust and self-reported psychological health: A population-based study. *Social Science & Medicine*, 2009. Vol. 68, no. 3, pp. 436–443. doi: 10.1016/j.socscimed.2008.11.004
30. MIRIPS Questionnaires & Presentations [Electronic resource] // Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS). URL: <http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips/mirips-questionnaires-and-presentations> (Accessed: 23.05.2016)
31. Nguyen A., Benet-Martínez V. Biculturalism and Adjustment A Meta-Analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. Vol. 44(2), pp. 122–159. doi: 10.1177/0022022111435097

32. Pfafferott I., Brown R. Acculturation preferences of majority and minority adolescents in Germany in the context of society and family. *International Journal of Intercultural Relations*, 2006. Vol. 30, pp. 703–717. doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.03.005
33. Putnam R. Making democracy work: Civic Traditions in Modern Italy, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. 280 p.
34. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. NY: Simon & Schuster, 2000. 544 p. doi: 10.1145/358916.361990
35. Putman R.D. E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-first Century. The 2006 Johan Skytte Prize Lecture. *Scandinavian Political Studies*, 2007. Vol. 30, no. 2, pp. 137 – 174. doi: 10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x
36. Rostila M. Social capital and health in European welfare regimes: a multilevel approach. *Journal of European Social Policy*, 2007. Vol. 17, no. 3, pp. 223–239. doi: 10.1177/0958928707078366
37. Rustenbach E. Sources of Negative Attitudes toward Immigrants in Europe: A Multi-Level Analysis. *The International Migration Review*, 2010. Vol. 44, no. 1, pp. 53–77. doi: 10.1111/j.1747-7379.2009.00798.x
38. Rydgren J., Sofi D., Hällsten M. Interethnic Friendship, Trust, and Tolerance: Findings from Two North Iraqi Cities. *The American Journal of Sociology*, 2013. Vol. 118, no. 6, pp. 1650–1695. doi: 10.1086/669854
39. Stephan W.G., Stephan C.W. An integrated Threat Theory of Prejudice. In S. Osofsky (ed). *Reducing prejudice and discrimination*. Lawrence Erlbaum associates, Mahwah, New Jersey, 2000, pp. 23–44.
40. Stephan W.G. Intergroup Anxiety: Theory, Research, and Practice. *Personality and Social Psychology Review*, 2014. Vol. 18, no. 3, pp. 239–255. doi: 10.1177/1088868314530518
41. Wang Y. Globalization Enhances Cultural. *Intercultural Communication Studies*, 2007. Vol. 16, no. 1, pp. 83–86.
42. Yamagishi T. Trust as a form of social intelligence. In K.S. Cook (eds.). *Trust in society*. New York: RussellSageFoundation, 2001, pp. 121–147.

Связь психологической суверенности и социальных верований: границы личности в контексте «большого» социума

С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, s-nartova@yandex.ru

Изучалась связь между психологической суверенностью и социальными верованиями: верой в справедливый мир, религиозностью, ожиданием вознаграждения за усилия, контролем над судьбой. Обследовано 288 респондентов ($M_{\text{возраст}} = 23,7$), 66 — мужского пола. Использовались опросники: «Суверенность психологического пространства — 2010» (Нартова-Бочавер, 2014), шкалы «Вера в справедливый мир» и «Вера в личную справедливость» (Dalbert, 1999) и «Шкала социальных аксиом» (Leung et al., 2002; Татарко, Лебедева, 2008). Обнаружено, что социальные верования различаются в зависимости от уровня суверенности. Кроме того, в группе депривированных основные предикторы верований — это суверенность тела и территории, в группе сверхсуверенных — суверенность территории и временных привычек, а в группе умеренно суверенных значимых связей не найдено. Делается вывод, что умеренно суверенные, представляющие собой наиболее адаптированную группу, свободны от типичных верований как формы социальных стереотипов.

Ключевые слова: психологическая суверенность, социальные верования, вера в справедливый мир, вознаграждение за усилия, контроль над судьбой.

Введение

Проблема поиска внутриличностных предикторов социальных установок и отношений обладает перманентной актуальностью для социальной психологии. В настоящем исследовании мы рассматриваем связь между психологической

суверенностью как чертой личности и социальными верованиями.

Психологическая суверенность — это качество личности, ответственное за достижение независимости и автономии, необходимых для поддержания психологического благополучия человека [4; 5; 7]. В наиболее общем виде психоло-

Для цитаты:

Нартова-Бочавер С.К. Связь психологической суверенности и социальных верований: границы личности в контексте «большого» социума // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 100–114. doi:10.17759/sps.2017080308

* *Нартова-Бочавер Софья Кимовна* — доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, s-nartova@yandex.ru

гическую суверенность мы определяем как способность устанавливать и оберегать границы собственной эмпирической личности, как баланс между собственными потребностями субъекта и потребностями окружающих его людей. При этом, разумеется, слово «граница» используется в основном как метафора; и если применительно к территории границы — это буквально физические барьеры, то в других областях бытия это скорее набор имплицитных или эксплицитных правил, регулирующих взаимодействие человека с другими людьми, разделяющих их на своих и чужих.

Изначально, онтогенетически, границы обозначают «контуры» растущей личности, отделяя ее от эмпирических личностей самых близких людей — матери, отца, братьев и сестер, прародителей, причем проявляются они через повседневные конфликты, в результате которых ребенок отвоевывает себе часть личной свободы. То есть границы начинают формироваться в проксимальных отношениях — используя терминологию У. Бронфенбреннера, в микро- и мезосистемах [7; 9; 15]. Границы между собой и «своими» возникают в начале развития личности; в дальнейшем, сепарируясь от ближайшего окружения в повседневной жизни, человек обретает автономию, растет как субъект.

Суверенность как межличностный и культурный феномен

Как правило, взаимодействие возникает в связи с разделением каких-то ресурсов, важных для человеческой жизнедеятельности, — места, вещей, времени, информации, свободы, любви, внимания; границы несущественны и не нужны там,

где нечего делить и отвоевывать. Таким образом, их актуализация всегда сопряжена с наличием некоторой ценности. В рамках нашей концепции мы выделяем следующие объекты психологической суверенизации: суверенность собственного (физического) тела, территории, личных вещей, временных привычек, социальных связей и ценностей. Именно в этой последовательности, соответствующей этапам сепарации подрастающего ребенка от матери и других близких людей, и развивается суверенность: вначале происходит идентификация со своим телом и территорией, затем — личными предметами и социально-духовными составляющими эмпирической личности. Возможно, поэтому тело и территория остаются наиболее значимыми элементами самоэкспозиции, а переживание их нарушения/защищенности играет самую важную роль в адаптации и развитии личности.

Суверенность — это не обязательная нормативная черта. Она может возникнуть в дружественных семейных условиях, при отсутствии деприваций и стрессов или при наличии сильного темперамента ребенка, умеющего в условиях давления и лишений настоять на своем и защитить себя. Однако ребенок с неблагоприятными по разным причинам начальными условиями развития может и не получить возможности для того, чтобы его психологические границы сформировались прочными и целостными. И тогда на протяжении жизненного пути у него будет сохраняться риск оказываться в виктимной ситуации, разрушающей и без того хрупкие границы [12].

Таким образом, с самого начала суверенность как феномен границ — явление межличностное, социальное, которое стимулируется или разрушается актив-

ностью других людей и даже просто их существованием рядом. Подобно государственным и прочим физическим границам она отделяет «владения» одного человека от «владений» другого.

Интересно, что онтогенетически обратимость психологических границ начинает признаваться не сразу. Первоначально границы начинают воздвигаться для того, чтобы защитить себя и «свое». Однако по мере взросления ребенка, с развитием его «модели психического», укрепляется представление о том, что у других людей также есть границы, а еще позже — что они существуют не только чтобы защитить себя, но и для того, чтобы защитить от себя других, т. е. суверенность как черта личности становится инструментом равноправного взаимодействия [8]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, развиваясь в пространстве микросистемы, суверенность как черта личности способствует гармоничным, свободным отношениям внутри этой микросистемы — общение суверенных людей свободно от тревожности и избегания близости, отличается теплотой, надежной привязанностью, уважением партнеров по общению.

Прочность личностных границ представляет собой важный адаптивный инструмент, регулирующий отношения человека и других людей.

Однако непонятно, до какой степени простирается ощущение собственной безопасности и защищенности, связано ли оно только с особенностями социальных установок, регулирующих отношения между собой и «своими», или также между собой и «другими» и тем более — «чужими». Культурный контекст и «большой» социум в связи с протективной функцией суверенности за редким исключением практически не рассматривались, однако имеющиеся исследования весьма

интересны. Так, в работах К.В. Мартиросян было показано, что различия между разнонациональными группами присутствуют и при этом имеют разную направленность в зависимости от пола: армянские юноши по сравнению с русскими демонстрируют более высокий уровень суверенности, чувствуя себя свободными в выборе социальных контактов, территории проживания и удовлетворении физиологических потребностей [1; 2]. Исследовательница объясняет это тем, что армянские юноши по сравнению с русскими юношами и армянскими девушками раньше начинают жить самостоятельно и реже сталкиваются с ограничениями и самоограничениями. Что касается молодых и среднего возраста армянок, то их показатели суверенности значимо ниже по сравнению как со сверстниками-армянами, так и с русскими женщинами. В нашем собственном исследовании суверенности русских, армян и китайцев подросткового и юношеского возраста получены очень схожие результаты: хотя средние показатели суверенности различаются незначительно, возрастная динамика и гендерные проявления отражают воспитательные традиции и степень гендерной свободы в рассматриваемых культурах [13].

Интересна постановка вопроса о феноменологии суверенности в межкультурном пространстве, предпринятая С.Я. Телегиной [11]. Изучая суверенность младших и старших подростков (русских, евреев и татар), проживающих в родной или неродной культуре, исследовательница обнаружила, что при наличии этно-сензитивных различий в изучаемой характеристике ее уровень существенно ниже у подростков, живущих в условиях иной культуры, причем эта разница модерирована возрастом — она сильнее выражена у старших подростков.

Мировоззренческие особенности, относящиеся человека не только с микро-социумом, но и с «большим» социумом, социальные установки и верования в связи с психологической суверенностью никогда ранее не изучались. Между тем даже в отсутствие каких-либо предварительных данных можно ожидать, что суверенность продолжает реализовывать свои регулятивные и адаптивные функции также и в широком социальном мире. Формируясь в пространстве между собой и «своими», она вполне может затем определять установки на обобщенного и отдаленного во времени и пространстве «другого». Кроме того, некоторые данные, полученные специалистами в области географии морали (*moral geographers*), косвенно свидетельствуют в пользу целесообразности изучения связи между психологической суверенностью и мировоззренческими установками личности. Отмечая, что чувство личной ответственности за другие регионы и идентификации с ними не безгранично, они получили данные о связи привязанности к среде с суждениями о справедливости: чем дальше расположен регион, тем менее моральными кажутся происходящие там события [3; 16; 21; 23]. Р. Зайонч в своей экспозиционной теории также отмечал, что позитивный аффект сильнее проявляется в условиях привычных стимулов и потому чувство преданности и верности в первую очередь направлено на (из числа изученных исследователем сред) свой город, потом — область, затем — на нацию в целом и лишь в последнюю очередь — на интернациональный мир вообще.

Таким образом, эмпирических данных о том, как суверенность проявляет себя в социокультурном контексте, очень мало, однако исходя из понимания смыс-

ла суверенности как адаптивной черты личности, отражающей уверенность в целостности и сохранности персонализированной части среды, можно ожидать, что они существуют. В данном исследовании мы поставили *цель* изучить, сочетается ли и если да, то как именно суверенность с другими адаптивными феноменами социокультурного пространства, а именно с социальными верованиями, обнаружатся ли устойчивые мировоззренческие установки в группах разного уровня суверенности.

Социальные верования — это наиболее общие убеждения относительно мироустройства и правильности своего поведения по отношению к другим, которые, как правило, иррациональны [7; 10; 14; 17; 18; 19]). Вариантами таких верований могут быть социальные аксиомы или иллюзии, например, вера в (не)справедливый мир. Верования обладают высокой адаптивной силой, упорядочивая человеческое бытие, формируя стереотипы и предписания относительно должностующего поведения и таким образом экономя энергию человека. При этом верования отличаются как от ценностей (*values*), так и от добродетелей (*virtues*), поскольку нередко содержат неоднозначные с моральной точки зрения убеждения. И суверенность, и социальные установки сами по себе не представляют высшей цели развития личности, однако они полезны как инструмент, способствующий реализации этой цели; поэтому их сопоставление и анализ возможных взаимосвязей между ними кажется вполне правомерным.

Дизайн и процедура исследования

Поскольку предварительных данных о связях между изучаемыми переменны-

ми не было, в нашем разведывательном исследовании мы предположили, что суверенность может быть связана с социальными верованиями и что эта связь будет нелинейной, т. е., скорее всего, модерированной уровнем выраженности суверенности. Иначе говоря, депривированные, умеренно суверенные и сверхсуверенные люди могут обладать социальными верованиями разного содержания: в зависимости от степени сохранности личных границ люди вырабатывают различную идеологию и жизненную философию, помогающую им адаптироваться и развиваться.

Зависимую переменную¹ (социальные верования) составили пять убеждений: Вера в общую справедливость мира ($ВСМ_{общ}$), Вера в справедливость по отношению к субъекту ($ВСМ_{личн}$), Вознаграждение за усилия (ВУ), Религиозность (Р), Контроль над судьбой (КС) [18; 19]. Понятие веры в справедливый мир было введено в научный обиход психологии М. Лернером и К. Дальберт [17; 18]. Вера в справедливость мира (General belief in a just world) отражает убеждение человека в том, что мир — это справедливое место, в котором люди получают то, что заслуживают, и могут добиться того, чего желают. Вера в справедливость по отношению к субъекту (Personal belief in a just world) абстрагируется от оценки мироустройства вообще, однако отражает убеждение в том, что все, что человек претерпел или чем был вознагражден, было заслужено им благодаря личным усилиям или в силу собственных ошибок и проступков. Адаптивные функции

$ВСМ_{общ}$ и $ВСМ_{личн}$ различны, однако они есть: если первая выполняет эпистемологическую задачу упорядочивания картины мира вообще, то вторая связана с показателями личного благополучия и способствует ослаблению негативных и деструктивных чувств зависти, депрессии, разочарования [22].

Другие переменные верований были нами позаимствованы из теории социальных аксиом, развиваемой в работах К. Леунга с соавторами [10; 14; 19]. Социальные аксиомы определяются им как обобщенные верования относительно самого себя, социальной и физической среды и духовного мира, представленные в форме утверждений об отношениях между двумя сущностями («С хорошими людьми происходят хорошие события» и пр.). Мы исследовали следующие социальные верования. Вознаграждение за усилия (Reward for Application) означает убеждение в том, что усердие, знания и хорошее планирование приводят к положительным результатам. Религиозность (Religiosity, ранее Spirituality) предполагает признание существования некоторой высшей сущности в мире и позитивного эффекта религиозных практик для человека. Контроль над судьбой (Fate Control) в чем-то дополняет Религиозность, отражая уверенность в том, что жизненные события предопределены своими причинами, однако человеку дано на них влиять.

В нашем исследовании приняли участие 288 респондентов юношеского возраста ($M_{возраст} = 23,7$; $SD_{возраст} = 7,7$), 66 — мужского пола, студенты московских

¹ Поскольку исследование выполнено по доэкспериментальному плану, разделение на независимую и зависимые переменные условно; оно содержит лишь статистический смысл в контексте использования регрессионного анализа.

университетов разных специальностей; участие в исследовании было добровольным и реализовывалось в рамках практических занятий по психологии. Были использованы следующие шкальные опросники. СПП-2010 (67 пунктов) применялся для изучения уровня суверенности и включал шесть субшкал, отвечающих измерениям психологической суверенности: Суверенность физического тела (СФТ), территории (СТ), вещей (СВ), временных привычек (СП), социальных связей (СС) и ценностей (СЦ) [4]. Текст опросника неоднократно публиковался; в целях экономии места мы не приводим примеры утверждений. Опросник «Вера в справедливый мир» (13 пунктов) включал две шкалы — Веру в общую справедливость мира ($ВСМ_{общ}$) и Веру в справедливость по отношению к субъекту ($ВСМ_{лич}$) (Dalbert, 1999). Примеры утверждений опросника: «Я считаю, что по большому счету люди получают то, что заслуживают» ($ВСМ_{общ}$); «В моей жизни несправедливость — скорее исключение, чем правило» ($ВСМ_{лич}$). Наконец, применялась Шкала социальных аксиом (22 утверждения) — краткая форма в нашей адаптации (Bond, 2004; Татарко, Лебедева, 2008). Примеры утверждений опросника: «Религиозные люди больше придерживаются моральных принципов» (Р), «За несчастьем всегда следует удача» (КС), «Осторожность помогает избежать ошибок» (ВУ).

Показатель надежности используемых методов альфа Кронбаха в рамках текущего исследования составил от 0,69 до 0,91. Использовались подсчет непараметрического критерия Н Крускала—Уоллиса, корреляционный анализ (подсчет непараметрического коэффициента Спирмена) без деления группы по полу, а также парный регрес-

сионный анализ ввиду высокой мультиколлинеарности независимых переменных, служащих шкалами одного и того же опросника. В силу того что большинство полученных ранее связей суверенности имело нелинейный характер и меняло свой знак при переходе от низких к высоким значениям, мы разделили выборку на три уровня по тертилям; в группу сверхсуверенных вошло 94 человека, умеренно суверенных — 93, депривированных — 101 человек.

Результаты

Получены следующие эмпирические результаты (рис.).

Обнаружено, что различий в выраженности верований не так уж много, и потому на первый взгляд можно крайне осторожно говорить о типичной для каждого уровня суверенности жизненной философии. Использование непараметрического критерия Н Крускала—Уоллиса подтвердило значимость различий между умеренно суверенными и сверхсуверенными в показателях Вознаграждения за усилия и Веры в личную справедливость: первый ниже у сверхсуверенных, второй — выше (соответственно $H = 7,69$, $p = 0,02$; $H = 5,96$, $p = 0,05$). Неожиданно переживание справедливости по отношению к себе у сверхсуверенных по сравнению с умеренно суверенными оказалось связано не с затраченными усилиями, а с иными основаниями справедливости (возможно, со способностями или потребностями человека, а также принципом равенства или равных шансов) [20].

Дальнейшие расчеты привели к более интересным результатам. На всей выборке респондентов получено четы-

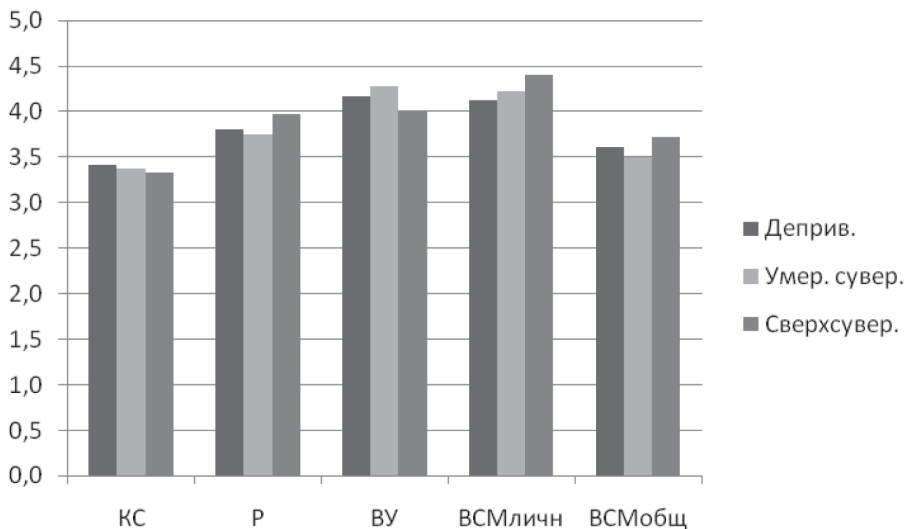

Рис. Социальные верования в группах с разным уровнем суверенности

ре высокочисленные положительные связи суверенности с Верой в личную справедливость, одна — с Верой в справедливость мира и одна отрицательная связь с Вознаграждением за усилия (табл.). Контроль над судьбой оказался никак не связан с суверенностью — возможно, потому, что суверенность сама по себе уже предполагает высокую субъектность и способность контролировать свою повседневную жизнь. Религиозность в тенденции связана с суверенностью ценностей — люди, способные отстоять свою жизненную философию, тяготеют к тому, чтобы не отрицать возможность высшей сущности. В целом чем более сохранены личностные границы респондентов, тем сильнее у них выражена следующая, вполне реалистичная и адаптивная, жизненная философия: мир относится к ним справедливо (заметим — не благоприятно!), возможно, это даже в целом справедливое место, но усилия тем не менее не приводят к успеху, а чело-

веческая жизнь не заполняет масштаб бытия полностью. Таким образом, наиболее выпуклый результат — это связь разных аспектов суверенности с Верой в личную справедливость, что в общем вполне логично: хорошо защищенный человек осознанно и бессознательно направляет другим людям послание об этом своем качестве и, кроме того, просто умеет отстаивать свои интересы, в силу чего несправедливость обходит его стороной и он реже попадает в викарные или рискованные ситуации.

Парный регрессионный анализ, впрочем, не выявил ни одной существенной связи — возможно, потому, что полученные корреляционные связи не могут быть описаны уравнением линейной регрессии.

После разделения респондентов по уровню суверенности результаты оказались более выразительными. Так, у депривированных обнаружены связи суверенности (уровень которой по определению невысок) с Верой в общую справедли-

Связь суверенности и социальных верований (r_s)

Шкалы	КС	Р	ВУ	ВСМ _{лич}	ВСМ _{общ}
СПП	-0,04	0,10	-0,07	0,16***	0,09
СФТ	-0,02	0,07	-0,05	0,19***	0,08
СТ	-0,03	0,08	-0,01	0,09	0,10*
СВ	-0,04	0,07	-0,05	0,12***	0,13***
СП	-0,05	0,08	-0,14***	0,18***	0,06
СС	-0,07	-0,07	-0,04	0,07	-0,02
СЦ	-0,01	0,11*	-0,01	0,05	0,06

Примечание. * связь значима в тенденции, $0,05 < p < 0,1$; *** на уровне $p < 0,01$.

вость, что характерно для людей, переживающих острый стресс или кризис. Общая суверенность, суверенность тела и территории оказались значимо положительно связаны с верой в справедливость мира (соответственно $r_s = 0,24$, $p = 0,02$; $r_s = 0,26$, $p = 0,01$; $r_s = 0,24$, $p = 0,02$). Суверенность тела помимо этого связана с верой в личную справедливость ($r_s = 0,33$, $p = 0,001$). Кроме того, обнаружена тенденция к положительной связи между суверенностью территории и Контролем над судьбой ($r_s = 0,18$, $p = 0,07$), т. е. даже незначительный (поскольку речь идет о депривированных) опыт в защите собственной территории сопряжен с надеждой на возможность изменить свою судьбу.

Связей с другими социальными верованиями — Религиозностью, Вознаграждением усилий — обнаружено не было. По-видимому, вера в справедливость в мире помогает людям с непрочными границами пережить текущие неприятности и упорядочить свой жизненный путь; однако при этом возникают риски появления разного рода предрассудков, которые нередко делают депривированных людей еще более уязвимыми.

Парный регрессионный анализ подтвердил высокий вклад суверенности территории в показатель Веры в спра-

ведливый мир ($\beta = 0,23$ при $p = 0,02$). Таким образом, для поддержания веры в справедливость очень важна сохранность и безопасность личной территории, даже если эта территория невелика. Важна и суверенность тела, которая, возможно, также подвергалась испытаниям ($\beta = 0,21$ при $p = 0,01$); более того, суверенность тела представляет собой предиктор также и Веры в личную справедливость, причем сильный ($\beta = 0,30$ при $p = 0,002$). Остальные измерения суверенности такого значения не имеют.

Итак, оказывается, что у людей с сильно нарушенными границами наиболее сильными предикторами мироотношения остаются самые «брутальные», очевидные физические границы, телесные и территориальные, даже при общем дефицитарном состоянии всех границ вообще. Если обратиться к онтогенезу суверенности, то именно с этих составляющих и начинается ее развитие, которое затем, возможно, затормаживается и приостанавливается по каким-то причинам. Нарушение и без того слабых физических границ лишает человека веры в справедливость, однако верно и обратное: вполне возможно ожидать, что укрепление территориальной и телесной суверенности психотерапевтическими или повсед-

невными средствами способно усилить также и веру в справедливость со всеми сцепленными с этим убеждением адаптивными феноменами.

В группе умеренно суверенных значимых связей с социальными верованиями не обнаружено вообще, однако присутствуют три тенденции: суверенность тела тяготеет к отрицательной связи с Религиозностью и Верой в личную справедливость (соответственно $r_s = -0,17$, $p = 0,09$; $r_s = -0,19$, $p = 0,06$), а суверенность вещей — к положительной связи с Верой в справедливый мир ($r_s = 0,19$, $p = 0,07$). Можно предположить, что опять же «материальная» укорененность в бытии в форме телесности и вещей сопряжена с рационалистичным и прагматичным мироотношением, в котором, с одной стороны, нет места непонятым «высшим» сущностям, также нет переживания справедливости личной судьбы, а с другой — понятие о справедливости сцеплено с важностью владения, обладания. Верят в справедливый мир те, у кого не удавалось что-то отнять. Регрессионный анализ вполне ожидаемо никаких связей не обнаружил.

Полученные результаты говорят о том, что в целом группа умеренно суверенных, по ранее полученным данным, наиболее адаптированная и психологически благополучная, либо очень вариативна по установкам, представляющим житейскую философию, либо вообще свободна от иллюзорных верований, помогающих рационализировать происходящее. Здесь могут встречаться как верующие, так и атеисты, как доверяющие миру, так и стремящиеся полагаться в основном на себя; ценностно-смысловая сфера умеренно суверенных, видимо, не обладает общими чертами. Возможно и другое — как наиболее адаптивная

группа, умеренно суверенные не ригидны в своих убеждениях и способны их менять, не «застывая» на иллюзорных стереотипах.

Наконец, в группе сверхсуверенных обнаружена одна положительная связь суверенности тела с Верой в общую справедливость ($r_s = 0,22$, $p = 0,03$), положительная связь суверенности привычек с Верой в личную справедливость ($r_s = 0,23$, $p = 0,02$) и отрицательная связь суверенности вещей с Религиозностью ($r_s = -0,21$, $p = 0,04$). Эта композиция верований способствует картине мира как надежного и справедливого места, в котором, однако, нет места иррациональному, правда, связи более нюансированы.

Регрессионный анализ позволил дополнить эти выводы. Обнаружено, что суверенность привычек представляет собой значимый антипредиктор Контроля над судьбой ($\beta = -0,23$ при $p = 0,02$), т. е. чем хуже люди могут сохранить свой распорядок жизни, тем слабее им видится возможность вмешаться в ход судьбы, что неудивительно. В то же время суверенность привычек вносит вклад в переживание Веры в личную справедливость ($\beta = 0,22$ при $p = 0,03$). Еще один результат — суверенность территории оказалась предиктором Вознаграждения за усилия ($\beta = 0,21$ при $p = 0,04$), а также Веры в справедливость мира ($\beta = 0,22$ при $p = 0,03$). Эта связь делает более понятной склонность сверхсуверенных буквально и физически внедряться в жизненное пространство других людей — владение территорией отвечает стереотипам их жизненной философии. При этом объяснима и их нетерпимость к временным ограничениям или попыткам упорядочить и регламентировать их активность.

Заключение

Эмпирические данные, полученные на репрезентативной группе и проанализированные с помощью трех статистических приемов, позволили заключить, что прочность личностных границ проявляет себя не только в межличностном, но также и в социокультурном пространстве и действительно связана с социальными верованиями как частью житейской философии, обладающей адаптивно-регуляторным смыслом.

Получена связь разных аспектов суверенности с Верой в личную справедливость и менее выраженная — с Верой в общую справедливость. Таким образом, можно заключить, что суверенность как черта личности оберегает человека от рентных установок и связанных с ними деструктивных ожиданий и способов поведения как по отношению к близким, так и в социокультурном пространстве, например по отношению к представителям иных социальных страт или этнических групп.

Далее, обнаружено, что умеренно суверенные отличаются более высокой по сравнению со сверхсуверенными верой в Вознаграждение за усилия, но Вера в личную справедливость у них ниже. Различий по остальным показателям верований и в сравнении с депривированными не обнаружено.

Однако анализ корреляционных и регрессионных связей в группе депривированных показал, что наиболее сильные предикторы, которые вносили вклад в переживание Веры в справедливый мир и личной справедливости — это суверенность тела и территории. В группе сверхсуверенных суверенность привычек и также территории вносили вклад в такие верования, как Контроль над судьбой (отрицательный), Вера в личную спра-

ведливость, Вознаграждение за усилия, Вера в общую справедливость. Таким образом, если для развития убеждений в группе респондентов со слабыми границами важнее всего измерения телесности и территориальности, то для группы со сверхпрочными границами это территориальность и временная самоорганизация. При этом в группе умеренно суверенных обнаружены только тенденции к связям. Эти данные дают подсказки для использования повседневных и психоразвивающих практик, направленных на изменение мироотношения человека.

Поскольку социальные верования — часть отношения к миру, в том числе к «другим» и «чужим», взаимодействие с которыми регламентируется житейской философией, можно полагать, что прочность психологических границ задает чувство безопасности не только в проксимальных отношениях, но также и в «большом» социуме и может быть связана с этническими, религиозными, политическими установками и стереотипами.

Полученные результаты дают понимание наиболее мощных средовых предикторов социальных верований в зависимости от уровня суверенности, что может при необходимости быть использовано в психоразвивающих практиках. Ограничение проведенного исследования — использование только студенческой выборки, что, впрочем, отвечает ранее полученным данным о том, что именно в подростково-юношеском возрасте суверенность образует максимальное количество нюансированных связей с другими переменными [5; 6]. Ближайшие перспективы продолжения исследования — включение дополнительных социокультурных переменных, например коллективизма-индивидуализма, выход на типологии и практические рекомендации.

Финансирование

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-06-00239).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мартirosян К.В.* Суверенность жизненного хронотопа представителей студенческой молодежи армянской диаспоры // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 41. С. 108–112.
2. *Мартirosян К.В.* Этноспецифичность суверенности психологического пространства личности // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16262> (дата обращения: 28.07.2017).
3. *Нартова-Бочавер С.К.* Единство субъекта и бытия как основа естественной психотерапии // Субъектный подход в психологии / Под ред. Журавлева А.Л., Знакова В.В., Рябикиной З.И., Сергиенко Е.А. Москва: Институт психологии РАН, 2009. С. 482–497.
4. *Нартова-Бочавер С.К.* Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105–119.
5. *Нартова-Бочавер С.К.* Психологическая суверенность как критерий личностной зрелости // Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. Журавлева А.Л., Сергиенко Е.А. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 149–173.
6. *Нартова-Бочавер С.К.* Современное состояние психологии суверенности как учения о личностных границах // У истоков развития / Под ред. Обуховой Л.Ф., Котляр (Корепановой) И.А. М.: МГППУ, 2013. С. 56–67.
7. *Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б.* Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–32.
8. *Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Институт психологии РАН, 2009. 416 с.
9. *Силина О.В.* Структура границ Я у детей 2–10 лет // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 4. С. 83–98. doi:10.17759/sps.2016070406 (дата обращения: 30.04.2017)
10. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4. С. 135–143.
11. *Телегина С.Я.* Особенности суверенности психологического пространства у русских, еврейских и татарских подростков // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2016. Вып. 4. С. 146–157. doi: 10.21638/11701/spbu16.2016.412
12. *Фоминых Е.С.* Виктимизация и девиктимизация студентов с ограниченными возможностями здоровья в современных образовательных условиях [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n4/57313.shtml> (дата обращения: 30.03.2017)

13. *Bardadymov V., Nartova-Bochaver S., Harutyunyan S., Khachatryan N., Wu M.S., Zhou C., Yuan J., Hakobjanyan A.* Personal sovereignty in secondary school and university students from Armenia, China, and Russia // 16th European Conference on Personality Psychology (Trieste, July 10-14 2012). Trieste: European Association of Personality Psychology, 2012. P. 180.
14. *Bond M.H.* et al. Culture-level dimensions of social axioms and their correlates across 41 cultures // *Journal of cross-cultural psychology*. 2004. Vol. 35. № 5. P. 548–570. doi: 10.1177/0022022104268388
15. *Bronfenbrenner U.* Two worlds of childhood. New York: Russell Sage. Рус. пер.: Бронфенбреннер У. Два мира детства. Дети в США и СССР. М.: Прогресс, 1976. 167 с.
16. *Clayton S., Opatow S.* Justice and identity: Changing perspectives on what is fair // *Personality and Social Psychology Review*. 2003. № 7. P. 298–310.
17. *Dalbert C.* The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // *Social Justice Research*. 1999. Vol. 12. P. 79–98.
18. *Lerner M.J.* The belief in a just world: A fundamental delusion. New York: Plenum, 1980. 217 p.
19. *Leung K., Bond M. H., Reimel de Carrasquel S., Muñoz, C. Hernández M., Murakami F.*, et al. Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2002. Vol. 33. № 4. P. 286–302.
20. *Schmitt M., Maes, J., & Schmal A.* Gerechtigkeit als innerdeutsches Problem: Analyse der Messeigenschaften von Messinstrumenten für Einstellungen zu Verteilungsprinzipien, Ungerechtigkeitssensibilität und Glaube an eine gerechte Welt. Trier: Universität Trier, 1997. 47 p.
21. *Smith D.M.* Moral geographies: Ethics in a world of difference. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 244 p.
22. *Sutton R., Douglas K.M.* Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self–other distinction in just-world beliefs // *Personality and Individual Differences*, 2005. Vol. 39. № 3. P. 637–645. doi:10.1016/j.paid.2005.02.010 (дата обращения: 30.03.2017).
23. *Zajonc R.B.* The attitudinal effects of mere exposure // *Journal of Personality and Social Psychology*, Monograph Supplement. 1968. Vol. 9. № 2. P. 1–28.

Connection between the psychological sovereignty and social beliefs: personal boundaries in the social world

S.K. NARTOVA-BOCHAVER*,

National Research University Higher School of Economics Moscow, Russia,
s-nartova@yandex.ru

Connections between the psychological sovereignty and social beliefs: belief in a just world, religiosity, reward application, fate control were examined. 288 respondents ($M_{age} = 23,7$), 66 males participated in the survey. The following tools were used: the Sovereignty of the psychological space questionnaire – 2010 (Nartova-Bochaver, 2014), the General and Personal Belief in a Just World Scales (Dalbert, 1999), and the Social axioms survey (Leung et al., 2002; Tatarko, Lebedeva, 2008). There has been found that social beliefs differ depending on the sovereignty level. In addition, it has been revealed that in deprived individuals the body and territory sovereignty predicted the social beliefs, and in super-sovereign individuals the regime habits and territory sovereignty did. In the group of moderate sovereignty there weren't any significant connections. It was concluded that the most adapted group is free of typical beliefs as a form of social stereotypes.

Keywords: *psychological sovereignty, social beliefs, fate control, reward application.*

Funding

Supported by the Russian Foundation for Humanities, Project 16-06-00239

REFERENCES

1. Martirosjan K.V. Suverenost' zhiznennogo hronotopa predstavitelej studencheskoj molodjozhi armjanskoj diaspory [The sovereignty of the life chronotope of young students from the Armenian diaspora]. *Sborniki konferencij NIC Sociosfera*, 2013, no. 41, pp. 108–112.
2. Martirosjan K.V. Jetnospecificnost' suverenosti psihologicheskogo prostranstva lichnosti [Ethnospecificity of the sovereignty of the personal life space]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [The problems of the contemporary science and education], 2014, no. 6. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16262> (Accessed : 28.07.2017).
3. Nartova-Bochaver S.K. Edinstvo sub'ekta i bytija kak osnova estestvennoj psihoterapii [Integrity of the agency and Dasein as a basis of the natural psychotherapy].

For citation:

Nartova-Bochaver S.K. Connection between the psychological sovereignty and social beliefs: personal boundaries in the social world. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 100–114. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080308

* Nartova-Bochaver Sofiya K. – Doctor in Psychology, Professor, National Research University Higher School of Economics Moscow, Russia, s-nartova@yandex.ru

In Zhuravleva A.L., Znakova V.V., Rjabikinoy Z.I., Sergienko E.A. (eds.). *Sub'ektnyj podhod v psihologii [The sub'ect approach in psychology]*. Moscow: Institut psihologii RAN, 2009, pp. 482–497.

4. Nartova-Bochaver S.K. Novaja versija oprosnika “Suverennost' psihologicheskogo prostranstva – 2010” [The new version of the questionnaire “The sovereignty of the psychological space – 2010”]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*, 2014. Vol. 35, no. 3, pp. 105–119.

5. Nartova-Bochaver S.K. Psihologicheskaja suverennost' kak kriterij lichnostnoj zrelosti [The psychological sovereignty as a criteria of the personal maturity]. In Zhuravleva A.L., Sergienko E.A. (eds.) *Fenomen i kategorija zrelosti v psihologii [Phenomenon and concept of the maturity in psychology]*. Moscow: Institut psihologii RAN, 2007, pp. 149–173.

6. Nartova-Bochaver S.K. Sovremennoe sostojanie psihologii suverennosti kak uchenija o lichnostnyh granicah [The modern research of the psychological sovereignty as a personal boundaries theory]. In Obuhovoj L.F., Kotljarskaja (Korepanovoj) I.A. (eds.). *U istokov razvitiya [At the source of development]*. Moscow: MGPPU, 2013, pp. 56–67.

7. Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B. Psihologicheskie problemy spravedlivosti v zarubezhnoj personologii: teorii i jempiricheskie issledovanija [Theories and empirical research on justice in the foreign personality psychology]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*, 2014. Vol. 35, no. 1, pp. 16–32.

8. Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Prusakova O.A. Model' psihicheskogo v ontogeneze cheloveka [Theory of mind in the human ontogenesis]. Moscow: Institut psihologii RAN, 2009. 416 p.

9. Silina O.V. Struktura granic Ja u detej 2–10 let. [The structure of the boundaries I for children 2–10 years]. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 83–98. doi:10.17759/sps.2016070406 (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Issledovanie social'nyh aksiom: struktura i vzaimosvjazi s social'no-jekonomicheskimi ustanovkami rossijan [Investigation into social axioms: structure and interconnections with socio-economic attitudes in Russians]. *Psihologija. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*. 2008. Vol. 5, no. 4, pp. 135–143.

11. Telegina S.Ja. Osobennosti suverennosti psihologicheskogo prostranstva u russkih, evrejskih i tatarskih podrostkov [Specificity of the sovereignty of the psychological space in Russian, Jewish, and Tatar adolescents]. *Vestnik SPbgu. Psihologija i pedagogika [Vestnik SPbSU. Psychology and Education]*. 2016. Vyp. 4, pp. 146–157. doi: 10.21638/11701/spbu16.2016.412

12. Fominykh E.S. Viktimizacija i deviktimizacija studentov s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja v sovremennyh obrazovatel'nyh uslovijah [Victimization and devictimization of students with disabilities in modern educational environment] [Elektronnyy resurs]. *Klinicheskaja i spetsial'naja psikhologija [Clinical Psychology and Special Education]*, 2012. Vol. 1, no. 4 (In Russ., abstr. in Engl.) URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n4/57313.shtml> (Accessed: 30.03.2017).

13. Bardadymov V., Nartova-Bochaver S., Harutyunyan S., Khachatryan N., Wu M.S., Zhou C., Yuan J., Hakobjanyan A. Personal sovereignty in secondary school and university

- students from Armenia, China, and Russia. *16th European Conference on Personality Psychology* (Trieste, July 10-14 2012). Trieste: European Association of Personality Psychology, 2012, pp. 180.
14. Bond M.H. et al. Culture-level dimensions of social axioms and their correlates across 41 cultures. *Journal of cross-cultural psychology*. 2004. Vol. 35, no. 5, pp. 548–570. doi: 10.1177/0022022104268388
15. Bronfenbrenner U. Two worlds of childhood. New York: Russell Sage [Bronfenbrenner U. Dva mira detstva. Deti v SShA i SSSR (In Russ.)]. Moscow: Progress, 1976. 167 p.
16. Clayton S., Opatow S. Justice and identity: Changing perspectives on what is fair. *Personality and Social Psychology Review*, 2003. no. 7, pp. 298–310.
17. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity. *Social Justice Research*, 1999. Vol. 12, pp. 79–98.
18. Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. New York: Plenum, 1980. 217 p.
19. Leung K., Bond M. H., Reimel de Carrasquel S., Muñoz, C. Hernández M., Murakami F., et al. Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2002. Vol. 33, no. 4, pp. 286–302.
20. Schmitt M., Maes, J., & Schmal A. Gerechtigkeit als innerdeutsches Problem: Analyse der Messeigenschaften von Messinstrumenten für Einstellungen zu Verteilungsprinzipien, Ungerechtigkeitssensibilität und Glaube an eine gerechte Welt [Justice as an intra-German problem: analysis of psychometric properties of attitudes towards distribution principles, injustice sensitivity, and belief in a just world] Trier: Universität Trier, 1997. 47 p.
21. Smith D.M. Moral geographies: Ethics in a world of difference. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 244 p.
22. Sutton R., Douglas K.M. Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self–other distinction in just-world beliefs. *Personality and Individual Differences*, 2005. Vol. 39, no. 3, pp. 637–645. doi:10.1016/j.paid.2005.02.010 (data obrashhenija: 30.03.2017).
23. Zajonc R.B. The attitudinal effects of mere exposure. *Journal of Personality and Social Psychology, Monograph Supplement*, 1968. Vol. 9. no. 2, pp. 1–28.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Основные причины конфликтов между подростками в поликультурном классе и их профилактика

О.В. ХУХЛАЕВА*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, huhlaevaolga@mail.ru

В статье, на основе теоретического анализа, рассматривается конфликтное взаимодействие в подростковой среде, преимущественно в контексте межкультурного взаимодействия. Описана взаимосвязь между конфликтностью в подростковой среде и прохождением подросткового кризиса, а также произведено соотнесение конфликтности с иными возрастными особенностями. Отдельный акцент сделан на межгрупповых конфликтах. Обсуждается дополнительная специфика конфликтов в классах со смешанным культурным составом. Проведен анализ специфики конфликтного взаимодействия в связи с измерениями культур по Г. Хофстеде (индивидуализм-коллективизмом, дистанцией власти, маскулинностью-феминностью и избеганием неопределенности). Делается вывод о большей остроте потенциальных противоречий, если в классе есть подростки, принадлежащие к значительно различающимся культурам. Показана роль смеховой культуры как проявления антиповедения в игровой форме, для профилактики и коррекции конфликтов в подростковой поликультурной среде.

Ключевые слова: конфликт, подростки, подростковый кризис, поликультурный класс, измерения культуры.

Взаимодействие людей в конфликте достаточно хорошо и многоаспектно изучено во всех социальных науках [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 14]. Однако само понятие

«конфликт» употребляется в разнообразных значениях, поскольку используется для описания взаимодействия людей в различных жизненных сферах —

Для цитаты:

Хухлаева О.В. Основные причины конфликтов между подростками в поликультурном классе и их профилактика // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 115–124. doi:10.17759/sps.2017080309

* Хухлаева Ольга Владимировна — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, huhlaevaolga@mail.ru

конфликт в организации, внутрисемейный конфликт, конфликт поколений и т. п. В большинстве работ доминируют прикладные задачи: предупреждение конфликтов, разрешение конфликтов, виды стрессов при конфликтах. Поэтому делается акцент на эмпирических исследованиях, а не на теоретических разработках [9; 11]. Это безусловно важно, однако есть вопросы, на которые без теоретического осмысления ответить достаточно трудно.

Один из них мы будем рассматривать — это вопрос о возрастных особенностях подростковых конфликтов. При этом основной акцент будет сделан на конфликтах, происходящих в поликультурных классах, поскольку по описанному далее причинам они могут приобретать в них особую остроту.

Повышение конфликтности в подростковой среде сегодня отмечается как исследователями, так и в средствах массовой информации, которые их широко освещают и в которых подчеркивается жестокость конфликтов и активное включение в них девочек. Существуют различные попытки описать причины подростковых конфликтов, в том числе есть ссылки на негативное влияние компьютерных игр, социальных сетей, недостаточную включенность в жизнь подростков родителей. Предлагается видеть причины в появлении агрессивных подростковых субкультур, например, околофутбольных фанатов или, например, новых религиозных движений [10]. В целом, данная ситуация рассматривается как потеря субъектности, связанная с межличностными и межгрупповыми отношениями [4].

Признавая правоту обеих точек зрения, мы полагаем, что конфликты под-

ростков необходимо рассматривать на стыке двух наук — социальной психологии и возрастной психологии. Имеется в виду то, что наиболее важные особенности подростковых конфликтов определяются закономерностями протекания подросткового кризиса.

Причины конфликтов у подростков, связанные с протеканием возрастного кризиса

Как писал Э. Эриксон [15], основное содержание кризиса определяются формированием новой, взрослой, эго-идентичности. Соответственно, детские аспекты эго-идентичности должны быть переструктурированы или модифицированы. Поэтому нормальным явлением начала кризиса считается некоторое снижение общей самооценки.

Можно сделать уверенный вывод о том, что из-за снижения самооценки началу подросткового кризиса соответствует сильная эмоциональная депривация у всех подростков и очень сильная у тех из них, у которых существуют объективные причины дополнительного снижения самооценки — трудности в учебе при высокой требовательности семьи, значительные внешние отличия от окружающих (к примеру, слишком высокий рост).

Л. Берковиц [16], один из ведущих исследователей в области психологии агрессии, подробно описывает, что является следствием такой депривации. Как он утверждает, нужно учитывать различного рода депривацию, вызывающую сильные чувства — гнев, печаль, обиду, раздражение. Такие чувства обуславливают появление возбуждения, которое суммируется в так называемый «свободно плавающий гнев». Впослед-

ствии этот гнев ищет «удобную мишень» для своих агрессивных проявлений. В этой ситуации человеку просто необходимо проявить свой гнев каким-либо образом. Для этого используется так называемая «удобная мишень» — другой человек, в отношении которого гнев можно проявлять безопасно. Как правило, более слабый или чем-то отличающийся от остальных.

Еще одна особенность подростков — стремление к объединению в группы, чтобы «слабое Я заменить сильным Мы». Поэтому чаще всего конфликты подростков выглядят либо как межгрупповые, либо как конфликт группы учащихся с одним из учеников класса — «изгоем».

Следующий аспект подросткового кризиса, влияющий на конфликтное поведение, — так называемое «отделение подростка от семьи». Стоит отметить, что обозначение является не очень точным, поскольку итогом «отделения» является не разрыв подростка с семьей, а установление новых партнерских взаимоотношений, в которых семья и подросток способствуют развитию друг друга. Имеется в виду, что теперь они находятся в равных позициях и через диалог помогают друг другу в решении своих уникальных жизненных задач.

Можно сказать, что причин возможного нарушения отделения подростка от семьи так много, что в редкой семье это проходит бесконфликтно. Чаще же отделение приводит к накоплению у подростка гнева.

Чтобы обсудить то, как он проявляется, обратимся к работам С.Д. Спилбергера, который выделял направления проявления гнева — наружу и внутрь [17; 18]. Проявление гнева наружу соответствует общепринятому его пониманию — прежде всего, как повышение конфликт-

ности. Гнев во внутрь — это тенденция его подавления во взаимодействии с его источником, а затем проявление в отношении других людей.

Если подросток воспитывается в авторитарной семье с наличием высоких требований к достижениям, то у него будет превалировать гнев вовнутрь дома. Проявление конфликтности там будет строго пресекаться. Соответственно, накопленный гнев будет активно проявляться в школе. Получается, что нарастание конфликтности в подростковой среде будет вызвано взаимоотношениями подростков с родителями, а точнее, авторитарной и контролирующей позицией последних.

Причины конфликтов у подростков, связанные с наличием в классе инокультурных учащихся

Конфликтность в подростковой среде может усиливаться, если в классе обучаются подростки, принадлежащие к различным культурам. А в условиях многокультурной России и в связи с наличием сильных миграционных потоков практически каждый класс можно назвать поликультурным.

В таких классах весьма вероятным становятся межгрупповые конфликты.

Под межгрупповыми понимают конфликты между различными группами или же отдельными представителями, воспринимающими себя членами разных групп. Согласно концепции Л. Берковица [16], причиной как межгрупповых, так и межличностных конфликтов является относительная депривация, т. е. оценка положения своей группы как более низкого, чем другой (низкий статус, меньшие возможности и др.). При этом

объектом агрессии также может стать не только тот, кто непосредственно вызвал фрустрацию, но любые люди, ассоциирующиеся с ним по признаку групповой принадлежности или даже по внешнему сходству.

Если говорить о школьниках, то относительная депривация группы может складываться из нескольких факторов. Во-первых, нередко в классах со смешанным этнокультурным составом представители малочисленных культурных групп имеют более низкий социальный статус, чем другие ребята. Во-вторых, многие из них страдают от негативной оценки сверстниками их внешности, поскольку внешность инокультурных детей чаще всего отличается от остальных. В-третьих, эти ученики испытывают трудности в понимании чувств окружающих, интерпретации их поведения, поэтому сами используют далеко не эффективные модели общения. Помимо социальных факторов к депривации инокультурных детей приводит их более низкая успеваемость, что вызвано использованием ими когнитивных стилей, присущих их культуре и отличающихся от стилей большинства учащихся.

При анализе групповой динамики в классах со смешанным этническим составом удобно воспользоваться понятиями ин-групп и аут-групп. Как отмечает Г. Триандис [13], люди хотят взаимодействовать друг с другом, оказывать поддержку друг другу, чтобы принести пользу тем группам, с которыми они себя идентифицируют (ин-группы) и противодействовать другим группам, к которым себя не причисляют (аут-группы). Ин-группы формируются на основе какого-либо значимого общего признака. Одним из наиболее значимых признаков

является культурная принадлежность. Поэтому создание ин-групп по этническому фактору является довольно вероятным явлением.

При этом важно отметить следующее. Близкие культурные группы будут создавать одну ин-группу, если их окружение будет существенно от них отличаться.

Из вышесказанного можно предположить, что при наличии в поликультурном классе этнических меньшинств с высокой степенью вероятности они будут создавать ин-группу. Причем любого деления на ин- и аут-группу достаточно, чтобы возникли межгрупповые предпочтения. Г. Триандис описывает эксперимент, в котором школьников в классе разделили на тех, кто имел желтые ластик, и тех, кто имел красные. Когда детям предлагали распределить сладости, то они проявляли ин-групповое предпочтение [13].

Межгрупповые предпочтения в подростковой среде имеют тенденцию перерастать в конфликты, поскольку самоутверждение в подростковой среде является особо значимым.

Конфликт может достичь особенно высокой напряженности в случае наличия высокой корреляции внешнего гнева представителей той или иной культуры с темпераментом. Имеется в виду, что если в культуре при столкновении с несправедливостью или препятствием принято скорее выражать свой гнев, чем подавлять его, а ее представители обладают сильным типом нервной системы, то можно ожидать перерастание конфликта в агрессивное взаимодействие.

На возрастание остроты конфликтов в поликультурном классе влияют еще две причины.

Первая причина возможного повышения конфликтности в поликультур-

ном классе вытекает из наличия такого явления, как влияние культурного окружения на социальное развитие ребенка. Имеется в виду, что в существенно отличающихся друг от друга культурах будет приветствоваться различный набор социальных характеристик, которые могут вступать в противоречие друг с другом. Рассмотрим этот вопрос подробнее с использованием четырех основных параметров культур, выделенных Г. Хофстеде [19]. Для этого кратко их охарактеризуем.

Индивидуализм—коллективизм определяет преобладающий тип ценностей: индивидуальных или групповых. В индивидуалистической культуре наибольшей значимостью обладают личные интересы и достижения, в коллективистической — интересы большинства.

Дистанция власти определяет иерархию распределения власти. Культуры с высокой дистанцией власти основаны на вертикальном типе отношений, основанном на подчинении младших старшим. В культурах с низкой дистанцией власти распространены горизонтальные отношения, основанные на демократии.

Избегание неопределенности характеризует стремление общества избегать неопределенных и рискованных ситуаций. В культурах с высоким избеганием неопределенности широко распространены различные нормы, которые определяют социальное поведение человека, создавая ему достаточно узкие рамки. В культурах с низким избеганием неопределенности социальные отношения достаточно свободны.

Маскулинность—феминность определяет тенденцию к амбициозности, агрессивности (мужским качествам) или к сотрудничеству и взаимной заботе (женским качествам).

Каждый из описанных параметров влияет на тот или иной аспект конфликтов. Индивидуализм—коллективизм определяет склонность к индивидуальным или групповым конфликтам. Если подростки принадлежат к индивидуалистической культуре, наиболее вероятно, что конфликты между ними будут индивидуальными и не получат широкого распространения. Если они в большей степени «коллективисты» (а в России с инокультурными подростками именно так обстоит дело), то можно предположить возможность включения в них других членов ин-группы и перерастания индивидуального конфликта в межгрупповой.

Дистанция власти прежде всего влияет на конфликтную активность подростков. Подростки из культур с высокой дистанцией власти будут менее активны, т. е. будут готовы дольше терпеть ситуацию фрустрации. Низкая дистанция власти позволяет подросткам вступать в конфликт сразу же после нарушения их интересов.

Избегание неопределенности определяет динамику развития конфликта. Для подростков из культур с высоким избеганием неопределенности будет характерно долгое сдерживание негативных чувств, а затем взрывное их проявление. В этой ситуации конфликт сразу достигает своего максимума.

Маскулинность—феминность влияют на наиболее вероятные стратегии разрешения конфликта. В культуре с высоким параметром маскулинности будет ярко выражена стратегия соперничества, т. е. навязывания подростками друг другу выгодного только себе решения. В феминных культурах будут преобладать стратегии компромисса, приспособления или избегания конфликта. Если ин-группа будет более маскулинной, чем аут-груп-

па, можно предположить особую остроту протекания конфликтов.

Данный обзор позволяет заключить, что принадлежность подростков к культурам, существенно отличающимся по своим параметрам, усложнит разрешение конфликтов, поскольку они будут подходить к ним абсолютно по-разному.

Следующая причина конфликтов определяется трансляцией педагогов своего негативного отношения к инокультурным подросткам в подростковую среду. Наличие такого отношения легко объяснить существованием различного рода барьеров в общении между взрослыми и учащимися. Среди основных можно назвать барьеры языковые, семантические, барьеры, связанные с невербальной коммуникацией и т. п. Но если тематика коммуникативных барьеров иногда обсуждается в педагогической среде, то вне обсуждения стоит тема влияния культуры на развитие интеллектуальных способностей. Имеется в виду, что культура влияет на когнитивный стиль человека. Соответственно, педагоги используют свой когнитивный стиль, и особенности когнитивного стиля инокультурных подростков будут интерпретироваться ими как недостатки.

Именно поэтому у педагогов широко распространен ингрупповой фаворитизм — стремление благоприятствовать подросткам своей культуры, в том числе выше оценивать их знания. Практика показывает, что нередко можно заметить и аутгрупповую дискриминацию — оказание неблагоприятного воздействия на подростков, принадлежащих к другой культуре, в том числе более критичное восприятие их поведения. Понятно, что такие действия педагогов инокультурные подростки оценивают негативно. Не имея возможности направить гнев

на педагогов, они проявляют его по отношению к подросткам, подвергшимся ингрупповому фаворитизму

Итак, можно выделить две основные причины конфликтов в подростковой среде.

Первая — это снижение самооценки в начальный период прохождения кризиса. Если имеются дополнительные объективные основания для ее снижения — учебная неуспешность или телесные отличия, субъективно интерпретируемые подростками как негативные, — конфликтность будет существенно повышена. Вторая причина — это отношения с родителями, затрудняющие «процесс отделения подростка от семьи». Накопленный во взаимодействии с родителями гнев будет проявляться по отношению к сверстникам.

В поликультурных классах добавляются следующие возможные причины конфликтов. Во-первых, это образование аут- и ин-групп и ощущение членами последней себя депривированными. Во-вторых, — затрудненность разрешения конфликтов между подростками, относящимися к культурам, существенно отличающимся между собой по параметрам Г. Хофстеде. В третьих — широкая распространенность у педагогов ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации.

Совместный смех как профилактика конфликтов у подростков

Естественно, в зависимости от причин преобладающих конфликтов необходимо выстраивать коррекционную работу. Она может протекать в разнообразных формах. Однако существует

недостаточно оцененное и применяемое практическими психологами средство для профилактики и коррекции конфликтов в подростковой поликультурной среде — это опыт коллективного смеха. Опираясь на исследования психологии смеха, обсудим, какую роль играет совместный смех в социализации подростков [12].

Как отмечается исследователями, смех антогонистичен к познанию. Он не стремится быть вербализованным. Более того, его цель — перекрыть речевой канал и все, что по нему передается. Если вспомнить про межполушарную асимметрию, то можно сказать, что за речевые навыки отвечает преимущественно левое полушарие. Именно оно активно нагружается в школе, а порой и перегружается.

Правое полушарие, отвечающее за эмоции, как оказалось, поддерживает адаптивные возможности организма. В этой связи становятся понятными мнения исследователей смеха о том, что он смягчает стрессогенное воздействие речи и культуры и способствует лучшей адаптации в трудных условиях.

Кроме того смех можно относить к своеобразному антиповедению, в игро-

вой форме отрицающему запреты и нормы. Особенно полезен он подросткам, для которых антиповедение является достаточно важным. Для них первое проявление чувства взрослости начинается именно с отрицания норм и ценностей взрослого мира.

Таким образом, смех содействует повышению стрессоустойчивости подростков, позволяет проявить антиповедение в игровой форме. Но еще более важным для них становится совместный смех. Как отмечают исследователи [12], смех позволяет проявить игровую агрессию. При этом он является знаком миролюбия. Получается, что смеющиеся вместе подростки, проявляют вонне те избытки агрессивности, которые в подростковом возрасте обязательно накапливаются. А также они ощущают себя коллективной общностью.

В целом можно сделать вывод, что коллективный смех способствует гармонизации развития подростков, позитивно влияет на коммуникацию. Таким образом, его можно считать универсальным средством для профилактики и коррекции любых конфликтов в подростковой среде, в том числе в поликультурном классе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анциупов А.Я., Шитилов А.И.* Конфликтология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2013. 512 с.
2. *Балан В.П., Новосельцев В.И., Душкин А.В., Сумин В.И.* Конфликтология: учеб. пособие для вузов. М.: РиС, 2015. 342 с.
3. *Белик А.А., Александрова Е.А.* Понятие self как форма изучения идентичности // Белик А.А. Историко-теоретические проблемы психологической антропологии. М., 2005. С. 375–396.
4. *Вершок А.Б., Первушина И.М.* Потеря субъектности как внутренний симптом психологических проблем, связанных с отношениями // Современные проблемы психологического консультирования и психотерапии / Под ред. Е.Н. Протасова. М., 2010. С. 5–8.

5. *Гребенкин Е.В.* Школьная конфликтология для педагогов и родителей. Ростов н/Д: Феникс, 2013. 171 с.
6. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. СПб.: Питер, 2003. 464 с.
7. *Дмитриев А.В.* Конфликтология: учебник. М.: Альфа-М, НИЦ ИНФРА-М, 2013. 336 с.
8. *Зеленков М.Ю.* Конфликтология: учебник. М.: Дашков и К, 2013. 324 с.
9. *Кривцова А.С.* Содержание и психологические особенности профессиональной деятельности практического психолога // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 2 (58). С. 137–145.
10. *Любитов И.Е.* Особенности рассмотрения феномена новых религиозных движений в социально-психологических исследованиях // Евразийское Научное Объединение. 2015. Т. 2. № 2 (2). С. 229–232.
11. *Обухов А.С., Вачков И.В., Мякишева Н.М., Ткаченко Н.В., Федосеева А.М., Швецова М.Н.* Психолого-педагогическое взаимодействие участников образовательного процесса: учебник и практикум. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс. М.: Юрайт, 2015. 422 с.
12. Смех — истоки и функции / Под ред. А.Г. Козинцева. СПб.: Наука, 2002. 211 с.
13. *Тринадис Г.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. 384с.
14. *Шарков Ф.И., Сперанский В.И.* Общая конфликтология: учебник для бакалавров. М.: Дашков и К, 2015. 240 с.
15. *Эриксон Э.* Идентичность. Юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
16. *Berkowitz L.* Aggression: its causes, consequences, and control. N.Y.: McGraw-Hill, 1993. 280 с.
17. *Culbertson F.M., Spielberger C.D.* Relations of anger expression to depression and blood pressure in high school students. Stress and emotion: Anxiety, anger, and curiosity // Hemisphere/Taylor & Francis. 1996. Vol. 16. Chap. 11. P. 193–202.
18. *De Moja C.A., Spielberger C.D.* Anger and drug addiction // Psychological Reports. 1997. № 81. P. 152–154.
19. *Hofstede G., Hofstede G.Y., Minkov M.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded 3rd Edition. N.Y.: McGraw-Hill USA, 2010. 587 с.

The main reasons of conflicts between adolescents in the multicultural class and their prevention

O. V. KHUHLAEVA*,

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, huhlaevaolga@mail.ru

The conflict interaction in the adolescent environment, mainly in the context of intercultural interaction, is considered in the article on the basis of theoretical analysis. The relationship between conflict in adolescence and the overcoming of adolescent crisis is described, as well as the conflict was correlated with other age characteristics. A special emphasis is placed on intergroup conflicts. An additional specificity of conflicts in school classes with mixed cultural composition is discussed. An analysis of the specifics of the conflict interaction in connection with the measurement of cultures by G. Hofstede was carried out (individualism-collectivism, power distance, masculinity-femininity and avoidance of uncertainty). The conclusion about the greater urgency of potential contradictions is being made if there are teenagers belonging to widely differing cultures in the school class. The role of laughter culture as manifestations of antipodes in game form for the prevention and correction of conflicts in a adolescent multicultural environment is shown.

Keywords: *conflict, adolescents, adolescent crisis, multicultural school class, measurement of culture.*

REFERENCES

1. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. *Konfliktologiya: uchebnik dlya vuzov* [Conflictology: a textbook for high schools]. SPb.: Piter, 2013. 512 p.
2. Balan V.P., Novosel'tsev V.I., Dushkin A.V., Sumin V.I. *Konfliktologiya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Conflictology: Textbook. manual for high schools]. M.: RiS, 2015. 342 p.
3. Belik A.A., Aleksandrova E.A. *Ponyatie self kak forma izucheniya identichnosti* [The concept of self as a form of studying identity] // Belik A.A. *Istoriko-teoreticheskie problemy psikhologicheskoi antropologii* [Historical and theoretical problems of psychological anthropology]. Moscow, 2005, pp. 375–396.
4. Vershok A.B., Pervushina I.M. *Poterya sub'ektnosti kak vnutrennii simptom psikhologicheskikh problem, svyazannykh s otnosheniyami* [Loss of subjectness as an

For citation:

Khuhlaeva O.V. The main reasons of conflicts between adolescents in the multicultural class and their prevention. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 115–124. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080309

* *Khuhlaeva Olga V.* — Doctor in Pedagogy, associate professor, professor of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, huhlaevaolga@mail.ru

- internal symptom of psychological problems associated with relationships]. In E.N. Protasov (Eds.). *Sovremennye problemy psikhologicheskogo konsul'tirovaniya i psikhoterapii [Modern problems of psycho-counseling and psychotherapy]*. Moscow, 2010, pp. 5–8.
5. Grebenkin E.V. Shkol'naya konfliktologiya dlya pedagogov i roditelei [School conflictology for teachers and parents]. Rostov n/D: Feniks, 2013. 171 c.
 6. Grishina N.V. Psikhologiya konflikta [Psychology of conflict]. Spb.: Piter, 2003. 464 p.
 7. Dmitriev A.V. Konfliktologiya: uchebnik [Conflictology: a textbook]. M.: Al'fa-M, NITs INFRA-M, 2013. 336 p.
 8. Zelenkov M.Yu. Konfliktologiya: uchebnik [Conflictology: a textbook]. Moscow: Dashkov i K, 2013. 324 p.
 9. Krivtsova A.S. Soderzhanie i psikhologicheskie osobennosti professional'noi deyatel'nosti prakticheskogo psikhologa [The content and psychological characteristics of the professional activities of a practical psychologist]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Scientific notes of the Russian State Social University]*, 2008, no. 2 (58), pp. 137–145.
 10. Lyubitov I.E. Osobennosti rassmotreniya fenomena novykh religioznykh dvizhenii v sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniyakh [Features of the consideration of the phenomenon of new religious movements in socio-psychological research]. *Evraziiskoe Nauchnoe Ob"edinenie [Eurasian Scientific Association]*, 2015. Vol. 2, no. 2 (2), pp. 229–232.
 11. Obukhov A.S., Vachkov I.V., Myakisheva N.M., Tkachenko N.V., Fedoseeva A.M., Shvetsova M.N. Psikhologo-pedagogicheskoe vzaimodeistvie uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa: uchebnik i praktikum. Ser. 58 Bakalavr. Akademicheskii kurs [Psychological and pedagogical interaction of participants in the educational process: a textbook and a practical work. Ser. 58 Bachelor. Academic course]. Moscow: Yurait, 2015. 422 p.
 12. Smekh – istoki i funktsii [Laughter – the origins and functions]. In A.G. Kozintsev [Eds.]. Saint-Petersburg: Nauka, 2002. 211 p.
 13. Trinadis G. Kul'tura i sotsial'noe povedenie [Culture and social behavior]. Moscow: Forum, 2007. 384 p.
 14. Sharkov F.I., Speranskii V.I. Obshechaya konfliktologiya: uchebnik dlya bakalavrov [General Conflictology: A Textbook for Bachelors]. Moscow: Dashkov i K, 2015. 240 p.
 15. Erikson E. Identichnost'. Yunost' i krizis [Identity. Youth and crisis]. Moscow: Progress, 1996. 344 p.
 16. Berkowitz L. Aggression: its causes, consequences, and control. N.Y.: McGraw-Hill, 1993. 280 p.
 17. Culbertson F.M., Spielberger C.D. Relations of anger expression to depression and blood pressure in high school students. Stress and emotion: Anxiety, anger, and curiosity. *Hemisphere/Taylor & Francis*, 1996. Vol. 16, no. 11, pp. 193–202.
 18. De Moja C.A., Spielberger C.D. Anger and drug addiction. *Psychological Reports*, 1997, no. 81, pp. 152–154.
 19. Hofstede G., Hofstede G.Y., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded 3rd Edition. N.Y.: McGraw-Hill USA, 2010. 587 p.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри

З.Х. ЛЕПШОКОВА*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, taimiris@yandex.ru

А.Н. ТАТАРКО**,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, tatarako@yandex.ru

Статья посвящена описанию процесса адаптации и модификации методики аккультурационных ожиданий Джона Берри. Под аккультурационными ожиданиями понимаются установки принимающего населения (или представителей доминирующей этнической группы) относительно того, как именно мигранты или представители этнических меньшинств должны адаптироваться среди принимающего населения (или среди представителей доминирующей этнической группы) в различных сферах повседневной жизни. Д. Берри выделяет 4 аккультурационных ожидания: «интеграция» (ранее — «мультикультурализм»), «ассимиляция» (ранее — «плавильный котел»), «сегрегация», «исключение». В процессе адаптации мы внесли модификации в методику, увеличив в два раза количество вопросов по дополнительным сферам повседневной жизни, измеряющих каждое из четырех аккультурационных ожиданий, что позволило значительно увеличить ее надежность—согласованность. С опорой на данные социально-психологического опроса, проведенного на выборке коренного русского населения Москвы (общий объем выборки 198 респондентов, из них 59 мужчин и 139 женщин, средний воз-

Для цитаты:

Лепшокова З.Х., Татарко А.Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 125–146. doi:10.17759/sps.20170803010

* Лепшокова Зарина Хизировна — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, taimiris@yandex.ru

*** Татарко Александр Николаевич, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, tatarako@yandex.ru

раст респондентов 24 года), была продемонстрирована надежность адаптируемой методики, а также ее конструктивная и конвергентная валидность.

Ключевые слова: принимающее население, аккультурационные ожидания, интеграция (мультикультурализм), ассимиляция (плавильный котел), сегрегация, исключение.

Россия является уникальной страной с точки зрения этнической композиции. С одной стороны, русские составляют в России абсолютное этническое большинство, или 80% от населения страны [4], с другой стороны, данные переписи указывают на высокое этническое разнообразие России, в которой проживают представители около 200 этнических групп [1]. Российская Федерация включает 22 национальные республики и 4 национальных автономных округа. При этом Россия характеризуется высокой внутренней миграцией, и представители различных этнических групп перемещаются из одного региона страны в другой. Этническое разнообразие России усиливается также внешней миграцией — Россия находится на 3-ем месте в мире по количеству ежегодно въезжающих мигрантов после США и Германии [16].

Этническое разнообразие России и большое количество мигрантов приводит к определенным сложностям и проблемам в сфере межэтнических отношений. В частности, исследования показывают, что представители этнического большинства зачастую воспринимают меньшинства в качестве угрозы интересам, возможностям и статусу представителей своей этнической группы [17; 28]. Такая воспринимаемая угроза несет негативные последствия не только для этнических меньшинств, но и для этнического большинства [25], поскольку рождает постоянную тревогу и нарушает баланс в сфере межэтнических отношений. Россия, бу-

дучи этнически и культурно-разнообразным государством, сталкивается с активной внутренней и внешней миграцией, в связи с чем время от времени вынуждена решать проблемы в сфере межэтнических отношений. Порой данные проблемы выливаются в межнациональные конфликты, которые приводят к массовым протестам и выступлениям русского населения (например, известные события на Манежной площади или в Бирюлёво в Москве, события в Пугачеве и Кондопоге и др.).

Как мы видим, с одной стороны, увеличение этнического разнообразия общества приводит к усложнению межэтнических отношений в нем, но, с другой стороны, исследования показывают, что увеличение количества мигрантов имеет и позитивные эффекты для общества, в частности:

— интенсивная иммиграция в страну связана с более интенсивным экономическим развитием [22];

— этнически или культурно разнообразная среда способствует повышению креативности [24], в том числе и на уровне рабочих групп и коллективов [26; 21; 27].

В этой связи вопросы аккультурации мигрантов в обществе представляются особенно важными. Термин «аккультурация» обозначает взаимное приспособление этнических групп, сопровождающееся изменением элементов культур обеих групп. Об аккультурации говорят, когда идет речь о взаимном приспособлении мигрантов и принимающего населения в обществе.

Однако для эффективной адаптации мигрантов имеют большое значение не только аккультурационные установки самих мигрантов, но и аккультурационные ожидания принимающего населения, которые описаны в одной из наиболее популярных моделей аккультурации, которая была предложена Д. Берри [6]. В исследованиях по аккультурации подчеркивается, что выбор аккультурационной стратегии мигрантом не происходит в социальном вакууме, т. е. он в определенной степени является ответной реакцией на аккультурационные ожидания принимающего населения [7; 11; 19; 23].

Кроме того, именно принимающее население в большей степени, чем инокультурные мигранты включено в общественную и политическую жизнь своего государства, поэтому их аккультурационные ожидания оказывают наибольшее воздействие на характер межкультурного взаимодействия в стране или регионе [11].

Особенность модели Д. Берри состоит в рассмотрении унаследованной и новой

культурной идентичностей как независимых, ортогональных измерений. Перед временными поселенцами, иммигрантами или беженцами встают два основных вопроса, касающихся идентичности с унаследованной и новой культурой. Первый связан с отношением *к собственной культуре*, ее ценностью для индивида и необходимостью сохранения этнокультурной идентичности. Второй направлен на отношение индивида *к принимающей группе* — насколько взаимодействие с членами данной группы желательно для индивида, т. е. насколько он охотно пойдет на поддержание межкультурных отношений.

Сочетание вариантов ответов на данные вопросы лежит в основе предложенных Д. Берри четырех аккультурационных стратегий мигрантов: «интеграции», «ассимиляции», «сепарации» и «маргинализации» [6] (см. рисунок).

Четыре аналогичных стратегии Д. Берри предложил и для принимающего общества. Если представители принимающего населения готовы позволить мигрантам

Рис. Аккультурационные стратегии мигрантов и аккультурационные ожидания принимающего населения [6]

сохранять свою культуру и одновременно включаться в жизнь принимающего общества, такое аккультурационное ожидание называется «интеграция». Если принимающее население полагает, что мигранты не должны поддерживать свою культурную и этническую идентичность, а должны постоянно стремиться к контакту с представителями принимающего общества, усваивать его культуру и не поддерживать сохранность культуры своей этнической группы, то этот процесс, согласно Д. Берри, связывается с выбором аккультурационного ожидания «ассимиляция». Когда принимающее население ожидает, что группа мигрантов будет стремиться поддерживать только собственную культуру и избегать контактов с представителями доминирующей группы, такой тип взаимодействия соответствует аккультурационному ожиданию «сегрегация». Последнее аккультурационное ожидание — «исключение» — выражается в том, что представители принимающего населения вообще не хотят, чтобы мигранты присутствовали в их жизни, т. е. принимающее население исключает мигрантов из повседневной социальной жизни.

Для оценки аккультурационных ожиданий принимающего населения Д. Берри предложил методику, которая позволяет оценить аккультурационные ожидания принимающего населения в четырех сферах: *культурные традиции, язык, включенность в сообщества, дружеские связи* (см. оригинальную версию методики в Приложении 1). Ранее нами был сделан прямой и обратный перевод методики и предварительная ее апробация [3].

Использование данной методики на выборке 111 русских респондентов показало, что надежность—согласованность вопросов, входящих в шкалы оценки аккультурационных ожиданий, была недостаточно высокой [5]: *сегрегация* — $\alpha =$

$= 0.52$; *исключение* — $\alpha = 0.48$; *интеграция* — $\alpha = 0.69$; *ассимиляция* — $\alpha = 0.49$.

Поэтому в рамках данного исследования мы поставили цель доработать данную методику таким образом, чтобы она имела высокие психометрические показатели.

С целью повышения надежности—согласованности шкал методики мы увеличили количество утверждений (пунктов) в каждой шкале. В модифицированной версии методики мы добавили еще по 4 утверждения на каждую шкалу. Данные утверждения касались других сфер жизни мигрантов: *семья, работа, обучение детей, место проживания*.

Выбор данных сфер жизни обусловлен тем, что процесс аккультурации не происходит одинаково в разных сферах жизни [8; 10; 14; 12]. В методике измерения аккультурационных ожиданий Джона Берри, как мы уже отмечали выше, задействованы лишь четыре сферы жизни мигранта, в отношении которых могут формироваться аккультурационные ожидания принимающего населения: владение языком, включенность в сообщества, культурные традиции и дружеские связи. Последние исследования в области проблем аккультурации показывают, что немаловажными сферами жизни мигранта являются также работа и семейно-брачные отношения в принимающем обществе [18; 19; 20]. Навас и коллеги (2007) отмечают, что аккультурационные установки на ассимиляцию принимающего населения и мигрантов совпадают в такой сфере жизни мигранта, как работа, тогда как несовпадение аккультурационных установок принимающего населения и мигрантов наблюдаются в сфере семейно-брачных отношений. В результате чего мы использовали данные сферы жизни для модификации методики аккультурационных ожиданий.

Включение таких сфер жизни, как место проживания и обучение детей, об-

условлено тем, что на сегодняшний день для принимающего населения и мигрантов существуют проблемы, связанные с анклавизацией мигрантов в определенных районах [2]. Порой мигранты, прибывающие на заработки, дистанцируются от принимающего общества и рассматривают его исключительно как экономический ресурс, в результате чего осознанно пренебрегают освоением основных социокультурных норм принимающего общества. Наиболее характерно такое поведение для мигрантов, проживающих в этнических анклавах. Анклавизация выражается в появлении этнических районов и специальных школ для детей мигрантов. В этой связи нами принято решение включить данные сферы жизни также для модификации методики аккультурационных ожиданий.

В результате каждое аккультурационное ожидание модифицированной версии оценивалось при помощи восьми утверждений, с каждым из которых респондент должен выразить степень согласия в соответствии с пятибалльной шкалой (1 — абсолютно не согласен, 5 — абсолютно согласен). Таким образом, новая апробируемая версия методики аккультурационных ожиданий содержала не 16, а 32 утверждения, посвященных восьми сферам жизни: *культурные традиции, язык, включенность в сообщества, дружеские связи, семья, работа, обучение детей, место проживания.*

Основная задача проведенного эмпирического исследования состояла в валидации новой версии методики аккультурационных ожиданий, выявлении работающих и неработающих пунктов и подготовке в конечном итоге версии методики, обладающей хорошей валидностью и высокой надежностью—согласованностью шкал.

Ниже описаны основные процедуры, которые использовались при адаптации на российской выборке модифициро-

ванной версии методики аккультурационных ожиданий Д. Берри. Приводятся основные психометрические показатели методики. Обе версии методики — оригинальную и модифицированную — можно найти в приложении к данной статье.

Методика исследования

Участники исследования. Опрос проводился в г. Москве, выборку исследования составили 198 русских респондентов (59 мужчин и 139 женщин, средний возраст 24 года), родившихся либо проживающих более 10 лет в Москве.

Инструментарий исследования. Участникам предлагался для заполнения опросник, состоящий из методик, которые позволяют оценить аккультурационные ожидания принимающего населения (валидируемая методика) по отношению к мигрантам и отношение респондентов к этническому разнообразию в целом.

Аккультурационные ожидания принимающего населения (валидируемая методика). Для измерения аккультурационных ожиданий принимающего населения нами использовалась методика Д. Берри, ранее апробированная одним из авторов с коллегами на российской выборке [3]. Методика позволяет оценить 4 аккультурационных ожидания, описанных в теории Д. Берри: интеграции (мультикультурализм), ассимиляции (плавильный котел), сегрегации, исключения.

Как уже отмечалось, в рамках настоящего исследования мы внесли в методику модификацию для повышения ее надежности—согласованности. В результате каждое аккультурационное ожидание модифицированной версии оценивалось при помощи восьми утверждений, с каждым из которых респондент должен выразить сте-

пень согласия в соответствии с пятибалльной шкалой (1 — абсолютно не согласен, 5 — абсолютно согласен). Данная модификация позволила увеличить надежность—согласованность каждой шкалы.

Отношение к этническому разнообразию [13]. Респондентам предлагалось по шестибалльной шкале (1 — абсолютно не согласен, 6 — абсолютно согласен) оценить степень согласия с десятью утверждениями, касающимися этнического разнообразия и отношения к нему. Например: «Я позитивно отношусь к тому, что Москва становится все более этнически разнообразным городом»; «Люди разных национальностей, живущие вокруг, делают нашу жизнь лучше». Надежность—согласованность методики: $\alpha=0.89$.

Установка на поддержание мультикультурной идеологии [9]. Респондентам предлагалось по шестибалльной шкале (1 — абсолютно не согласен, 6 — абсолютно согласен) оценить степень согласия с десятью утверждениями. Данная установка характеризует степень одобрения этническим большинством (или представителями принимающего населения) политики мультикультурализма. Пример прямого утверждения: «Мы должны помогать культурным и расовым меньшинствам сохранять свое культурное наследие в России», пример обратного утверждения: «Единство страны ослабляется представителями разных этнических и культурных групп, живущими по своим традициям». Надежность—согласованность методики: $\alpha=0.78$.

Шкалы для измерения отношения к этническому разнообразию и установке на поддержание мультикультурной идеологии мы использовали для оценки конвергентной валидности модифицированной версии опросника аккультурационных ожиданий. Если модификация проведена корректно, то аккультураци-

онные ожидания должны быть связаны с отношением к этническому разнообразию и установкой на мультикультурную идеологию следующим образом: интеграция — позитивно, ассимиляция, сегрегация и исключение — негативно.

Статистический анализ. Для обработки данных мы использовали: описательные статистики, коэффициент α -Кронбаха, конфирматорный факторный анализ и корреляционный анализ. Данные обрабатывались при помощи программ SPSS и AMOS.

Результаты исследования

Описательные статистики пунктов и шкал опросника, а также коэффициенты α -Кронбаха, характеризующие надежность—согласованность шкал, приводятся в табл. 1. Курсивом выделены новые пункты, дополнительно добавленные к каждой шкале.

В таблице можно видеть, что значения коэффициентов α Кронбаха для всех шкал вполне удовлетворительны ($\alpha > 0.70$), т. е. новый вариант шкал характеризуется приемлемым уровнем надежности—согласованности.

Относительно выраженности определенных аккультурационных ожиданий у принимающего населения Москвы можно сказать, что наиболее предпочитаемым является аккультурационное ожидание «интеграция», затем следует «ассимиляция», далее «сегрегация», наименее предпочитаемым ожиданием оказалось «исключение». Кроме того, нами были подсчитаны средние значения по четырем аккультурационным ожиданиям для женщин и мужчин (табл. 2).

Данные, представленные в табл. 2, свидетельствуют о том, что женщины в боль-

Таблица 1

Описательная статистика и показатели надежности шкал

Шкалы	N	Min.	Max.	M	SD	Skew.	Kurt.
1	2	3	4	5	6	7	8
Интеграция (Мультикультурализм) α Кронбаха — 0.80	198	1	5	3,99	0.63	1.50	4.39
Мигранты должны владеть в совершенстве и родным, и русским языком (владение языком)*	198	1	5	3.96	1.00	-1.31	1.61
Я считаю, что мигранты должны как сохранять свои культурные традиции, так и осваивать русские (культурные традиции)	198	1	5	4.31	0.93	-1.79	3.37
Мигрантам следует участвовать в тех видах деятельности, где участвуют и русские, и представители их этнической группы (деятельность)	198	1	5	3.76	0.97	-1.09	1.39
Мигрантам следует иметь друзей и своей национальности, и русских (друзья)	198	1	5	4.17	0.85	-1.59	3.72
<i>Лучше всего если мигранты будут жить среди русских, соблюдая нормы поведения, принятые в русской культуре, но при этом сохраняя нормы поведения, принятые и в их культуре** (место проживания/нормы поведения)</i>	198	1	5	4.21	1.04	1.37	1.33
<i>Я считаю, что мигранты здесь могут заключать браки, как с русскими, так и с представителями своего народа (семья)</i>	198	1	5	3.84	1.13	-1.04	0.35
<i>Лучше всего, если мигранты будут учить своих детей в общеобразовательных школах в поликультурных классах, в которых учатся как русские, так и дети мигрантов (обучение детей)</i>	198	1	5	3.94	0.93	-0.92	0.82
<i>Лучше, если будут образовываться смешанные коллективы, в которых работают и русские и мигранты (работа)</i>	198	1	5	3.70	1.02	-0.81	0.36
Ассимиляция (Плавильный котел) α Кронбаха — 0.69	198	1	5	2.35	0.61	-0.41	-0.12
Мигрантам следует участвовать в тех видах деятельности, где участвуют только русские (деятельность)	198	1	5	2.07	0.94	0.58	-0.18
Я считаю, что мигранты должны осваивать русские культурные традиции и не поддерживать собственные (культурные традиции)	198	1	5	1.97	0.98	1.11	1.07
Мигрантам следует дружить только с россиянами (друзья)	198	1	5	1.66	0.76	1.08	1.23
Мигрантам важнее владеть в совершенстве русским языком, чем родным (владение языком)	198	1	5	2.56	1.24	0.44	0.85

Шкалы	N	Min.	Max.	M	SD	Skew.	Kurt.
1	2	3	4	5	6	7	8
Я считаю, что мигрантам следует учить своих детей в общеобразовательных школах среди русских детей, а не в специальных национальных школах или отдельных классах для мигрантов (обучение детей)	198	1	5	3.58	1.15	-0.61	-0.39
Мигрантам следует здесь жить среди русских, в соответствии нормами поведения русской культуры, а не в этнических районах (место проживания/нормы поведения)	198	1	5	3.46	1.15	-0.54	-0.45
Лучше, если мигранты будут работать здесь среди русских, а не среди представителей своей этнической группы (работа)	198	1	5	2.86	0.95	-0.19	0.11
Мигрантам лучше заключать браки с русскими, чем с представителями своего народа (семья)	198	1	5	1.89	0.85	0.67	-0.01
Сегрегация α Кронбаха – 0.77	198	1	5	2.07	0.62	0.86	1.58
Мигранты должны придерживаться своих культурных традиций и не перенимать русские (культурные традиции)	198	1	5	2.05	0.82	0.58	0.54
Мигрантам следует участвовать только в тех видах деятельности, где участвуют члены их этнической группы (деятельность)	198	1	5	2.10	1.10	0.73	-0.43
Мигрантам важнее владеть в совершенстве родным языком, чем русским (владение языком)	198	1	5	2.39	1.04	0.26	-0.89
Мигранты должны иметь друзей только своей национальности (друзья)	198	1	5	1.44	0.77	1.96	3.95
Мигрантам лучше заключать браки только с представителями своего народа и не заключать их с русскими (семья)	198	1	5	2.42	1.20	0.61	-0.46
Я считаю, что мигранты должны работать там, где работают представители их этнической группы, а не работать там, где работают русские (работа)	198	1	5	1.94	0.98	1.26	1.64
Я считаю, что мигранты должны учить своих детей в специальных национальных школах для мигрантов, а не в школах, где обучаются русские дети (обучение детей)	198	1	5	2.14	1.08	0.95	0.40
Мигрантам следует жить в этнических районах в соответствии со своими культурными нормами поведения, а не среди русских (место проживания/нормы поведения)	198	1	5	2.08	1.00	0.76	-0.05
Исключение α Кронбаха – 0.79	198	1	5	1.84	0.65	1.29	2.26
Для мигрантов неважно владеть в совершенстве ни родным, ни русским языком (владение языком)	198	1	5	1.60	0.82	1.70	3.40

Шкалы	N	Min.	Max.	M	SD	Skew.	Kurt.
1	2	3	4	5	6	7	8
Мигрантам не следует участвовать в деятельности, как российских организаций, так и своих этнических групп (деятельность)	198	1	5	2.11	0.99	0.99	0.87
Я считаю, что мигрантам не важно как поддерживать свои культурные традиции, так и усваивать русские (культурные традиции)	198	1	5	2.32	1.16	0.61	-0.42
Мигрантам не следует дружить ни с людьми своей национальности, ни с русскими (друзья)	198	1	5	1.32	0.67	2.35	6.02
Мигрантам здесь не следует заключать браки ни с русскими, ни с представителями своего народа (семья)	198	1	5	1.77	1.07	1.48	1.58
Я считаю, что мигрантам здесь не следует учить своих детей, ни в российских общеобразовательных школах, ни в национальных (обучение детей)	198	1	5	1.88	1.12	1.18	0.49
Я считаю, что мигрантам здесь вообще не следует работать — ни среди русских, ни среди представителей своего народа (работа)	198	1	5	1.68	0.99	1.39	1.16
Я считаю, что мигрантам вообще не следует жить здесь — ни в этнических районах, ни среди русских (место проживания/нормы поведения)	198	1	5	2.04	1.24	0.97	-0.24

Примечание. Условные обозначения: N — количество человек; Min. — минимальное значение; Max. — максимальное значение; M — среднее; SD — стандартное отклонение; Skew. — коэффициент асимметрии; Kurt. — коэффициент эксцесса; α — коэффициент α Кронбаха. * Сфера жизни, к которой относится пункт. ** Курсивом выделены новые пункты, которые разработаны авторами статьи и обсуждены с автором методики Джоном Берри.

Таблица 2

Межгрупповые различия в аккультурационных ожиданиях у мужчин и женщин

Аккультурационные ожидания	Мужчины	Женщины	t	Cohen's d
	M (SD)	M (SD)		
Интеграция (мультикультурализм)	3.78(.70)	4.06(.59)	2.88**	0,45
Ассимиляция (плавильный котел)	2.48(.57)	2.30(.62)	1.82	-.30
Сегрегаця	2.09(.68)	2.06(.60)	.29	-.05
Исключение	2.02(.75)	1.77(.59)	2.45*	-.39

Примечание: Условные обозначения: N — количество человек; M — среднее; SD — стандартное отклонение; t — статистика различий t-критерий Стьюдента; Cohen's d — статистика размера эффекта d Коэна. «*» — $p < 0.05$; «**» — $p < 0.01$.

шей степени предпочитают аккультурационное ожидание «интеграция», тогда как мужчины, по сравнению с женщинами, более склонны к предпочтению аккультурационного ожидания «исключение».

Для оценки структурной валидности шкал мы использовали конфирматорный факторный анализ, который позволил выявить те пункты, дисперсия которых статистически незначимо объяснялась латентными факторами, представляющими четыре шкалы опросника.

После проведения первой серии конфирматорного факторного анализа каждой шкалы мы обнаружили, что изначально модели каждой шкалы имеют слабые значения индексов пригодности [15]:

«интеграция (мультикультурализм)» ($\chi^2/df = 4.084$; CFI = .86; RMSEA = .12; PCLOSE=.000);

«ассимиляция (плавильный котел)» ($\chi^2/df = 4.183$; CFI = .768; RMSEA = .127; PCLOSE=.000);

«сегрегация» ($\chi^2/df = 1.531$; CFI = .978; RMSEA = .052; PCLOSE=.427);

«исключение» ($\chi^2/df = 4.517$; CFI = .874; RMSEA = .134; PCLOSE=.000).

С целью улучшения качества моделей мы удалили пункты, имеющие статистически незначимые связи с латентными факторами (факторные нагрузки) и провели вторую серию конфирматорного факторного анализа каждой шкалы. В табл. 3 для простоты восприятия вместо самих пунктов (которые можно увидеть в табл. 1) мы приводим сферы жизни мигрантов, оцениваемые в каждом из пунктов, и соответствующие данным пунктам факторные нагрузки после удаления «неработающих» пунктов. В таблице приводятся итоговые факторные нагрузки и индексы пригодности итоговых моделей, качество которых значительно улучшилось.

Анализ содержания удаленных пунктов показал, что есть не только статистические, но и содержательные основания для их удаления, о которых будет сказано в разделе обсуждения результатов.

Далее мы оценили два вида валидности методики — конструктивную и конвергентную. Для оценки конструктивной валидности мы оценили интеркорреляцию шкал методики. Мы предположили, что если методика обладает конструктивной валидностью, то интеркорреляция шкал методики должна иметь следующий вид:

— «интеграция (мультикультурализм)» должна иметь высокую отрицательную корреляцию с «сегрегацией» и «исключением» и слабую отрицательную — с «ассимиляцией»;

— «ассимиляция (плавильный котел)» должна иметь отрицательную связь с «интеграцией», позитивную связь с «исключением» и «сегрегацией», поскольку «ассимиляция» — это тоже неприятие мигрантов, их образа жизни, только более мягкий;

— «сегрегация» должна иметь высокую позитивную связь с «исключением» (так как это по сути близкие аккультурационные ожидания), невысокую позитивную связь с «ассимиляцией» (по указанной выше причине) и высокую отрицательную связь с «интеграцией»;

— «исключение» должно иметь высокую позитивную связь с «сегрегацией», невысокую позитивную связь с «ассимиляцией» и высокую отрицательную связь с «интеграцией».

Результаты проверки данных предположений можно видеть в табл. 4.

Конвергентная валидность была оценена путем проверки корреляций между шкалами аккультурационных ожиданий принимающего населения, установкой на поддержание мультикультурной иде-

Таблица 3

Факторные нагрузки пунктов шкал аккультурационных ожиданий

Сферы жизни мигрантов	Факторные нагрузки каждого пункта			
	Интеграция	Ассимиляция	Сегрегация	Исключение
1. Владение языком	Удален из-за низкой факторной нагрузки (.20)	.71***	Удален из-за низкой факторной нагрузки (.03)	Удален из-за низкой факторной нагрузки (.04)
2. Культурные традиции	.44***	.74***	Удален из-за низкой факторной нагрузки (.08)	.26**
3. Включенность в деятельность	.55***	.43***	.53***	.37***
4. Друзья	.59***	.60***	.69***	.63***
5. Место проживания/ нормы поведения	.55***	.45***	.64***	.73***
6. Семья	.70***	.19*	.67***	.80***
7. Обучение детей	.68***	Удален из-за низкой факторной нагрузки (.08)	.68***	.86***
8. Работа	.80***	.38***	.93***	.66***
Индексы пригодности моделей после удаления пунктов с низкой факторной нагрузкой	$\chi^2/df = 2.013$ CFI = .97 RMSEA = .07 PCLOSE = .173	$\chi^2/df = 1.545$ CFI = .97 RMSEA = .05 PCLOSE = .414	$\chi^2/df = 1.468$ CFI = .991 RMSEA = .04 PCLOSE = .457	$\chi^2/df = 1.898$ CFI = .979 RMSEA = .07 PCLOSE = .213
α-Кронбаха до коррекции / после коррекции шкалы	0,80/0,82	0,69/0,73	0,77/0,84	0,79/0,82

Примечание: «*» – $p < 0.05$; «**» – $p < 0.01$; «***» – $p < 0.001$.

Таблица 4

Корреляции между аккультурационными ожиданиями, отношением к этническому разнообразию и установкой на поддержание мультикультурной идеологии

Аккультурационные ожидания	1	2	3	4	5	6
1. Отношение к этническому многообразию	-	.63***	.46***	-.51***	-.45***	-.56***
2. Мультикультурная идеология	.63***	-	.53***	-.39***	-.53***	-.58***
3. Интеграция (мультикультурализм)	.46***	.53***	-	-.18*	-.59***	-.69***
4. Ассимиляция (плавильный котел)	-.51***	-.39***	-.18*	-	.23**	.33***
5. Сегрегация	-.45***	-.53***	-.59***	.23**	-	.69***
6. Исключение	-.56***	-.58***	-.69***	.33***	.69***	-

Примечание: «*» – $p < 0.05$; «**» – $p < 0.01$; «***» – $p < 0.001$.

ологии и их отношением к этническому разнообразию, результаты представлены также в табл. 4.

Как видно из табл. 4, аккультурационное ожидание интеграции (мультикультурализма) значимо положительно связано с позитивным отношением к этническому разнообразию и установкой на поддержание мультикультурной идеологии, тогда как аккультурационные ожидания ассимиляции (плавильного котла), сегрегации и исключения значимо отрицательно связаны с позитивным отношением к этническому разнообразию и установкой на поддержание мультикультурной идеологии.

В целом полученные результаты свидетельствуют о наличии конструктивной и конвергентной валидности модифицированной версии методики измерения аккультурационных ожиданий.

Обсуждение результатов исследования

Цель данного исследования состояла в улучшении психометрических показателей методики измерения аккультурационных ожиданий принимающего населения путем включения дополнительных пунктов в каждую шкалу. В итоге в новую версию методики были включены 32 утверждения, посвященных восьми сферам жизни: культура, язык, включенность в сообщества, дружеские связи, семья, работа, обучение детей, место проживания/нормы поведения. После апробации новой версии методики осталось 27 пунктов.

Далее представлено описание изменений, которые были внесены в состав каждой из шкал после апробации методики.

Шкала оценки аккультурационного ожидания «интеграция» (мультикультурализм). В результате конфирматорного анализа из шкалы интеграции был удален пункт, касающийся владения языком: «Мигранты должны владеть в совершенстве и родным и русским языками». Как оказалось, данный пункт не связан с психологической установкой, лежащей в основе аккультурационного ожидания «интеграция». Причины этого достаточно прозрачны. Согласно теории аккультурации Д. Берри, «интеграция» предполагает для мигрантов возможность не только включения в культуру принимающего общества, но и сохранения собственной культуры. Язык является одним из элементов культуры, соответственно, автор методики предполагал, что представители большинства, ориентированные на интеграцию мигрантов, будут считать, что для мигрантов, наряду с освоением основного языка межкультурного общения, также допустимо сохранение и поддержание родного языка. Однако в контексте России данное предположение не соотносится с реальностью. В общественном сознании одним из ключевых моментов, необходимых для успешной интеграции мигрантов в социум, является свободное владение русским языком. Поэтому, утверждение, в котором говорится о том, что мигранты *должны* владеть в совершенстве и родным и русским языком, вероятнее всего, вызывает у респондентов непонимание и, как следствие, не работает. Поэтому мы приняли решение исключить данный пункт из шкалы «интеграция» в российском контексте.

Шкала оценки аккультурационного ожидания «ассимиляция» (плавильный котел). Из шкалы ассимиляции (плавильного котла) был удален пункт, ка-

сающийся обучения детей: «Я считаю, что мигрантам следует учить своих детей в общеобразовательных школах среди русских детей, а не в специальных национальных школах или отдельных классах для мигрантов».

Если проанализировать содержание этого пункта, то видно, что по своему смыслу он относится скорее к интеграции, нежели к ассимиляции. Поэтому мы оценили связи этого пункта с показателями по трем другим стратегиям, а также с позитивным отношением к культурному многообразию. Корреляции (коэффициент корреляции Спирмена) были следующими: с «интеграцией» — $r=0.34$ ($p<0.001$); с «ассимиляцией» — $r=0.07$ ($p>0.29$); с «сегрегацией» — $r=-0.35$ ($p<0.001$); с «исключением» — $r=-0.27$ ($p<0.001$); с «позитивным отношением к этническому многообразию» — $r=0.22$ ($p<0.001$). Таким образом, целесообразным будет перемещение данного пункта в шкалу «интеграция». Однако поскольку в данную шкалу уже включен пункт, относящийся к данной сфере аккультурации, который имеет более высокую корреляцию с суммарным баллом по шкале (0.59), мы не стали переносить неудачно сформулированный пункт из шкалы в шкалу, просто удалив его на данном этапе валидации методики.

Шкала оценки аккультурационного ожидания «сегрегации». Из шкалы сегрегации были удалены пункты из таких сфер жизни, как культурные традиции: «Мигранты должны придерживаться своих культурных традиций и не перенимать русские» и владение языком: «Мигрантам важнее владеть в совершенстве родным языком, чем русским». Получается, что аккультурационное ожидание сегрегации априори не включает в себя представления о том, на каком языке

могут говорить мигранты и насколько они могут сохранять свои культурные традиции в принимающем обществе. Видимо, для людей, ориентированных на сегрегацию, совершенно безразлично, на каком языке будут говорить мигранты и насколько они сохраняют свою культуру, поскольку они не хотят, чтобы мигранты жили рядом с ними, а, следовательно, оказывается низкой и важность того, на каком языке общаются мигранты и насколько они стремятся сохранять свою культуру. Поэтому удаление данных двух пунктов имеет психологический смысл.

Шкала оценки аккультурационного ожидания «исключение». Из шкалы «исключение» был удален пункт, касающийся владения языком: «Для мигрантов неважно владеть в совершенстве ни родным, ни русским языком». Видимо, как и в случае с сегрегацией, для людей, ориентированных на полное исключение мигрантов из общества, совершенно безразлично, на каком языке будут говорить мигранты.

Нетрудно заметить, что пункты, касающиеся владения языком были удалены из всех шкал, кроме шкалы ассимиляции (плавильного котла), поскольку их присутствие и понижало согласованность—надежность оригинальной версии методики измерения аккультурационных ожиданий принимающего населения.

Модификация методики измерения аккультурационных ожиданий позволила нам не только повысить надежность—согласованность шкал, но также включить довольно актуальные сферы жизни, где данные установки проявляются в большей степени. Оригинальная и модифицированная версии опросника представлены в приложении.

Ограничения исследования

В результате анализа выяснилось, что пункты, касающиеся места проживания мигрантов во всех шкалах сформулированы не совсем точно, в случае с интеграцией речь идет о соблюдении норм: «Лучше всего, если мигранты будут жить среди русских, соблюдая нормы поведения, принятые в русской культуре, но при этом сохраняя нормы поведения, принятые и в их культуре». В случае с ассимиляцией и сегрегацией речь идет не только о соблюдении норм, но и о жизни в этнических районах: «Мигрантам следует здесь жить среди русских в соответствии нормами поведения русской культуры, а не в этнических районах» и «Мигрантам следует жить в этнических районах в соответствии со своими культурными нормами поведения, а не среди русских». В случае с исключением речь идет лишь о жизни в этнических районах: «Я считаю, что мигрантам вообще не следует жить здесь — ни в этнических районах, ни среди русских». Как мы видим, данные пункты нужно привести в единообразный вид в рамках такой сферы жизни, как местожительство и нормы поведения. В шкале интеграции данный пункт должен быть сформулирован следующим образом: «Лучше всего, если мигранты будут жить в этнических районах, где большинство населения русские, соблюдая нормы поведения, принятые в русской культуре, но при этом сохраняя нормы поведения, принятые и в их культуре»; в шкале ассимиляции: «Мигрантам следует здесь жить в районах, где большинство составляют русские, в соответствии нормами поведения русской культуры, а не в этнических районах»: в шкале сегрегации: «Мигрантам следует жить в этнических районах в соответ-

ствии со своими культурными нормами поведения, а не в районах, где русские составляют большинство населения»; в шкале исключение: «Я считаю, что мигрантам вообще не следует жить здесь — ни в этнических районах, ни в районах, где русские составляют большинство населения». В модифицированную версию опросника измененные пункты не вошли, так как требуют дополнительной адаптации. Данную модификацию рекомендуется провести в перспективе.

Важным ограничением данного исследования является гендерный состав выборки, большинство респондентов были женщины, которые чаще настроены на интеграцию и реже — на исключение мигрантов, чем мужчины.

Заключение

В результате адаптации и модификации методики измерения аккультурационных ожиданий очевидным стало, что добавление пунктов по таким важным сферам жизни, как работа, обучение детей, место проживания/нормы поведения, в отношении которых формируются аккультурационные ожидания принимающего населения, повысили согласованность—надежность первоначальных шкал.

Так как аккультурационные ожидания принимающего населения относительно представителей разных групп могут различаться, то можно спрашивать респондентов относительно представителей конкретных этнических групп или категорий мигрантов, а не мигрантов в целом.

Изучение аккультурационных ожиданий является актуальной задачей психологии аккультурации, которая поможет

больше понять и объяснить различные аккультурационные установки представителей принимающего населения в отношении того, как должны вести себя мигранты в принимающем обществе. В целом важным и валидным инструментом для решения этой задачи можно считать модифицированную версию опросника Джона Берри.

В нашем исследовании валидизация методики проводилась на русском принимающем населении Москвы, что может сказываться на ее психометрических показателях при применении в городах национальных республик, поэтому требуется более широкая апробация данной методики и оценка ее инвариантности.

Приложения

Приложение 1

Оригинальная версия опросника аккультурационных ожиданий Д. Берри

Пожалуйста, укажите степень Вашего согласия с приведенными утверждениями. 1 = Абсолютно не согласен; 2 = Скорее не согласен; 3 = Не знаю, не уверен; 4 = Согласен; 5 = Абсолютно согласен.

Мигранты должны придерживаться своих культурных традиций и не перенимать русские. Для мигрантов не важно владеть в совершенстве ни родным, ни русским языком.

Мигрантам не следует участвовать в деятельности организаций как российских, так и своих этнических групп.

Мигрантам следует участвовать только в тех видах деятельности, где участвуют члены их этнической группы.

Мигранты должны владеть в совершенстве и родным, и русским языком.

Мигрантам следует участвовать в тех видах деятельности, где участвуют только русские.

Я считаю, что мигрантам не важно как поддерживать свои культурные традиции, так и усваивать русские.

Мигрантам важнее владеть в совершенстве родным языком, чем русским.

Я считаю, что мигранты должны как сохранять свои культурные традиции, так и осваивать русские.

Я считаю, что мигранты должны осваивать русские культурные традиции и не поддерживать собственные

Мигрантам следует дружить только с россиянами.

Мигрантам важнее владеть в совершенстве русским языком, чем родным.

Мигрантам не следует дружить ни с людьми своей национальности, ни с русскими.

Мигранты должны иметь друзей только своей национальности.

Мигрантам следует участвовать в тех видах деятельности, где участвуют и россияне, и представители их этнической группы.

Мигрантам следует иметь друзей и своей национальности, и русских.

Ключи:

Интеграция (мультикультурализм) — 5, 9, 15, 16;

Ассимиляция (плавильный котел) — 6, 10, 11, 12;

Сегрегация — 1, 4, 8, 14;

Исключение — 2, 3, 7, 13.

**Адаптированная и модифицированная версия опросника
аккультурационных ожиданий Д. Берри**

Пожалуйста, укажите степень Вашего согласия с приведенными утверждениями. 1 = Абсолютно не согласен; 2 = Скорее не согласен; 3 = Не знаю, не уверен; 4 = Согласен; 5 = Абсолютно согласен.

1. Мигрантам не следует участвовать в деятельности как российских организаций, так и своих этнических групп.
2. Мигрантам следует участвовать только в тех видах деятельности, где участвуют члены их этнической группы.
3. Мигрантам следует участвовать в тех видах деятельности, где участвуют только русские.
4. Я считаю, что мигрантам не важно как поддерживать свои культурные традиции, так и усваивать русские.
5. Я считаю, что мигранты должны как сохранять свои культурные традиции, так и осваивать русские.
6. Я считаю, что мигранты должны осваивать русские культурные традиции и не поддерживать собственные.
7. Мигрантам следует дружить только с россиянами.
8. Мигрантам важнее владеть в совершенстве русским языком, чем родным.
9. Мигрантам не следует дружить ни с людьми своей национальности, ни с русскими.
10. Мигранты должны иметь друзей только своей национальности.
11. Мигрантам следует участвовать в тех видах деятельности, где участвуют и россияне, и представители их этнической группы.
12. Мигрантам следует иметь друзей и своей национальности, и русских.
13. Мигрантам лучше заключать браки только с представителями своего народа и не заключать их с русскими.
14. Я считаю, что мигранты должны работать там, где работают представители их этнической группы, а не работать там, где работают русские.
15. Мигрантам здесь не следует заключать браки ни с русскими, ни с представителями своего народа.
16. Лучше всего если мигранты будут жить среди русских, соблюдая нормы поведения, принятые в русской культуре, но при этом сохраняя нормы поведения, принятые и в их культуре.
17. Мигрантам следует здесь жить среди русских в соответствии нормами поведения русской культуры, а не в этнических районах.
18. Лучше, если мигранты будут работать здесь среди русских, а не среди представителей своей этнической группы.
19. Я считаю, что мигранты должны учить своих детей в специальных национальных школах для мигрантов, а не в школах, где обучаются русские дети.
20. Я считаю, что мигранты здесь могут заключать браки, как с русскими, так и с представителями своего народа.
21. Мигрантам лучше заключать браки с русскими, чем с представителями своего народа.
22. Я считаю, что мигрантам здесь не следует учить своих детей, ни в российских общеобразовательных школах, ни в национальных
23. Лучше всего, если мигранты будут учить своих детей в общеобразовательных школах в поликультурных классах, в которых учатся как русские, так и дети мигрантов.

24. Мигрантам следует жить в этнических районах в соответствии со своими культурными нормами поведения, а не среди русских.

25. Я считаю, что мигрантам здесь вообще не следует работать — ни среди русских, ни среди представителей своего народа.

26. Я считаю, что мигрантам вообще не следует жить здесь — ни в этнических районах, ни среди русских.

27. Лучше, если будут образовываться смешанные трудовые коллективы, в которых работают и русские и мигранты.

Ключи:

Интеграция (мультикультурализм) — 5, 11, 12, 16, 20, 23, 27;

Ассимиляция (плавильный котел) — 3, 6, 7, 8, 17, 18, 21;

Сегрегация — 2, 10, 13, 14, 19, 24;

Исключение — 1, 4, 9, 15, 22, 25, 26.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-36-01058 «Взаимосвязь социально-психологического капитала личности с отношением к этническому разнообразию и аккультурационными установками».

ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийская перепись населения. Федеральная служба государственной статистики. 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.05.2017).
2. *Кузнецов И.М.* Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 79–94.
3. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Стратегии межэтнического взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009. 423 с.
4. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Сообщение Росстата [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly, 2011. № 491–492 URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php#_FNR_4 (дата обращения: 25.05.2017).
5. *Татарко А.Н., Родионов Г.Я.* Взаимосвязь доверия и аккультурационных ожиданий принимающего населения // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2017 (в печати).
6. *Berry J.W.* Contexts of Acculturation // Immigrant Youth in Cultural Transition Mahwah / In J.W. Berry, L.S. Phinney, D.L. Sam, P. Vedder (Eds.). NY.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 27–42.
7. *Berry J.W.* Immigration, Acculturation and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46 (1). P. 5–68. doi: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
8. *Berry J.W.* Psychology of acculturation // Cross-cultural perspectives, Nebraska Symposium on Motivation / In J. Berman (Ed.). Lincoln, NE.: University of Nebraska Press, 1990. P. 201–234.
9. *Berry J.W., Kalin R.* Multicultural policy and social psychology: The Canadian experience // Political psychology: Cultural and cross-cultural foundations / In S.A. Renshon, J. Duckitt (Eds.). London, UK: Macmillan, 2000. P. 263–284.

10. *Berry J.W., Sam D.L.* Acculturation and adaptation // Handbook of cross-cultural psychology. Social behavior and applications / In J.W. Berry, M.H. Segall, C. Kagitcibasi (Eds.). Boston: Allyn and Bacon, 1997. P. 291–326.
11. *Bourhis R.Y., Monse L.C., Perreault S., Senecal S.* Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach // International Journal of Psychology. 1997. Vol. 32(6). P.369–386. doi: 10.1080/002075997400629
12. *Eshel Y., Rosenthal-Sokolov M.* Acculturation Attitudes and Sociocultural Adjustment of Sojourner Youth in Israel // Journal of Social Psychology. 2000. Vol. 140(6). P. 677–691. doi: 10.1080/00224540009600509
13. *Florack A., Bless H., Piontkowski U.* When do people accept cultural diversity? Affect as determinant // International Journal of Intercultural Relations. 2003. Vol. 27(6). P. 627–640. doi: 10.1016/j.ijintrel.2003.08.003
14. *Horenczyk G.* Migrant identities in conflict: Acculturation attitudes and perceived acculturation ideologies // Changing European identities: Social psychological analyses of social change / In G. Breakwell, E. Lyons (Eds.). Oxford, UK: Butterworth-Heinemann, 1996. P. 241–250.
15. *Hu L.T., Bentler P.M.* Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives // Structural Equation Modeling. 1999. Vol. 6(1). P. 1–55. doi: 10.1080/10705519909540118
16. International Migration Report, 2016 / UN Department of Economic and Social Affairs Population Division // United Nations. New York. 2016.
17. *Kaiser C.R., Pratt-Hyatt J.S.* Distributing prejudice unequally: Do Whites direct their prejudice toward strongly identified minorities? // Journal of personality and social psychology. 2009. Vol. 96(2). P. 432–445. doi: 10.1037/a0012877
18. *Mancini T., Bottura B.* Acculturation processes and intercultural relations in peripheral and central domains among native Italian and migrant adolescents. An application of the Relative Acculturation Extended Model (RAEM) // International Journal of Intercultural Relations. 2014. Vol. 40. P. 4049–63. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.12.002
19. *Navas M., Rojas A.J., García M., Pumares P.* Acculturation strategies and attitudes according to the Relative Acculturation Extended Model (RAEM): The perspectives of natives versus immigrants // International Journal of Intercultural Relations. 2007. Vol. 31. P. 67–86. doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.08.002
20. *Navas M.S., García M.C., Sánchez J., Rojas A.J., Pumares P., Fernández J.S.* Relative acculturation extended model (RAEM): New contributions with regard to the study of acculturation // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. P. 21–37. doi: 10.1016/j.ijintrel.2005.04.001
21. *O'Reilly C., Williams R.K., Barsage, S.* Group Demography and Innovation: Does Diversity Help? // Research in the Management of Groups and Teams / In E. Mannix, M. Neale (Eds.). Greenwich, CT: JAI Press, 1997.
22. *Putnam R.D.* E pluribus Unum: Diversity and community in the twenty-first century: The 2006 Johan Skytte Prize Lecture // Scandinavian Political Studies. 2007. Vol. 30. P. 137–174. doi: 10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x
23. *Rohmann A., Florack A., Piontkowski U.* The role of discordant acculturation attitudes in perceived threat: An analysis of host and immigrant attitudes in Germany //

- International Journal of Intercultural Relations. 2006. Vol. 30(6), 683–702. doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.06.006
24. *Simonton D.K.* Origins of Genius. New York: Oxford University Press, 1999.
25. *Stephan W.* Intergroup anxiety theory, research, and practice // Personality and Soc. Psychol. Rev. 2014. Vol. 18(3). P. 239–255. doi: 10.1177/1088868314530518
26. *Webber S.S., Donahue L.M.* Impact of Highly and Less Job-related Diversity on Work Group Cohesion and Performance: A Meta-analysis // Journal of Management. 2001. Vol. 27. P. 141–62. doi: 10.1177/014920630102700202
27. *Williams, K.Y. O'Reilly, C.A.* 'Demography and Diversity in Organizations: A Review of 40 Years of Research' // Research in Organizational Behavior / In B.M. Staw, L.L. Cumming (Eds.). Greenwich, CT: JAI Press, 1998.
28. *Yogeeswaran K., Dasgupta N., Gomez C.* A new American dilemma? The effect of ethnic identification and public service on the national inclusion of ethnic minorities // European Journal of Social Psychology. 2012. Vol. 42 (6) P. 691–705. doi: 10.1002/ejsp.1894

Adaptation and modification of John Berry's measure of acculturation expectations

Z.KH. LEPSHOKOVA*,

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
taimiris@yandex.ru*

A.N. TATARKO**,

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
tatarko@yandex.ru*

The paper is devoted to the description of the process of adaptation and modification on the Russian sample Berry's questionnaire of acculturation expectations. Acculturation expectations are the host population's (or representatives of dominant ethnic groups) attitudes towards the migrants or members of ethnic minorities. In his own theory of acculturation, John Berry described four acculturation expectations of the host population: "integration" (previously known as "multiculturalism"), "assimilation" (or "the melting pot"), "segregation", "exclusion". In addition, Berry developed questionnaire of personal preferences of acculturation attitudes. In our study, we adapted this questionnaire on the Russian sample. In the process of adaptation, we have made some modifications in the questionnaire, increasing twice the number of items, this helps us increase reliability and consistency of the Russian version of this questionnaire. Then we conducted the socio-psychological survey on a sample of the indigenous Russian population of Moscow (total sample size of 198 respondents, including 59 men and 139 women, the average age of respondents 24 years). According to the obtained results, the adapted and modified questionnaire of acculturation expectations can be considered a reliable and valid instrument for measuring the acculturation expectations of host population/ dominant society in the Russian Federation.

Keywords: *host population, acculturation expectations, integration (multiculturalism), assimilation (melting pot), segregation, exclusion.*

For citation:

Lepshokova Z.Kh., Tatarko A.N. Adaptation and modification of John Berry's measure of acculturation expectations. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 125–146. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.20170803010

* *Lepshokova Zarina K.* — PhD, Associate Professor, Senior Research Fellow, National Research University Higher School of Economics, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Moscow, Russia, taimiris@yandex.ru

** *Tatarko Alexander N.* — Ph.D. in Psychology, Professor, Chief Research Fellow, National Research University Higher School of Economics, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Moscow, Russia, tatarko@yandex.ru

Funding

This work was supported by the Russian Science Humanitarian Foundation. The project «The relationship of socio-psychological capital of a person, acceptability of ethnic diversity, and acculturation expectations» № 16-36-01058.

REFERENCES

1. Vserossiiskaya perepis' naseleniya [All-Russian Population Census]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. 2012. [Elektronnyi resurs]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Accessed 25.05.2017)
2. Kuznetsov I.M. Nuzhny li immigranty rossiiskomu obshchestvu? [Do we need immigrants to the Russian society?]. In: V.I. Mukomelya i E.A. Paina (Eds.). Moscow: Fond "Liberal'naya missiya", 2006, pp. 79–94.
3. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhetnicheskogo vzaimodeistviya migrantov i naseleniya Rossii [Intercultural strategies of migrants and host population of Russia]. Moscow: RUDN, 2009. 423 p.
4. Ob itogakh Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [On the Results of the All-Russian Population Census of 2010]. *Soobshchenie Rosstat. Demoskop Weekly*, 2011, no. 491–492 [Elektronnyi resurs]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php#_FNR_4 (Accessed 25.05.2017)
5. Tatarko A.N., Rodionov G.Y. Vzaimosvyaz' doveriya i akkul'turatsionnykh ozhidanii primamayushchego naseleniya [The relationship between trust and acculturation expectations of the host society]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]*, 2017 (in press).
6. Berry J.W. Contexts of Acculturation. In J.W. Berry, L.S. Phinney, D.L. Sam, P. Vedder (Eds.). *Immigrant Youth in Cultural Transition Mahwah*. NY.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006, pp. 27–42.
7. Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 1997. Vol. 46 (1), pp. 5–68. doi: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
8. Berry J.W. Psychology of acculturation. In J. Berman (Eds.). *Cross-cultural perspectives, Nebraska Symposium on Motivation*. NE, Lincoln: University of Nebraska Press, 1990, pp. 201–234.
9. Berry J.W., Kalin R. Multicultural policy and social psychology: The Canadian experience. In S. A. Renshon, J. Duckitt (Eds.). *Political psychology: Cultural and cross-cultural foundations*. London, UK: Macmillan, 2000, pp. 263–284.
10. Berry J.W., Sam D.L. Acculturation and adaptation. In J.W. Berry, M.H. Segall, C. Kagitcibasi (Eds.). *Handbook of cross-cultural psychology. Social behavior and applications*. Boston: Allyn and Bacon, 1997, pp. 291–326.
11. Bourhis R.Y., Moïse L.C., Perreault S., Senecal S. Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach. *International Journal of Psychology*, 1997, vol. 32(6), pp. 369–386. Doi: 10.1080/0020759974
12. Eshel Y., Rosenthal-Sokolov M. Acculturation Attitudes and Sociocultural Adjustment of Sojourner Youth in Israel. *Journal of Social Psychology*, 2000, vol. 140(6), pp. 677–691. doi: 10.1080/00224540009600509
13. Florack A., Bless H., Piontkowski U. When do people accept cultural diversity? Affect as determinant. *International Journal of Intercultural Relations*, 2003, vol. 27(6), pp. 627–640. doi: 10.1016/j.ijintrel.2003.08.003

14. Horenczyk G. Migrant identities in conflict: Acculturation attitudes and perceived acculturation ideologies. In G. Breakwell, E. Lyons (Eds.). *Changing European identities: Social psychological analyses of social change* / Oxford, UK: Butterworth-Heinemann, 1996, pp. 241–250.
15. Hu L.T., Bentler P.M. Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives. *Structural Equation Modeling*, 1999, vol. 6(1), pp. 1–55. Doi: 10.1080/10705519909540118
16. International Migration Report, 2016. UN Department of Economic and Social Affairs Population Division. United Nations. New York. 2016.
17. Kaiser C.R., Pratt-Hyatt J.S. Distributing prejudice unequally: Do Whites direct their prejudice toward strongly identified minorities? *Journal of personality and social psychology*, 2009, vol. 96(2), pp. 432–445. doi: 10.1037/a0012877
18. Mancini T., Bottura B. Acculturation processes and intercultural relations in peripheral and central domains among native Italian and migrant adolescents. An application of the Relative Acculturation Extended Model (RAEM). *International Journal of Intercultural Relations*, 2014, vol. 40, pp. 4049–63. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.12.002
19. Navas M., Rojas A.J., García M., Pumares P. Acculturation strategies and attitudes according to the Relative Acculturation Extended Model (RAEM): The perspectives of natives versus immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 2007, vol. 31, pp. 67–86. Doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.08.002
20. Navas M.S., García M.C., Sánchez J., Rojas A.J., Pumares P., Fernández J.S. Relative acculturation extended model (RAEM): New contributions with regard to the study of acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 2005, vol. 29, pp. 21–37.
21. O'Reilly C., Williams R. K., Barsage, S. Group Demography and Innovation: Does Diversity Help? In E. Mannix, M. Neale (Eds.). *Research in the Management of Groups and Teams*. Greenwich, CT: JAI Press. 1997.
22. Putnam R.D. E pluribus Unum: Diversity and community in the twenty-first century: The 2006 Johan Skytte Prize Lecture. *Scandinavian Political Studies*, 2007, vol. 30, pp. 137–174. doi: 10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x
23. Rohmann A., Florack A., Piontkowski U. The role of discordant acculturation attitudes in perceived threat: An analysis of host and immigrant attitudes in Germany. *International Journal of Intercultural Relations*, 2006, vol. 30(6), 683–702. doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.06.006
24. Simonton D.K. *Origins of Genius*. New York: Oxford University Press. 1999.
25. Stephan W. Intergroup anxiety theory, research, and practice. *Personality and Soc. Psychol. Rev.*, 2014, vol. 18(3), pp. 239–255. doi: 10.1177/1088868314530518
26. Webber S.S., Donahue L.M. Impact of Highly and Less Job-related Diversity on Work Group Cohesion and Performance: A Meta-analysis. *Journal of Management*, 2001, vol. 27, pp. 141–62.
27. Williams K.Y. O'Reilly C.A. 'Demography and Diversity in Organizations: A Review of 40 Years of Research'. In B.M. Staw, L.L. Cumming (Eds.). *Research in Organizational Behavior*. Greenwich, CT: JAI Press. 1998.
28. Yogeeswaran K., Dasgupta N., Gomez C. A new American dilemma? The effect of ethnic identification and public service on the national inclusion of ethnic minorities. *European Journal of Social Psychology*, 2012, vol. 42 (6), pp. 691–705. doi: 10.1002/ejsp.1894

Психологический эссенциализм: разработка и апробация шкалы

Е.Р. АГАДУЛЛИНА*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, eagadullina@hse.ru

М.А. ЧУМАКОВА**,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, mchumakova@hse.ru

В статье представлены результаты разработки и апробации шкалы оценки психологического эссенциализма как веры во врожденность и неизменность принадлежности к группе. Результаты конфирматорного факторного анализа, проведенного на восьми разных выборках (этнические группы (русские/таджики/евреи), гендерные группы (мужчины/женщины), гомосексуалы (геи/лесбиянки) и религиозные группы (православные/мусульмане)) (n = 897), продемонстрировали хорошие показатели соответствия эмпирическим данным. Данные мультигруппового конфирматорного факторного анализа позволяют говорить о возможности сравнения различных групп внутри одной категории. Предложенная шкала обладает конвергентной и дискриминантной валидностью, с одной стороны, демонстрируя связь с оценкой целостности группы, идентификацией, правосторонним авторитаризмом, оправданием социальной системы и стремлением к социальному доминированию, с другой — отсутствие связи со шкалами открытости опыту и отношения к новизне.

Ключевые слова: эссенциализм, социальные верования, целостность.

Социальная психология наглядно демонстрирует, что предубеждения по отношению к социальным группам связаны с различными личностными факторами и установками [6; 25], а также представ-

лениями об этих группах, в частности, их воспринимаемой целостностью [11; 12] и психологическим эссенциализмом [15]. И если исследования личностных детерминант предубеждений и целостности

Для цитаты:

Агадуллина Е.Р., Чумакова М.А. Психологический эссенциализм: разработка и апробация шкалы // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 147–162. doi:10.17759/sps.20170803011

* Агадуллина Елена Рафиковна — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, eagadullina@hse.ru

** Чумакова Мария Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, mchumakova@hse.ru

социальных групп представлены в российских журналах [1; 3], то психологический эссенциализм до сих пор остается новым понятием.

В философской традиции эссенциализм — это представление о том, что у любого объекта есть недоступная непосредственному наблюдению, неизменная, истинная сущность, которая и делает его тем, что он есть. Сущность объекта дается ему от природы (биологический/генетический детерминизм) или от бога (метафизический детерминизм) и в процессе восприятия позволяет рассматривать его как естественную категорию с заданными свойствами. В обыденном познании эссенциализм распространен как при восприятии отдельных индивидов (в виде веры в устойчивость и неизменность личностных черт и характера человека), так и при восприятии социальных групп (в виде веры во врожденность группового членства и неизменность социальных групп). Вера во врожденность помогает членам групп с высоким и низким статусом «объяснять» связь группового членства с определенными атрибутами [29] и «оправдывать» существующий социальный порядок. В частности, она способствует укоренению различных социальных механизмов, «узакониванию» и защите прав доминирующих социальных групп через подчеркивание стабильности социальной иерархии и оправдание социального неравенства как естественного и неизбежного явления [15; 19; 28]. Кроме того, данная вера способствует «сохранению» групповых границ, поддержанию групповой целостности [22] и позитивной социальной идентичности [23; 31].

Психологический эссенциализм (в форме веры во врожденность и неизменность группового членства) включает в себя разные представления о соци-

альных группах. Н. Хаслам с коллегами [14] выделили семь таких составляющих. Прежде всего эссенциализм предполагает, что каждая социальная категория воспринимается как *естественная* (naturalness) (т. е. имеющая биологическую, а не социальную основу) и *стабильная* (stability), характеристики которой не менялись с течением времени, например, вследствие общественных или культурных изменений. Членство индивида в большинстве социальных категорий является *неизменным* (immutable) и *дискретным* (индивид либо является членом какой-то категории, либо нет). Члены категории обладают перечнем *необходимых общих признаков* (necessity), что делает их *гомогенными* (uniformity). Следствием воспринимаемого подобия членов группы является *информативность* (informativeness) категории, индуктивный потенциал, который позволяет сделать множество логических выводов о всех членах категории, основываясь на отдельных характеристиках. Авторы показали, что различные составляющие психологического эссенциализма могут быть тесно связаны между собой. При этом содержание и направление связей может меняться в зависимости от того, какая именно группа оценивается. Так, при оценке этнических и гендерных групп естественность, стабильность и неизменность часто объединяются в один фактор, а дискретность, гомогенность, необходимость и информативность — в другой [14; 20]. Иное сочетание представлений можно наблюдать при оценке людей с нетипичной сексуальностью [13] или групп людей, страдающих психическими расстройствами. Выявленные различия по большей части связаны со спецификой оцениваемых групп, а также особенностями операционализации

конструкта «психологический эссенциализм». Стоит отметить, что на данный момент не существует единой шкалы оценки веры во врожденность. В большинстве случаев авторы, основываясь на составляющих эссенциализма, выделенных Н. Хасламом с коллегами [14], формулируют собственные суждения, релевантные для исследуемой группы. При этом в зависимости от специфики группы некоторые составляющие эссенциалистских верований могут не включаться в сконструированную шкалу.

Описанные особенности измерения психологического эссенциализма не изменяют его значения в анализе восприятия социальных групп и межгрупповых отношений. Исследования показывают, что вера во врожденность связана с различными когнитивными, социальными и личностными переменными. Так, была выявлена устойчивая связь эссенциализма с тенденцией к социальному доминированию [20], правосторонним авторитаризмом [12], оправданием социальной системы [15; 20; 28], оценкой целостности группы и идентификацией с ней [32]. Не менее важно, что к настоящему моменту накоплен большой массив данных в отношении связи веры во врожденность и предубеждений. Еще в 1954 г. Г. Олпорт предположил, что психологический эссенциализм является фундаментальным компонентом предубеждений, так как он акцентирует различия между группами, что, в свою очередь, приводит к предубеждениям по отношению к членам аут-группы [8; 17; 24] и стереотипизации [16; 18; 27], а, по мнению В. Йезербит (Yzerbyt) с коллегами, и к наиболее тяжелым формам межгрупповой враждебности [30].

Все эти данные делают понятие «психологический эссенциализм» одним из ключевых в анализе восприятия соци-

альных групп и межгрупповых отношений и ставят вопрос о необходимости разработки соответствующей шкалы на русском языке. В результате целью представленного исследования является разработка русскоязычной шкалы оценки психологического эссенциализма и проверка ее валидности при оценке различных социальных групп.

Методика

Выборка

В исследовании приняло участие 897 респондентов, из которых 758 женщин и 139 мужчин. Средний возраст респондентов — 19,48 (SD = 6,01). Каждый участник оценивал 1–2 социальные группы по предложенным шкалам (группа определялась в случайном порядке). В результате этнические группы оценили: «русские» — 559 респондентов (460 женщин, 99 мужчин, средний возраст — 19,00 (SD = 3,72)); «евреи» — 187 человек (162 женщины, 25 мужчин, средний возраст — 19,52 (SD = 5,33)), «таджики» — 314 человек (268 женщин, 46 мужчин, средний возраст — 19,22 (SD = 4,87)). Гендерные группы — 536 респондентов (459 женщин, 77 мужчин, средний возраст — 19,53 (SD = 5,7)), группы людей с различной сексуальной ориентацией: «геи» — 587 респондентов (503 женщины, 84 мужчины, средний возраст — 19,14 (SD = 4,9)), «лесбиянки» — 390 респондентов (329 женщин, 61 мужчина, средний возраст — 19,49 (SD = 5,48)). Религиозные группы: «православные» — 341 респондент (286 женщин, 55 мужчин, средний возраст — 19,83 (SD = 6,74)), «мусульмане» — 338 респондентов (284 женщины, 54 мужчины, средний возраст — 19,80 (SD = 6,73)).

Переменные/шкалы

Психологический эссенциализм был измерен при помощи шкалы, первоначально включающей в себя 10 утверждений (7 прямых и 3 обратных), сформулированных авторами и представляющих собой единую шкалу. Предложенные суждения отражают основные составляющие эссенциалистских верований, описанных в работах Н. Хаслама с коллегами (например, «Можно многое сказать о человеке, узнав, что он русский» — *информативность*, «Всех русских объединяет что-то глубинное, без чего они бы не были русскими» — *необходимость*, «В толпе прохожих русский виден невооруженным глазом» — *дискретность* и т. д.) (см. приложение). Каждое из утверждений необходимо оценить с помощью шкалы от 1 (*совершенно не согласен*) до 7 (*совершенно согласен*). Согласованность (α Кронбаха) шкалы для разных социальных групп варьируется от 0,695 до 0,843.

Для проверки конвергентной и дискриминантной валидности шкалы использовались следующие методики.

Для измерения уровня *правостороннего авторитаризма* использовалась однофакторная шкала «Right-Wing Authoritarianism scale (RWA)» [7], включающая 22 суждения, например «Наша страна крайне нуждается в сильном лидере, который сделает все, что требуется, для уничтожения радикально новых взглядов и греховности, которые нас разрушают». Каждое суждение необходимо оценить по шкале от -4 до +4. Согласованность (α Кронбаха) шкалы равна 0,936.

Для оценки стремления к *социальному доминированию* использовался адаптированный для русской выборки вариант шкалы «Social dominance orientation scale (SDO)», включающий 16 суждений

[25], например «Всем группам должны быть предоставлены равные возможности в жизни». Каждое суждение необходимо оценить с помощью шкалы от 1 (*абсолютно не согласен*) до 7 (*абсолютно согласен*). Согласованность (α Кронбаха) шкалы равна 0,914.

Оправдание социальной системы оценивалось при помощи трех суждений: «Существующая в России система политических и экономических отношений между разными социальными группами справедлива, в ней каждая группа получает то, что заслуживает / правильная, в ней каждая группа на своем месте / идеальна для российских граждан» [19]. Каждое суждение необходимо оценить с помощью шкалы от 1 (*абсолютно не согласен*) до 7 (*абсолютно согласен*). Согласованность (α Кронбаха) шкалы равна 0,812.

Целостность группы измерялась при помощи трех суждений (например, «Русских можно считать единой группой», «Русских можно назвать сплоченной группой», «Русских можно рассматривать как единое целое»). Каждое суждение необходимо оценить с помощью шкалы от 1 (*абсолютно не согласен*) до 7 (*абсолютно согласен*). Согласованность (α Кронбаха) шкалы для разных групп варьируется от 0,709 до 0,834.

Для измерения *идентификации с группой* использовался опросник ингрупповой идентификации, включающий в себя 14 утверждений, основанных на иерархической модели ингрупповой идентификации, и апробированный на российской выборке [2; 21]. Каждое утверждение опросника оценивается по семибальной шкале от 1 (*абсолютно не согласен*) до 7 (*абсолютно согласен*). Согласованность (α Кронбаха) шкалы для разных групп варьируется от 0,780 до 0,934.

Толерантность к неопределенности была измерена с помощью адаптированного для русскоязычной выборки опросника Д. Маклейна [5]. В исследовании была использована шкала «отношение к новизне», включающая в себя три утверждения (например, «Я часто ищу что-либо новое и не стараюсь сохранять все по-старому в своей жизни»). Согласованность (α Кронбаха) шкалы равна 0,78.

Открытость опыту была измерена при помощи соответствующей шкалы из адаптированного для русскоязычной выборки варианта опросника «Большая пятерка» [27]. Шкала включает в себя девять утверждений. Согласованность (α Кронбаха) шкалы равна 0,78.

Результаты

Структура шкалы

С целью проверки структуры шкалы оценки психологического эссенциализма был проведен конфирматорный факторный анализ с помощью пакета lavaan для R. В таблице 1 приведены показатели соответствия конфирматорных моделей исходным данным на восьми разных выборках: этнические группы (русские/таджики/евреи), гендерные группы (мужчины или женщины в зависимости от гендерной принадлежности респондента), гомосексуалы (геи/лесбиянки) и религиозные группы (православные/мусульмане).

Однофакторная модель, в которой все 10 утверждений (7 прямых и 3 обратных) являются одной общей шкалой психологического эссенциализма, продемонстрировала плохое соответствие эмпирическим данным для всех оцениваемых групп (см. табл. 1). Детальный анализ показал, что для большинства

оцениваемых групп все обратные суждения демонстрируют низкие факторные нагрузки. Так, суждение о том, что членами определенных групп становятся, а не рождаются, имеет факторные нагрузки в районе нуля для 6 оцениваемых групп, исключение составляют оценки, полученные для групп «лесбиянки» и «геи», где соответствующие факторные нагрузки составляли 0,409 и 0,427. Аналогичная ситуация наблюдается и при оценке суждения о том, что быть или не быть представителем определенной группы — это вопрос самовосприятия и свободного выбора человека. В результате все обратные суждения были удалены из шкалы и проведено сравнение оригинальной модели (с 10 суждениями, включающими 3 обратных пункта) и модели без обратных пунктов. Данные, представленные в табл. 2, наглядно показывают, что модель без обратных пунктов демонстрирует хорошее соответствие эмпирическим данным (для всех исследуемых выборок). В модели без обратных пунктов все суждения имеют существенные факторные нагрузки (см. табл. 1).

Как видно из табл. 1, для групп «геи» и «лесбиянки» нагрузка одного из суждений находится в районе 0,4, нагрузки всех остальных суждений превышают 0,5; для групп «православные» и «мусульмане» факторные нагрузки превышают 0,5 (за исключением двух суждений в оценке группы православных и одного при оценке мусульман, факторные нагрузки этих суждений превышают 0,3); для группы «мужчины» — 0,4; для групп «русские», «евреи», «таджики» — 0,5. Таким образом, модель измерения психологического эссенциализма воспроизводится для разных типов социальных групп. Основываясь на полученных данных, весь последующий анализ проводился для

Таблица 1

Факторы нагрузки суждений

Суждения	Гендерные группы	Этнические группы			Гомосексуалы		Религия	
	мужчины	русские	евреи	таджики	геи	лесбиянки	православные	мусульмане
Суждение 1	0,467	0,526	0,793	0,777	0,658	0,727	0,539	0,627
Суждение 2	0,748	0,658	0,740	0,782	0,673	0,662	0,503	0,546
Суждение 3	0,563	0,639	0,695	0,738	0,565	0,519	0,508	0,555
Суждение 4	0,582	0,505	0,562	0,512	0,392	0,395	0,305	0,379
Суждение 5	0,749	0,809	0,793	0,817	0,495	0,523	0,323	0,602
Суждение 6	0,656	0,761	0,860	0,851	0,800	0,789	0,797	0,807
Суждение 7	0,423	0,603	0,568	0,520	0,634	0,647	0,486	0,611

Таблица 2

Результаты конфирматорного факторного анализа для разных социальных групп

Группа для оценивания	Модель	χ^2	df	CFI	TLI	RAMSEA	90% CI RMSEA
<i>Гендерные группы</i>							
Мужчины	оригинальная модель	183,344	35	0,820	0,768	0,098	0,085 0,111
	без обратных пунктов	16,393	14	0,996	0,994	0,020	0,000 0,050
<i>Этнические группы</i>							
Русские	оригинальная модель	235,262	35	0,843	0,798	0,102	0,091 0,113
	без обратных пунктов	58,351	14	0,952	0,928	0,076	0,059 0,094
Евреи	оригинальная модель	113,655	35	0,856	0,815	0,111	0,090 0,132
	без обратных пунктов	24,955	14	0,972	0,958	0,065	0,024 0,102
Таджики	оригинальная модель	147,622	35	0,858	0,817	0,106	0,090 0,122
	без обратных пунктов	29,444	14	0,973	0,960	0,062	0,035 0,088
Этнос	общая модель без обратных пунктов	85,033	14	0,961	0,942	0,070	0,059 0,083
<i>Гомосексуалы</i>							
Геи	оригинальная модель	170,786	35	0,865	0,827	0,082	0,072 0,093
	без обратных пунктов	25,806	14	0,981	0,972	0,038	0,018 0,057
Лесбиянки	оригинальная модель	148,485	35	0,840	0,795	0,093	0,079 0,106
	без обратных пунктов	35,002	14	0,953	0,929	0,063	0,042 0,085
Гомосексуалы	общая модель без обратных пунктов	47,228	14	0,969	0,954	0,050	0,037 0,063

Группа для оценивания	Модель	χ^2	df	CFI	TLI	RAMSEA	90% CI RMSEA
<i>Религиозные группы</i>							
Православные	оригинальная модель	68,345	35	0,836	0,79	0,07	0,047 0,094
	без обратных пунктов	16,957	14	0,979	0,968	0,033	0,000 0,078
Мусульмане	оригинальная модель	115,560	35	0,847	0,804	0,085	0,070 0,101
	без обратных пунктов	42,671	14	0,933	0,9	0,08	0,056 0,106
Религия	общая модель без обратных пунктов	42,457	14	0,952	0,928	0,063	0,044 0,084

шкалы, включающей в себя семь прямых суждений.

Для проверки воспроизводимости факторной структуры предложенной шкалы для разных типов групп была проведена серия мультигрупповых конфирматорных факторных анализов для трех разных типов групп (этнические группы, гомосексуалы, религиозные группы). Конфигурационная инвариантность шкалы указывает на то, что при измерении разных групп одни и те же суждения входят в шкалу. Метрическая инвариантность говорит о том, что в случае разных измерений суждения имеют одинаковую факторную нагрузку. И наконец, скалярная инвариантность указывает на то, что нагрузки разных суждений вносят эквивалентный вклад в латентную переменную.

В табл. 3 представлены показатели соответствия моделей разным уровням инвариантности. Результаты анализа продемонстрировали, что в случае оценки всех исследуемых групп форма шкалы психологического эссенциализма сохраняется, т. е. шкала демонстрирует высокую конфигурационную инвариантность. Кроме того, для разных этнических групп, религиозных групп и людей с нетипичной сексуальностью была продемонстрирована эквивалентность факторных нагрузок (т. е. метрическая инвариантность). Другими словами, например,

при оценке разных этнических групп респонденты оценивают их схожим образом по предложенным суждениям.

Несколько сложнее ситуация сложилась с показателями скалярной инвариантности. В частности, только для групп «гомосексуалов» показана полная инвариантность шкалы, для групп «этносов» модель, описывающая скалярную инвариантность, значительно отличается от модели метрической инвариантности, однако показатели соответствия модели данным позволяют рассматривать модель скалярной инвариантности как удовлетворительную. При оценке религиозных групп можно утверждать только об относительной метрической инвариантности шкалы, т. е. о равенстве факторных нагрузок суждений, но не о полном соответствии шкалы применительно к оценке эссенциализма по отношению к представителям разных религий.

В целом предложенная шкала обладает конфигурационной и метрической эквивалентностью при оценке социальных групп разных типов, при этом она не позволяет достоверно сравнивать средние значения между группами, принадлежащими к разным типам (например, этническими и гендерными). При этом шкала позволяет сравнивать средние значения при исследовании разных этнических групп и людей с нетипичной сексуальностью.

**Результаты мультигруппового факторного анализа
для разных социальных групп**

Группы	Модель	χ^2 (df)	CFI	TLI	RMSEA	90% CI RMSEA	$\Delta \chi^2$ (Δ df)	p
Этносы (русские, евреи, таджики)	Configural Invariance	113,290 (42)	0,962	0,943	0,071	0,057 0,084		
	Metric invariance	131,208 (54)	0,959	0,952	0,065	0,053 0,077	16,706 (12)	0,161
	Scalar invariance	173,769 (66)	0,942	0,945	0,069	0,058 0,081	45,265 (12)	< 0,001
Гомосексуалы (геи, лесбиянки)	Configural Invariance	60,781 (28)	0,970	0,954	0,050	0,036 0,064		
	Metric invariance	64,209 (34)	0,972	0,965	0,043	0,030 0,056	3,133 (6)	0,7919
	Scalar invariance	71,019 (40)	0,971	0,970	0,04	0,027 0,053	4,925 (6)	0,5535
Религия (православные, мусульмане)	Configural Invariance	59,745 (28)	0,944	0,916	0,067	0,045 0,088		
	Metric invariance	79,918 (34)	0,919	0,900	0,073	0,054 0,092	19,471 (6)	0,00344
	Scalar invariance	175,755 (40)	0,76	0,748	0,115	0,100 0,132	109,97 (6)	< 0,001
Все группы	Configural Invariance	252,090 (112)	0,966	0,950	0,058	0,050 0,067		
	Metric invariance	450,134 (154)	0,929	0,923	0,073	0,066 0,079	198,85 (42)	< 0,001
	Scalar invariance	1734,307 (196)	0,632	0,684	0,147	0,141 0,152	1472,6 (42)	< 0,001

**Проверка конвергентной
и дискриминантной валидности
шкалы**

В табл. 4 представлена описательная статистика и коэффициенты корреляции между шкалой психологического эссенциализма, параметрами оценки групп (идентификация и целостность), различными политическими установками (правосторонний авторитаризм, социальное доминирование), верованиями (оправдание социальной системы) и личностными характеристиками (открытость опыту и отношение к новизне). Показа-

тели надежности-согласованности шкал (α Кронбаха) демонстрируют высокие уровни согласованности для всех оцениваемых шкал и методик.

Как видно из полученных данных (табл. 4), вне зависимости от группы оценки (русские/гомосексуалы) чем больше индивид верит в то, что членство в группе связано с неизменными врожденными характеристиками, тем в большей степени он воспринимает эту группу как целостную сущность и сильнее с ней идентифицируется. Кроме того, вера во врожденность и неизменность группового членства положительно связана с

верой в то, что существующая социальная система оправдана и справедлива, а также с убеждением, что доминирование одних социальных групп над другими является приемлемой нормой в современном обществе. Эти данные говорят о конвергентной валидности шкалы и хорошо согласуются с полученными ранее результатами [13; 15; 19; 28].

Для проверки дискриминантной валидности шкалы была изучена связь между психологическим эссенциализмом и шкалами, оценивающими готовность человека к работе с новой информацией, любознательность, поиск творческих интерпретаций и т. д. Так как эссенциализм описывает веру в неизменность существующих характеристик, его показатели не должны быть связаны с оценками отношения к новизне и открытостью опыту. Данные, представленные в табл. 4, подтверждают это предполо-

жение, демонстрируя дискриминантную валидность шкалы.

Обсуждение и заключение

В представленном исследовании предложена шкала оценки психологического эссенциализма как веры во врожденность и неизменность принадлежности к социальной группе. Так как данная вера является неотъемлемой частью обычного познания, разработка на русском языке соответствующей шкалы предоставляет новые возможности для изучения различных аспектов восприятия групп и межгрупповых отношений.

Мы показали, что при оценке различных социальных групп (этнических, гендерных, религиозных и людей с нетипичной сексуальной ориентацией) предложенная шкала обладает высокой

Таблица 4

Описательная статистика и корреляции между переменными для двух подвыборок (русские/гомосексуалы)

Переменные	M	SD	α	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Эссенциализм	3,11/ 2,45	1,27/ 1,00	,84/ ,80	-							
2. Идентификация	3,75/ 4,15	1,13/ 1,05	,93/ ,78	,639**/ ,302**	-						
3. Целостность	3,99/ 3,51	1,24/ 1,48	,71/ ,83	,589**/ ,484**	,574**/ ,280**	-					
4. Оправдание систем	2,42/ 2,36	0,95/ 0,99	,81	,270**/ ,403**	,233*/ ,173*	,300**/ ,290**	-				
5. Социальное доминирование	2,59/ 1,53	1,06/ 1,47	,91	,494**/ ,253**	,451**/ ,026	,370**/ ,121**	,693/ ,056	-			
6. Авторитаризм	4,79/ 4,85	0,46/ 0,59	,94	,414**/ ,320**	,196/ ,183**	,380**/ ,183**	,325**/ ,354**	,738/ -,053	-		
7. Открытость опыту	3,72/ 3,70	0,64/ 0,67	,78	,060/ -,111	-,024/ -,004	,038/ -,024	,034/ -,047	-,261/ -,053	,020/ -,013	-	
8. Отношение к новизне	4,21/ 2,50	1,17/ 2,23	,78	-,079/ ,026	,097/ -,001	,104/ ,034	-,261/ -,013	-,029/ ,764**	-,273/ -,136*	,235/ ,067	-

Примечание: $p < 0,10$, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

структурной, конвергентной и дискриминантной валидностью.

Итоговый вариант шкалы включает в себя семь суждений, описывающих различные аспекты эссенциалистских верований (см. приложение). Результаты исследования показали, что респонденты испытывали сложности при оценке обратных суждений (например, «Быть или не быть русским — это вопрос самовосприятия и свободного выбора человека»). При оценке всех типов групп эти суждения продемонстрировали низкие факторные нагрузки и в результате были удалены из шкалы. Вероятно, это связано с тем, что ответ на обратные суждения требует больших когнитивных усилий, так как предполагает, что индивид должен задуматься о том, как он отвечал ранее. Не менее важно, что любые социальные верования — это система поддержания собственных взглядов на мир, противоречий в которой индивид избегает, поэтому обратные суждения (противоположные устоявшимся взглядам индивида) могут вызывать негативный эмоциональный отклик и, соответственно, оцениваться с меньшей точностью. В итоге респонденты продемонстрировали тенденцию к усреднению оценок по обратным вопросам, не отрицая и не соглашаясь с данными суждениями. Проблемы с ответами на обратные вопросы в исследованиях социальных верований были зафиксированы и ранее [4], что дает дополнительные основания выдвигать предположения о специфике оценки социальных верований.

Результаты конфирматорного и мультигруппового факторного анали-

за свидетельствуют о том, что итоговая шкала обладает высокой структурной эквивалентностью (воспроизводится при оценке всех типов групп) и может быть использована для сравнения различных социальных групп внутри одной категории (например, разных этнических групп), так как при оценке групп из одной категории шкала демонстрирует не только одинаковую структуру, но и схожие факторные нагрузки для разных суждений. При сравнении групп из разных категорий (например, этнических и религиозных) шкала демонстрирует хорошую структурную эквивалентность, но не позволяет говорить о возможности сравнения групп. Этот результат связан с тем, что принадлежность к некоторым социальным группам достаточно часто воспринимается как «врожденная», основанная на генетических и биологических факторах (например, гендерные и этнические группы), а членство в других группах рассматривается как выбор индивида (например, религиозные, политические группы¹) [10]. В результате суждения о врожденности и дискретности принадлежности к группе (например, «Характер и способности русских у них в крови», «Ты либо русский, либо нет — третьего не дано, нельзя быть “немного русским”») продемонстрировали большую нагрузку при оценке групп с генетическими основаниями и меньшую — для групп с воспринимаемым выбором членства. Со своей стороны, суждения, относящиеся к такому аспекту эссенциалистских верований как «информативность» (например, «Можно многое сказать о человеке, узнав, что он русский»),

¹ В российском контексте принадлежность к людям с нетипичной сексуальной ориентацией также рассматривается как выбор индивида, а не биологически обоснованное членство.

продемонстрировали большую нагрузку для выборных социальных групп. Вероятно, это связано с существованием устойчивых стереотипов о религиозных группах и гомосексуалах и связи эссенциалистских верований с использованием стереотипов [9; 29].

Результаты представленного исследования подтвердили, что психологический эссенциализм является самостоятельным феноменом оценки социальных групп, связанным, например, с оценкой целостности группы, но не тождественным ей. В частности, если оценка целостности группы скорее отвечает на вопрос «Является ли некоторое количество людей группой?», то оценка психологического эссенциализма — это ответ на следующий вопрос: «Почему они являются группой?». Люди, разделяющие веру во врожденность и неизменность группового членства, в большей степени верят и в то, что положение групп в обществе иерархично и данная иерархия справедливо

отражает статус различных социальных групп. Такие люди склонны считать, что существующий социальный порядок — это единственно верное решение и оно не нуждается в измерении. Они выступают за стабильность, оправдывают доминирование одних групп над другими и стремятся сохранять социальный порядок, из-за высокой склонности к консерватизму они демонстрируют низкую открытость новому опыту [19; 28]. Описанные выше результаты делают психологический эссенциализм (в форме веры во врожденность и неизменность группового членства) одним из основных факторов объяснения возникновения предубеждений по отношению к различным социальным группам. С практической точки зрения использование предложенной шкалы в исследованиях восприятия социальных групп и межгрупповых отношений может существенно обогатить возможности анализа и интерпретации полученных результатов.

Приложение

«Шкала оценки психологического эссенциализма»

Суждения оцениваются по шкале от 1 до 7, где (1 — абсолютно не согласен, 2 — не согласен, 3 — скорее не согласен, 4 — нечто среднее, 5 — скорее согласен, 6 — согласен, 7 — абсолютно согласен).

Характер и способности [название группы] у них в крови.

Только [название группы] способен понять мысли и чувства другого [название группы].

В толпе прохожих [название группы] виден невооруженным глазом.

Ты либо [название группы], либо нет — третьего не дано, нельзя быть «немного [название группы]».

Несмотря на то что [название группы] отличаются друг от друга по поведению и внешности, по существу они очень похожи.

Всех [название группы] объединяет что-то глубинное, без чего они бы не были [название группы].

Можно многое сказать о человеке, узнав, что он [название группы].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агадуллина Е.Р. Понятие «целостности» социальной группы // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2019. № 2. С. 7–20.
2. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 139–153.
3. Гулевич О.А., Агадуллина Е.Р. «Множественное Я»: когнитивные модели улучшения межгрупповых отношений // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 102–114.
4. Гулевич О.А., Аникеенок О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 68–89.
5. Осин Е.Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 65–86.
6. Altemeyer B. The Other “Authoritarian Personality” // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1998. Vol. 30. P. 47–92.
7. Altemeyer B. The Authoritarians [Electronic resource]. 2006. URL: <http://members.shaw.ca/jeanaltemeyer/drboob/TheAuthoritarians.pdf> (дата обращения: 16.09.2016).
8. Andreychik M.R., Gill M.J. Do natural kind beliefs about social groups contribute to prejudice? Distinguishing bio-somatic essentialism from bio-behavioral essentialism, and both of these from entitativity // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2015. Vol. 18. № 4. P. 454–474.
9. Bastian B., Haslam N. Psychological essentialism and stereotype endorsement // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2006. Vol. 42. № 2. P. 228–235. doi:10/1016/j.jesp.2005.03.003
10. Demoulin S., Leyens J., Yzerbyt V.Y. Lay Theories of Essentialism // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2006. Vol. 9. № 1. P. 25–42.
11. Hamilton D.L. Understanding the complexities of group perception: Broadening the domain // *European Journal of Social Psychology*. 2007. Vol. 37. № 6. P. 1077–1101.
12. Hamilton D.L., Sherman S.J., Castelli L. A Group By Any Other Name—The Role of Entitativity in Group Perception. In W. Stroebe, M. Hewstone (Eds.), *European Review of Social Psychology*. 2002. Vol. 12. P. 139–166.
13. Haslam N., Levy S.R. Essentialist beliefs about homosexuality: structure and implications for prejudice // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol. 32. № 4. P. 471–485. doi:10.1177/0146167205276516
14. Haslam N., Rothschild L., Ernst D. Essentialist beliefs about social categories // *British Journal of Social Psychology*. 2000. Vol. 39. № 1. P. 113–127.
15. Haslam N., Rothschild L., Ernst D. Are essentialist beliefs associated with prejudice? // *British Journal of Social Psychology*. 2002. Vol. 41. P. 87–100.
16. Hegarty P., Golden A.M. Attributional beliefs about the controllability of stigmatized traits: Antecedents or justifications of prejudice? // *Journal of Applied Social Psychology*. 2008. Vol. 38. № 4. P. 1023–1044. doi: 10.1111/j.1559-1816.2008.00337.x

17. *Hodson G., Skorska M.N.* Tapping generalized essentialism to predict outgroup prejudices // *British Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 52. № 2. P. 371–382. doi:10.1111/bjso.12083.
18. *Howell A.J., Ulan J.A., Powell R.A.* Essentialist beliefs, stigmatizing attitudes, and low empathy predict greater endorsement of noun labels applied to people with mental disorders // *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 66. P. 33–38. doi: 10.1016/j.paid.2014.03.008
19. *Jost J. T., Banaji M.R., Nosek B.* A Decade of System Justification Theory: Accumulated Evidence of Conscious and Unconscious Bolstering of the Status Quo John // *Political Psychology*. 2004. Vol. 25. № 6. P. 881–919.
20. *Keller J.* In genes we trust: the biological component of psychological essentialism and its relationship to mechanisms of motivated social cognition // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88. № 4. P. 686–702.
21. *Lovakov A.V., Agadullina E.R., Osin E.N.* A Hierarchical (Multicomponent) Model of In-Group Identification: Examining in Russian Samples // *The Spanish Journal of Psychology*. 2015. Vol. 18. P. 1–12. doi:10.1017/sjp.2015.37
22. *Morton T., Hornsey M., Postmes T.* Shifting ground: the variable use of essentialism in contexts of inclusion and exclusion // *The British Journal of Social Psychology*. 2009. Vol. 48. P. 35–59.
23. *Morton T., Postmes T.* When Differences Become Essential: Minority Essentialism in Response to Majority Treatment // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2009. Vol. 35. № 5. P. 656–668.
24. *Pehrson S., Brown R., Zagefka H.* When does national identification lead to the rejection of immigrants? Cross-sectional and longitudinal evidence for the role of essentialist in-group definitions // *British Journal of Social Psychology*. 2009. Vol. 48. № 1. P. 61–76.
25. *Pratto F., Sidanius J., Stallworth L.M., Malle B.F.* Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 67. № 4. P. 741–763.
26. *Rangel U., Keller J.* Essentialism goes social: Belief in social determinism as a component of psychological essentialism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 100. № 6. P. 1056–1078.
27. *Shchebetenko S.* “The best man in the world”: Attitudes toward personality traits // *Psychology Journal of Higher School of Economics*. 2014. № 3. P. 129–148.
28. *Williams M.J., Eberhardt J.L.* Biological conceptions of race and the motivation to cross racial boundaries // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 94. № 6. P. 1033–1047.
29. *Yzerbyt V.Y., Corneille O., Claudia E.* The Interplay of Subjective Essentialism and Entitativity in the Formation of Stereotypes // *Personality and Social Psychology Review*. 2001. Vol. 5. № 2. P. 141–155.
30. *Yzerbyt V.Y., Judd C.M., Corneille O.* *The Psychology of Group Perception: Perceived Variability, Entitativity, and Essentialism.* Taylor & Francis. 2004. 512 p.
31. *Zagefka H., Nigbur D., Gonzalez R., Tip L.* Why does ingroup essentialism increase prejudice against minority members? // *International Journal of Psychology*. 2013. Vol. 48. № 1. P. 60–68.

Psychological essentialism: development and adaptation the scale

E.R. AGADULLINA*,

*National Research University Higher School of economics, Moscow,
Russia, eagadullina@hse.ru*

M.A. CHUMAKOVA**,

*National Research University Higher School of economics, Moscow, Russia.
mchumakova@hse.ru*

The article presents the results of the development and approbation of the scale of psychological essentialism (belief in invariability of group membership). The results of confirmatory factor analysis conducted on eight different groups (ethnic (Russians / Tajiks / Jews), gender groups (men / women), homosexuals (gay / lesbians) and religious groups (Orthodox / Muslim)) (n = 897), demonstrated the good fit to empirical data. The multi-group confirmatory factor analysis revealed that the different groups measured on the scale, can be compared with each other within a single category. The scale shows good convergent and discriminant validity. On the one hand, psychological essentialism associated with group entitativity, group identification, right-wing authoritarianism, social dominance orientation and justification the social hierarchy; on the other hand there are not correlation between the psychological essentialism and open to experience and attitude to novelty.

Keywords: *essentialism, social beliefs, entitativity*

REFERENCES

1. Agadullina E.R. Ponyatie «tselostnosti» sotsial'noi gruppy [Entitativity of social group]. *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya: teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniya* [Modern social psychology: theoretical approaches and applied researches], 2019, no. 2, pp. 7–20.
2. Agadullina E.R., Lovakov A.V. Model' izmereniya ingruppovoi identifikatsii: proverka na rossiiskoi vyborke [Measurement model of in-group identification: validation]

For citation:

Agadullina E.R., Chumakova M.A. Psychological essentialism: development and adaptation the scale. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 147–162. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.20170803011

* *Agadullina Elena R.* – PhD in Social Psychology, Associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of economics, Moscow, Russia, eagadullina@hse.ru

** *Chumakova Maria A.* – PhD in General Psychology, Associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of economics, Moscow, Russia, mchumakova@hse.ru

- in Russian samples]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2013, no. 4, pp. 139–153.
3. Gulevich O.A., Agadullina E.R. «Mnozhestvennoe Ya»: kognitivnye modeli uluchsheniya mezhgruppyovykh otnoshenii [«Multiple I»: cognitive models of improving intergroup relations]. *Voprosy psikhologii*, 2013, no. 4, pp. 102–114.
 4. Gulevich O.A., Anikeenok O.A., Bezmenova I.K. Sotsial'nye verovaniya: adaptatsiya metodik Dzh. Dakkita [Social beliefs: adaptation of J. Duckitt's scales]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2014, no. 2, pp. 68–89.
 5. Osin E.N. Faktornaya struktura russkoyazychnoi versii shkaly obshchei tolerantnosti k neopredelennosti D. Makleina [The factor structure of the Russian-language version of the scale of general tolerance to the uncertainty of D. McLane]. *Psikhologicheskaya diagnostika [Psychological diagnostics]*, 2010, no. 2, pp. 65–86.
 6. Altemeyer B. The Other “Authoritarian Personality”. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1998. Vol. 30, pp. 47–92.
 7. Altemeyer B. The Authoritarians [Electronic resource]. 2006. URL: <http://members.shaw.ca/jeanaltemeyer/drboob/TheAuthoritarians.pdf> (Accessed 16.09.2016).
 8. Andreychik M.R., Gill M.J. Do natural kind beliefs about social groups contribute to prejudice? Distinguishing bio-somatic essentialism from bio-behavioral essentialism, and both of these from entitativity. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2015. Vol.18, no. 4, pp. 454–474.
 9. Bastian B., Haslam N. Psychological essentialism and stereotype endorsement. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2006. Vol. 42, no. 2, pp. 228–235. doi:10/1016/j.jesp.2005.03.003
 10. Demoulin S., Leyens J., Yzerbyt V.Y. Lay Theories of Essentialism // *Group Processes & Intergroup Relations*, 2006. Vol. 9, no. 1, pp. 25–42.
 11. Hamilton D.L. Understanding the complexities of group perception: Broadening the domain // *European Journal of Social Psychology*. 2007. Vol. 37, no. 6, pp. 1077–1101.
 12. Hamilton D.L., Sherman S.J., Castelli L. A Group By Any Other Name—The Role of Entitativity in Group Perception. In W. Stroebe, M. Hewstone (Eds.). *European Review of Social Psychology*, 2002. Vol.12, pp. 139–166.
 13. Haslam N., Levy S.R. Essentialist beliefs about homosexuality: structure and implications for prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2006. Vol. 32, no. 4, pp. 471–485.
 14. Haslam N., Rothschild L., Ernst D. Essentialist beliefs about social categories. *British Journal of Social Psychology*, 2000. Vol. 39, no. 1, pp. 113–127. doi:10.1177/0146167205276516
 15. Haslam N., Rothschild L., Ernst D. Are essentialist beliefs associated with prejudice? *British Journal of Social Psychology*, 2002. Vol. 41, pp. 87–100.
 16. Hegarty P., Golden A.M. Attributional beliefs about the controllability of stigmatized traits: Antecedents or justifications of prejudice? *Journal of Applied Social Psychology*, 2008. Vol. 38, no. 4, pp. 1023–1044. doi: 10.1111/j.1559-1816.2008.00337.x
 17. Hodson G., Skorska M.N. Tapping generalized essentialism to predict outgroup prejudices. *British Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 52, no. 2, pp. 371–382. doi:10.1111/bjso.12083.

18. Howell A.J., Ulan J.A., Powell R.A. Essentialist beliefs, stigmatizing attitudes, and low empathy predict greater endorsement of noun labels applied to people with mental disorders. *Personality and Individual Differences*, 2014. Vol. 66, pp. 33–38. doi: 10.1016/j.paid.2014.03.008
19. Jost J.T., Banaji M.R., Nosek B. A Decade of System Justification Theory: Accumulated Evidence of Conscious and Unconscious Bolstering of the Status Quo John. *Political Psychology*, 2004. Vol. 25, no. 6, pp. 881–919.
20. Keller J. In genes we trust: the biological component of psychological essentialism and its relationship to mechanisms of motivated social cognition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2005. Vol. 88, no. 4, pp. 686–702.
21. Lovakov A.V., Agadullina E.R., Osin E.N. A Hierarchical (Multicomponent) Model of In-Group Identification: Examining in Russian Samples. *The Spanish Journal of Psychology*, 2015. Vol. 18, pp. 1–12. doi:10.1017/sjp.2015.37
22. Morton T., Hornsey M., Postmes T. Shifting ground: the variable use of essentialism in contexts of inclusion and exclusion. *The British Journal of Social Psychology*, 2009. Vol. 48, pp. 35–59.
23. Morton T., Postmes T. When Differences Become Essential: Minority Essentialism in Response to Majority Treatment. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2009. Vol. 35, no. 5, pp. 656–668.
24. Pehrson S., Brown R., Zagefka H. When does national identification lead to the rejection of immigrants? Cross-sectional and longitudinal evidence for the role of essentialist in-group definitions. *British Journal of Social Psychology*, 2009. Vol. 48, no. 1, pp. 61–76.
25. Pratto F., Sidanius J., Stallworth L.M., Malle B.F. Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994. Vol. 67, no. 4, pp. 741–763.
26. Rangel U., Keller J. Essentialism goes social: Belief in social determinism as a component of psychological essentialism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 100, no. 6, pp. 1056–1078.
27. Shchebetenko S. “The best man in the world”: Attitudes toward personality traits. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2014, no. 3, pp. 129–148.
28. Williams M.J., Eberhardt J.L. Biological conceptions of race and the motivation to cross racial boundaries. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008. Vol. 94, no. 6, pp. 1033–1047.
29. Yzerbyt V.Y., Corneille O., Claudia E. The Interplay of Subjective Essentialism and Entitativity in the Formation of Stereotypes. *Personality and Social Psychology Review*, 2001. Vol. 5, no. 2, pp. 141–155.
30. Yzerbyt V.Y., Judd C.M., Corneille O. The Psychology of Group Perception: Perceived Variability, Entitativity, and Essentialism. Taylor & Francis, 2004. 512 p.
31. Zagefka H., Nigbur D., Gonzalez R., Tip L. Why does ingroup essentialism increase prejudice against minority members? *International Journal of Psychology*, 2013. Vol. 48, no. 1, pp. 60–68.

К юбилею В.А. Лабунской
On the jubilee of Vera A. Labunskaya

Этот год является юбилейным для Веры Александровны Лабунской — доктора психологических наук, профессора кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, автора оригинальных работ в области психологии общения и невербального, экспрессивного поведения личности. Вера Александровна начала свою научно-педагогическую деятельность в 1971 г. в Ростовском государственном университете (в настоящее время ЮФУ) на кафедре общей и социальной психологии. За время работы в ЮФУ (РГУ) при непосредственном участии Веры Александровны были созданы кафедры: социальной психологии и психологии личности, которой она руководила с 1991 по 1996 г.; социальной психологии, заведующей которой она являлась с 1999 по 2015 г.; были открыты аспирантура, докторантура, магистратура по социальной психологии.

В 1976 г. Вера Александровна защитила кандидатскую диссертацию в Ленинградском государственном университете на тему: «Психологические условия успешного опознания эмоциональных состояний по выражению лица» (по специальности 19.00.01), под руководством академика А.А. Бодалева. В 1989 г. ею была защищена докторская диссертация в Московском государственном университете на тему: «Интерпретация невербального поведения в межличностном общении» по специальности 19.00.05 — Социальная психология. Идеи и подходы к психологии невербального общения и поведения, разработанные В.А. Лабунской, легли в основу формирования возглавляемого ею научного направления «Психология общения и экспрессивного поведения личности». В рам-

ках данного направления выполняются научные проекты, которые охватывают широкий круг проблем социальной психологии, рассматриваются культурно-психологические, социально-психологические и гендерно-возрастные факторы общения и экспрессивного поведения. Верой Александровной была разработана социально-психологическая теоретическая схема анализа личности как субъекта затрудненного общения, описана структура социально-перцептивных способностей интерпретации невербального поведения и на ее основе создана методика. С позиций социально-психологического и субъектно-бытийного подходов ею разрабатывается проблема влияния внешнего облика на различные сферы жизнедеятельности, проблема удовлетворенности и обеспокоенности внешним обликом в молодежной среде. Важными для научных исследований Веры Александровны являются вопросы о становлении образа врага и друга, о причинах трансформации представлений о враге и друге, о месте внешнего облика в структуре представлений о враге и друге; проблема выраженности надежды в различных контекстах бытия человека. Начиная с 2010 г., Вера Александра занялась разработкой теоретико-эмпирических моделей отношения к дискриминационному поведению Другого, направленному на представителей этнических групп с различным типом внешнего облика.

Ряд научных проектов, руководителем которых являлась Вера Александровна, был поддержан внутренними грантами ЮФУ, РГНФ и РНФ. Она является автором многочисленных публикаций, в том числе таких постоянно цитируемых работ, как «Экспрессия человека: общение и межличностное познание», «Психология затрудненного общения», «Не язык тела, а язык души. Психология невербального выражения личности», «Визуальная психодиагностика личности». Вера Александровна Лабунская была соредактором энциклопедического словаря «Психология общения», коллективной монографии «Психология общения: школа академика А.А. Бодалева».

В.А. Лабунская активно участвует в общественной работе: является заместителем председателя докторского совета при ЮФУ, входит в состав редакционных коллегий таких журналов, как «Российский психологический журнал», «Социальная психология и общество». Вера Александровна являлась организатором и соорганизатором научно-практических конференций различного уровня, активно участвует в конференциях, выступая с докладами, в том числе на Всероссийских психологических съездах и Европейских психологических конгрессах.

В.А. Лабунская имеет большой стаж педагогической работы в вузах Ростова-на-Дону и Южного федерального округа, ею разработан оригинальный спецкурс «Психология экспрессивного поведения личности».

Коллеги и ученики отмечают замечательные качества Веры Александровны, подчеркивают творческий подход не только к делу, но и к межличностным коммуникациям, считают ее человеком неравнодушным, активным, целеустремленным, обладающим даром убеждения, оптимистически настроенным на решение новых творческих задач. Сфера ее интересов, несмотря на постоянство, всегда находится в развитии.

Редколлегия журнала «Социальная психология и общество» присоединяются к многочисленным поздравлениям Веры Александровны с юбилеем и желают ей крепкого здоровья, новых профессиональных и творческих достижений.

Члены редколлегии

Светлой памяти Федора Ефимовича Василюка
In memory of Fedor E. Vasilyuk

28.09.1953 – 17.09.2017

17 сентября 2017 года ушел из жизни Федор Ефимович Василюк — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой индивидуальной и групповой психотерапии Московского государственного психолого-педагогического университета, организатор первого в России факультета психологического консультирования в этом университете, в течение 15 лет его бессменный декан, главный научный сотрудник лаборатории научных основ психологического консультирования и психотерапии Психологического института РАО, основатель научной школы понимающей психотерапии и президент Ассоциации понимающей психотерапии, создатель первого в России Центра психологического консультирования и психотерапии, первого в России журнала по психотерапии — «Московского психотерапевтического журнала».

Федор Ефимович Василюк был выдающимся ученым, книга которого «Психология переживания» переведена на многие языки и широко известна не только в нашей стране, но и во всем мире. Его концепция переживания, изложенная в целом ряде работ, легла в основание большого числа исследований и, несомненно, будет иметь долгую жизнь, побуждая все новые поколения ученых к поискам и открытиям. Его талант как психотерапевта и педагога, учителя смогли оценить многие и многие люди. Но особенно повезло в жизни тем, кто имел возможность быть его другом, близким человеком — эти люди имели счастье побыть рядом с по-настоящему большим и светлым человеком.

Безвременная смерть Федора Ефимовича Василюка — невосполнимая утрата для психологии, для всех, кто его знал и любил.

Члены редколлегии

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России
127051, г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 207
Тел.: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
Факс: +7(495) 632-95-44
e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, комн. 409
Тел.: +7(499) 244-07-06 (доб. 233)
e-mail: *k-409rio@list.ru*
Корректор *Р.К. Лопина*
Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:
Sretenka st., 29, office 207
Moscow, Russia, 127051
Phone: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
fax: +7(495) 632-95-44
e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409
Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)
e-mail: *k-409rio@list.ru*
Technical editor *R.K. Lopina*
Maker-up *M.A. Baskakova*